

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Башмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bazylevich T.F. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bashmakov V.I. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Galazova S.S. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.),
Dr. Sci. (Psy.), prof.
Efimova M.R. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kibakin M.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Krasovskii Yu.D. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Laptev L.G. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Milyohin A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Patsula A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Razov P.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Raichenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Smirnova T.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Tikhonova E.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Filippov A.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Fomin P.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Cherepov V.M. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

Е.В. Таланцева

Ю.С. Никитина

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Гусева

Технический редактор

Д.С. Тарасова

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс 42517 в интернет-версии
«Объединенного каталога «Пресса России»
на сайтах www.pressa-rf.ru и www.akc.ru.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 11.10.2021 г.

Формат 60×90/8

Объем 21,5 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 883

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

E.V. Talantseva

Yu.S. Nikitina

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index 42517 in the online version
"Of the United catalog" Press of Russia "
on the websites www.pressa-rf.ru and www.akc.ru.

LR № 020715 from 02.02.1998

Signed to print 11.10.2021

Format 60×90/8

Size 21,5 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 883

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Денисова А.Л., Бункин А.С.</i> Масштабирование процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации.....	5
<i>Знаменский Д.Ю.</i> Обновляться или проиграть: о создании Российской имперской бюрократии и «принципе домино» в Петровских реформах.....	14
<i>Омельченко Н.А.</i> «Камерализм» или «патримониализм»: у истоков Петровской реформации высшего управления в России.....	21

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

<i>Воронцова Ю.В., Мазур А.Ю.</i> Исследование особенностей организации съемочного процесса при создании аудиовизуального продукта.....	28
<i>Гайнанов Д.А., Атаев Д.М.</i> Отраслевая и территориальная промышленная политика в стратегических документах России и ее регионов.....	34
<i>Коблов С.В.</i> Цифровая трансформация как фактор адаптации персонала для реализации производственного потенциала в условиях пандемии.....	43
<i>Косинова М.И., Гасилина А.А.</i> Анализ деятельности Госфильмофонда Российской Федерации в условиях цифровизации.....	53

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

<i>Бычкова А.А.</i> Обеспечение безопасности железной дороги в масштабах страны: отечественный и международный опыт.....	60
<i>Окольнишникова И.Ю., Сумарокова Е.В., Краснов Е.В.</i> Анализ ключевых тенденций и путей совершенствования маркетинговой деятельности отечественных производителей коммунальной техники.....	66
<i>Пудовкина О.Е.</i> Технологические приоритеты развития промышленного сектора России в условиях глубокого проникновения цифровых технологий.....	74

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Залихина К.А., Сакульева Т.Н.</i> Развитие клиентского сервиса как основа зарождения системы электронной коммерции.....	81
<i>Красных С.С.</i> Импорт регионов России в условиях распространения COVID-19.....	87
<i>Пустынникова Е.В., Баклушинский В.В.</i> Интеграция как способ усиления конкурентных преимуществ корпораций.....	94
<i>Шинкевич А.И., Антипова О.В.</i> Управление затратами в технологических процессах с учетом реализации политики ресурсосбережения.....	103

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

<i>Замятина Н.А., Збарская А.В.</i> Специфика инновационной деятельности в туризме эпохи новой реальности.....	112
<i>Наговицына Э.В., Тусин Д.С., Братухина Е.А.</i> Оценка инвестиционной привлекательности отраслей экономики региона на примере Кировской области.....	122

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

<i>Жилкина А.Н., Орусбиев М.-Х. Р.</i> Предпосылки, проблемы, решения внедрения исламского страхования в Великобритании.....	130
<i>Степанова М.Н.</i> Понятие «спрос» и его производные в современном научном страховом дискурсе.....	136
<i>Траченко М.Б., Кудашов В.В.</i> Модель финансирования агропромышленного комплекса региона.....	145

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

<i>A.L. Denisova, A.S. Bunkin</i> Scaling the processes of human resources management of the organisation in the conditions of digital transformation.....	5
<i>D.Yu. Znamenskiy</i> Renovate or defeat: about creation of Russian imperial bureaucracy and “domino principle” in Petrine reforms.....	14
<i>N.A. Omelchenko</i> “Cameralism” or “patrimonialism”: at the origins of Peter the Great’s reformation of higher management in Russia.....	21

STRATEGIES AND INNOVATIONS

<i>Yu.V. Vorontsova, A.Yu. Mazur</i> Research of organisation specifics of shooting process in the creation of an audiovisual product.....	28
<i>D.A. Gaynanov, D.M. Ataev</i> Sectoral and territorial industrial policy in the strategic documents of Russia and its regions.....	34
<i>Koblov S.V.</i> Digital transformation as an adaptation factor for personnel to realise productive capacity in a pandemic.....	43
<i>M.I. Kosinova, A.A. Gasilina</i> Analysis of the activities of the State Films Fund of Russian Federation in the context of digitalisation.....	53

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

<i>A.A. Bychkova</i> Ensuring railway safety on a national scale: national and international experience.....	60
<i>I.Yu. Okolnishnikova, E.V. Sumarokova, E.V. Krasnov</i> Analysis of key trends and ways to improve the marketing activities of domestic manufacturers of municipal equipment.....	66
<i>O.E. Pudovkina</i> Technological priorities for the development of Russia’s industrial sector in the context of deep digital penetration.....	74

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

<i>K.A. Zalihina, T.N. Sakulyeva</i> Development of client service as a basis for birth of the electronic commerce system.....	81
<i>S.S. Krasnykh</i> Import of Russian regions under conditions of COVID-19.....	87
<i>E.V. Pustynnikova, V.V. Baklushinsky</i> Integration as a way to strengthen the competitive advantages of corporations.....	94
<i>A.I. Shinkevich, O.V. Antipova</i> Cost management in technological processes taking into account the implementation of the resource saving policy.....	103

INVESTMENT VALUATION

<i>N.A. Zamyatina, A.V. Zbarskaya</i> The specifics of innovation in tourism in the new normal.....	112
<i>E.V. Nagovitsyna, D.S. Tusin, E.A. Bratukhina</i> Assessment of the investment attractiveness of the regional economic sectors on the example of the Kirov region.....	122

FINANCES AND BANKING

<i>A.N. Zhilkina, M.-H. R. Orusbiev</i> Background, problems and solutions for introducing islamic insurance in the United Kingdom.....	130
<i>Marina N. Stepanova</i> The concept of “demand” and its derivatives in the modern scientific insurance discourse.....	136
<i>M.B. Trachenko, V.V. Kudashov</i> Model for financing the agro-industrial complex of the region.....	145

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

<i>Горячева О.Н.</i> Конструирование медиареальности с учетом повестки дня	151
<i>Гришина Л.М.</i> Особенности межпоколенческих внутрисемейных конфликтов в период пандемии	156
<i>Давлетшина Л.А., Карманов М.В.</i> Актуальные вопросы статистики анорексии	160

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

<i>Комлев В.А., Феоктистова Е.А.</i> Мотивация как ключевой элемент психологического потенциала к предпринимательской деятельности среди военнослужащих, увольняемых в запас	166
---	-----

CONTENTS

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

<i>O.N. Goryacheva</i> Constructing media reality with an agenda in mind.....	151
<i>L.M. Grishina</i> Special aspects of intergenerational intra-family conflicts during the pandemic	156
<i>L.A. Davletshina, M.V. Karmanov</i> Current issues of anorexia statistics	160

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

<i>V.A. Komlev, E.A. Feoktistova</i> Motivation as a key element of psychological potential for entrepreneurial activities among the military service suspended in stock	166
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 3.33, 331.1, 331.101.3

JEL J24, O15

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-5-13

Денисова Анна Леонидовна
д-р экон. наук, д-р пед. наук,
ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2689-1860
e-mail: annadenisova@mail.ru

Бункин Алексей Сергеевич
директор, ФБУ «Федеральный
ресурсный центр», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6660-3670
e-mail: bunkin@pprog.ru

МАСШТАБИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В условиях цифровой трансформации экономики особое значение приобретают процессы управления кадровым потенциалом организации как основы достижения эффективности деятельности в условиях высокой динамики деловой среды. Одновременно с этим существующая практика управления человеческими ресурсами в организациях показывает, что система управления кадровым потенциалом в условиях цифровой трансформации требует особого внимания с позиций масштабирования процессов. В статье рассмотрены вопросы масштабирования процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации, анализ и учет которых позволит повысить, с одной стороны, эффективность деятельности организации, с другой – мотивацию и вовлеченность сотрудников в рабочий процесс. Особое внимание уделено практике подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации с позиции масштабирования процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации. Системные исследования вопросов масштабирования процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации позволят определить как новые подходы и технологии управления кадровым потенциалом, так и процессы изменения бизнес-моделей организации.

Ключевые слова: цифровая трансформация, кадровый потенциал, управление кадровым потенциалом, профессиональные компетенции, цифровые компетенции, вовлеченность сотрудников, управление изменениями, стратегический потенциал организации, бизнес-компетенция организации

Для цитирования: Денисова А.Л., Бункин А.С. Масштабирование процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации//Вестник университета. 2021. № 9. С. 5–13.

Anna L. Denisova
Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Ped.),
State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2689-1860
e-mail: annadenisova@mail.ru

Aleksey S. Bunkin
Director, Federal Resource
Centre, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6660-3670
e-mail: bunkin@pprog.ru

SCALING THE PROCESSES OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT OF THE ORGANISATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. In the context of the digital transformation of the economy, the processes of managing the human resources of an organisation are of particular importance as the basis for achieving operational efficiency in a highly dynamic business environment. At the same time, the existing practice of human resource management in organisations shows that the human resources management system in the context of digital transformation requires special attention from the standpoint of scaling. This paper discusses the issues of scaling the processes of managing the human resources of an organisation in the context of digital transformation, the analysis and accounting of which will increase, on the one hand, the efficiency of the organisation, on the other hand, the motivation and involvement of employees in the work process. The research paper pays special attention to the Program for the training of management personnel for organisations of the national economy of the Russian Federation from the standpoint of scaling the processes of managing the human resources of an organisation in the context of digital transformation. Systematic studies of the scaling of the organisation's human resources management processes in the view of digital transformation will determine both new approaches and technologies for human resources management and the processes of changing the organisation's business models.

Keywords: digital transformation, human resources, human resources management, professional competences, digital competences, employee involvement, change management, company strategic potential, company business competence

For citation: Denisova A.L., Bunkin A.S. (2021) Scaling the processes of human resources management of the organisation in the conditions of digital transformation. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 5–13. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-5-13

© Денисова А.Л., Бункин А.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Denisova A.L., Bunkin A.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Цифровая трансформация, ориентированная, в первую очередь, на переосмысление способов организации работы сотрудников с целью обеспечения эффективности деятельности посредством использования современных технологий и анализа данных, требует масштабирования процессов управления кадровым потенциалом организации, в контексте обеспечения потребностей инновационной экономики в квалифицированных кадрах [4; 8; 9].

В контексте данного исследования кадровый потенциал организации рассматривается нами как общая (количественная и качественная) характеристика персонала, связанная, с одной стороны, с выполнением возложенных функциональных обязанностей посредством реализации соответствующих полномочий в рамках установленной ответственности, с другой – с обеспечением эффективности процессов трансформации бизнес-модели организации, как основы достижения стратегических приоритетов развития.

Как показывает практика, сбалансированность системы управления кадровым потенциалом достигается посредством учета изменений, происходящих в технологии и организации производства, в содержании труда, оптимальном использовании рабочего времени, а также обеспечении процессов непрерывной переподготовки и повышения квалификации специалистов [5; 7].

Материалы исследования

Ключевым фактором успеха организации в условиях высокой динамики деловой среды выступает реализация системного подхода в управлении конкурентоспособность бизнеса.

Любая организация в процессе создания добавленной стоимости использует семь групп базовых ресурсов (далее – БРО). Менеджменту организации важно понимать не только возможности, предоставляемые БРО, или стратегический потенциал компании (далее – СПО), но и сфокусированность СПО на группе ресурсов – бизнес-компетенцию организации (далее – БКО).

Системный мониторинг внешней среды организации позволит менеджменту определить возможности и угрозы, а также сделать вывод о том, какие необходимо создать условия реализации БКО с целью обеспечения конкурентного преимущества на рынке.

На рисунке 1 представлена модель управления конкурентоспособностью бизнеса.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1 Модель управления конкурентоспособностью бизнеса

Таким образом, в условиях цифровой трансформации, с целью достижения эффективности бизнеса, менеджмент организации, управляя системными изменениями, должен быть сфокусирован, прежде всего на:

- обеспечении адекватности условиям конкурентной среды стратегических инструментов управления организацией;
- достижении эффективности и результативности использования общих принципов и ключевых ценностей функционирования организации, как основы обеспечения сбалансированности и согласованности процесса принятия управленческих решений;
- системном мониторинге конкурентной позиции организации с целью определения направлений развития и настройки системы управления на достижение стратегических приоритетов;
- факторах конкурентной среды как факторах создания стоимости организации с целью обеспечения надежности, устойчивости и эффективности системы менеджмента организации;
- системном мониторинге внутренней среды организации с целью обеспечения сбалансированности, как ресурсной базы стратегии развития организации, так и организационной структуры управления с позиций достижения приоритетов развития.

На рисунке 2 представлен механизм формирования системы управления изменениями в организации.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Механизм формирования системы управления изменениями в организации

Анализ процессов цифровых преобразований в организациях позволил нам сформулировать следующие выводы.

1. Проведение процессов преобразования требует учета специфики реализации корпоративной культуры организации.

2. При планировании в контексте определения временных параметров необходимо учитывать время на адаптацию сотрудников и руководителей организации к новым технологиям.

3. Цифровые преобразования, повышая эффективность деятельности организации, требуют учета системных изменений на рынке.

В своей работе А. Прохоров и Л. Коник делают вывод о том, что цифровая трансформация позволяет сократить издержки на разработку и время выхода новых решений на рынок [6]. Тем самым цифровая трансформация стимулирует разработку внутри компаний, что укрепляет значение этого направления для конкурентоспособности компаний. Мы наблюдаем рост R&D на 6 % за два года. В свою очередь, копирование практик с рынка при создании «новых» решений снизилось на 15 %.

Таким образом, цифровая трансформация ставит, как одну из первоочередных задач, задачу масштабирования процессов управления кадровым потенциалом организации.

Масштабирование процесса управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации понимается нами как:

- определение приоритетов внедрения профессиональных стандартов в организации;
- определение специфики настройки системы управления с целью достижения эффективности бизнеса;
- определение условий достижения сбалансированности процессов принятия управленческих решений в контексте изменения бизнес-моделей организации.

Важно учесть, что приоритеты внедрения профессиональных стандартов в организации определяют ключевые направления развития бизнеса, поскольку их реализация требует от менеджмента организации заданного уровня сформированности ключевых компетенций.

С этих позиций опыт реализации «Президентской Программы» имеет существенное значение, поскольку ее стратегической целью является формирование управленческого потенциала, способного обеспечить развитие предприятий реального сектора экономики Российской Федерации [1; 2].

В новой версии от 2019 г. «Методических рекомендаций по организации обучения специалистов и разработке образовательных программ для реализации в рамках Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации» не только изменились требования к структуре и содержанию образовательных программ, но, прежде всего, особое внимание уделено общей характеристике образовательной программы, в частности:

- описанию миссии (цели) образовательной программы;
- характеристике целевой аудитории слушателей;
- характеристике новой квалификации и связанных с ней видов профессиональной деятельности, трудовых функций и (или) уровней квалификации;
- характеристике компетенций, подлежащих совершенствованию, и (или) перечню новых компетенций, формирующихся в результате освоения программы;
- ожидаемым образовательным результатам и способам их измерения;
- характеристике используемых образовательных технологий, в том числе дистанционных образовательных технологий;
- организационно-педагогическим условиям реализации образовательной программы;
- ключевым показателям эффективности (результативности) образовательной программы [10].

Реализация данного подхода позволила:

- для организаций, направляющих специалистов на обучение, не только выделить приоритетное направление развития организации и сформулировать индивидуальное проектное задание специалисту, но и при выборе программы обучения определиться с перечнем ключевых компетенций, которые должны быть сформированы у данного специалиста;

- для специалистов организаций, участвующих в Программе, не только выбрать для себя программу обучения и определить траекторию личностного и профессионального развития, но и повысить свою капитализацию на рынке труда и управляя карьерой;

– для образовательной организации, участвующей в реализации Государственного плана подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации, не только разработать актуальную образовательную программу, но и прежде всего создать сбалансированную консультационно-образовательную среду.

С 2019 г. Институт делового администрирования и бизнеса ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» реализует проектно-ориентированную образовательную программу «Практика управления бизнес-проектами» (тип А – advanced).

Миссия программы – подготовка менеджеров, ориентированных на рост стоимости бизнеса посредством формирования системы эффективного управления бизнес-проектами в сферах: высоких технологий, цифровой экономики, социальной сферы, повышения производительности труда и др.

Целевая аудитория программы: собственники бизнеса; менеджмент организации, руководители проектов; государственные и муниципальные служащие, в сферу ответственности которых входит реализация приоритетных проектов и региональных проектов развития.

Перечень нормативных документов, определяющих квалификационные характеристики (требования) к выпускнику программы:

– профессиональный стандарт «Специалист по работе с инвестиционными проектами», Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 16 апреля 2018 г. № 239н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по работе с инвестиционными проектами»;

– квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденный постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 37 (с изменениями и дополнениями). Раздел I. Общеотраслевые квалификационные характеристики должностей работников, занятых на предприятиях, в учреждениях и организациях. Должности руководителей. Директор (генеральный директор, управляющий) предприятия. Финансовый директор. Начальник отдела проектного финансирования; Проект-менеджер;

– Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки «Менеджмент» (уровень магистратуры), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 марта 2015 г. № 322.

Характеристика нового вида профессиональной деятельности, трудовых функций и (или) уровней квалификации (с учетом специализации)

1. При применении профессионального стандарта.

Вид профессиональной деятельности.

1.1. Реализация инвестиционных проектов с применением разных форм финансирования.

Профессиональный стандарт «Специалист по работе с инвестиционными проектами» относит трудовую функцию «Реализация инвестиционного проекта» (возможные наименования должностей: специалист по организации инвестиционных проектов и управлению инвестиционными проектами; управляющий финансовой деятельностью; менеджер) к 7 уровню квалификации; трудовые функции: В/01.7 «Управление эффективностью инвестиционного проекта», В/02.7 «Управление коммуникациями инвестиционного проекта», В/03.7 «Управление рисками инвестиционного проекта», В/04.7 «Управление сроками и контроль реализации инвестиционного проекта».

1.2. Управление проектами.

Профессиональный стандарт «Руководитель проектов» относит трудовую функцию «Инициирование проекта» (возможные наименования должностей: руководитель проектов) в зависимости от уровня сложности проектов 1А, 2А, 3А соответственно к 6, 7, 8 уровню квалификации; «Планирование проекта» (возможные наименования должностей: руководитель проектов) в зависимости от уровня сложности проектов 1В, 2В, 3В соответственно к 6, 7, 8 уровню квалификации; «Исполнение проекта» (возможные наименования должностей: руководитель проектов) в зависимости от уровня сложности проектов 1С, 2С, 3С соответственно к 6, 7, 8 уровню квалификации; «Контроль проекта» (возможные наименования должностей: руководитель проектов) в зависимости от уровня сложности проектов 1Д, 2Д, 3Д соответственно к 6, 7, 8 уровню квалификации; «Завершение проекта» (возможные наименования должностей: руководитель проектов) в зависимости от уровня сложности проектов 1Е, 2Е, 3Е соответственно к 6, 7, 8 уровню квалификации.

2. При применении квалификационного справочника.

Вид профессиональной деятельности: Управляющие финансовой деятельностью; Консультанты по финансовым вопросам и инвестициям; Управление проектами.

Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих относит должности: Директор (генеральный директор, управляющий) предприятия. Финансовый директор. Начальник отдела проектного финансирования; проект-менеджер.

Должностные обязанности по соответствующей должности, которые выпускник сможет выполнять по завершении обучения: управление развитием организации; обоснование и разработка проектов; проведение экспертизы проектов и формирование экспертных заключений о возможности их реализации; определение этапов и последовательности реализации проектов; управление рисками, эффективностью и коммуникациями проектов; формирование команды проектов; управление сроками и осуществление контроля реализации проекта; формирование и управление системой проектного финансирования; работа с инвесторами и привлечение инвестиций.

В настоящее время профессиональная переподготовка специалистов по дополнительным профессиональным программам профессиональной переподготовки в рамках реализации Программы подготовки управленческих кадров может соответствовать укрупненному профессиональному стандарту «Экономика и финансы».

В таблице 1 представлены базовые компетенции, в таблице 2 представлены ожидаемые образовательные результаты.

Таблица 1

Характеристики компетенций

Код	Описание
<i>ПК</i>	<i>Профессиональные компетенции</i>
ПК1	Знание особенностей принятия решений проектного финансирования, принципов и подходов структурирования инвестиционного проекта, методов и моделей управления ими
ПК2	Знание современных практик управления рисками и оценки эффективности инвестиционных проектов
ПК3	Знание механизмов и инструментов проектного финансирования инвестиционных проектов
ПК4	Знание особенностей функционирования рынка капитала
ПК5	Знание международной практики по привлечению инвестиций
ПК6	Умение использовать методы инвестиционного анализа, принципы и подходы обоснования экономической эффективности и инвестиционной привлекательности проекта
ПК7	Умение определять этапы инвестиционного проекта и последовательность их реализации
ПК8	Умение оценивать ресурсы, необходимые для реализации инвестиционного проекта
ПК9	Умение разрабатывать план и осуществлять контроль реализации проекта
ПК10	Умение определять источники и управлять рисками реализации инвестиционного проекта
ПК11	Умение эффективного управления проектами
ПК12	Умение определить структуру, содержание и специфику реализации этапов проекта, оценивать эффективность использования ресурсов
ПК13	Умение описывать и контролировать бизнес-процессы реализации инвестиционного проекта
ПК14	Умение формировать и оценивать эффективность системы проектного финансирования, в том числе в рамках реализации целевых программ
<i>ЦК</i>	<i>Цифровые компетенции</i>
ЦК1	Знание прикладных программ управления проектами
ЦК2	Умение использовать программно-аппаратные средства в процессе управления проектами
ЦК3	Умение формировать информационную базу для подготовки и реализации инвестиционного проекта
ЦК4	Способность адаптироваться к новым техническим решениям и технологиям реализации инвестиционного проекта

Код	Описание
ЦК5	Умение разрабатывать алгоритмы, модели, схемы реализации инвестиционного проекта
ЦК6	Умение использовать информационные и коммуникационные технологии и модели в рамках реализации инвестиционного проекта
ЦК7	Навыки формирования системы управления информацией в рамках реализации проекта
СК	<i>Социальные компетенции</i>
СК1	Навыки ведения деловых переговоров
СК2	Навыки разработки и эффективной презентации инвестиционного проекта
СК3	Умение делегировать функции, полномочия и ответственность между участниками инвестиционного проекта
СК4	Умение выстраивать коммуникацию между участниками инвестиционного проекта и управлять ее эффективностью
СК5	Владение приемами и методами управления персоналом при реализации проекта
СК6	Навыки организации групповых работ, коммуникаций по проекту, формирование команды проекта
СК7	Эмоциональный интеллект, лидерские качества
СК8	Владение методами обеспечения проекта персоналом: критические ресурсы, виртуальные команды, ресурсные календари, критерии и инструменты отбора членов команды проекта, методы проектной мотивации

Составлено авторами по материалам исследования

Таблица 2

Ожидаемые образовательные результаты и способы их измерения

Образовательный результат	Способ измерения
Знать методологию, современные подходы и лучшие практики управления проектами; экономику и управление предприятием	– тестирование; – выполнение письменных заданий; – выполнение комплексного задания
Понимать особенности влияния макроэкономической ситуации на формирование бизнес-среды и эффективность реализации проектов	– кейс (задание на анализ практической ситуации); – комплексное задание; – практическая разработка
Демонстрировать готовность и способность разрабатывать конкурентную стратегию организации и портфель проектов для ее реализации, разрабатывать бизнес-план, план управления и финансовую модель проекта	– комплексное задание; – практическая разработка; – защита бизнес-плана проекта; – наблюдение (в ходе выполнения учебных задач)
Использовать специализированные компьютерные программы, различные справочно-правовые системы и осуществлять поиск необходимой информации для подготовки и реализации инвестиционного проекта	– защита плана реализации и финансовой модели проекта; – деловая игра, деловая симуляция, прохождение компьютерного тренажера; – оформление промежуточных результатов проекта; – наблюдение (в ходе выполнения учебных задач)
Демонстрировать навыки организации групповых работ, коммуникаций по проекту, формирования команды проекта	– презентация рекомендаций по дальнейшей реализации проекта; – комплексное задание; – деловая игра, деловая симуляция; – кейс; – наблюдение (в ходе выполнения учебных задач)

Образовательный результат	Способ измерения
Владение приемами оценки и управления эффективностью реализации проектов; демонстрировать критическое мышление и отстаивать свою точку зрения	– наблюдение (в ходе выполнения учебных задач); – собеседование; – защита проекта
Владение техниками эффективных презентаций и ведения переговоров, обеспечения проекта персоналом: критические ресурсы, виртуальные команды, ресурсные календари, критерии и инструменты отбора членов команды проекта, методы проектной мотивации	– деловая игра, деловая симуляция; – комплексное задание; – презентация рекомендаций по дальнейшей реализации проекта; – наблюдение (в ходе выполнения учебных задач); – собеседование

Составлено авторами по материалам исследования

Заключение

Таким образом, масштабирование процессов управления кадровым потенциалом организации в условиях цифровой трансформации призвано обеспечить:

- достижение стратегических приоритетов развития бизнеса посредством систематизации процессов управления изменениями в организации;
- формирование благоприятного организационного климата;
- комплексную мотивацию процессов повышения эффективности деятельности сотрудников;
- адаптивную устойчивость организации конкурентным вызовам.

Анализ практики подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации с позиции масштабирования процессов управления кадровым потенциалом позволил нам определить приоритетные направления достижения эффективности процессов цифровой трансформации бизнеса, в частности:

- процессы внедрения профессиональных стандартов в организации должны быть ориентированы, прежде всего, на достижение приоритетов развития бизнеса и иметь системный характер;
- проекты, с которыми сотрудники организации участвуют в Президентской программе, должны быть значимыми с позиций влияния на стоимость бизнеса;
- в процессы реализации проектной деятельности должны быть вовлечены профильные подразделения и ключевые специалисты организации;
- проектная деятельность в организации должна обеспечивать учет, как отраслевой специализации, так и перспективных направлений, предусмотренных национальными и региональными проектами [3].

Одновременно с этим требуется дополнительное исследование вопросов разработки и реализации национальных и региональных проектов и целевых программ, с позиций формирования механизмов мотивации и привлечения бизнеса в данные проекты, формирования кадрового потенциала реализации проектов, как одного из основных направлений Программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 1997 г. № 774 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации» // Министерство Юстиции Российской Федерации. Нормативно-правовые акты в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.minjust.ru:8080/big5/showDocument.html?id=59B0D7A4-81F1-4BB1-9869-8E0E9661962> (дата обращения: 14.08.2021).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 142 «О подготовке управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации в 2018/19 - 2024/25 учебных годах и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 23.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318192/ (дата обращения: 14.08.2021).

3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21.07.2020 // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 14.08.2021).
4. Трудовой потенциал модернизации: прогнозирование потребностей инновационной экономики в квалифицированных кадрах (региональный и национальный аспекты): коллективная монография. – М.: Изд-во Русайнс, 2017. – 270 с.
5. Денисова, А.Л., Бункин, А.С. Ключевые аспекты управления кадровым потенциалом предприятий и организаций: опыт реализации «Президентской Программы» // Вестник Университета. – 2020. – №10. – С. 15–27. <https://doi.org/26425/1816-4277-2020-10-15-27>
6. Прохоров, А., Коник, Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. – М.: ООО «КомНьюс Групп», 2019. – 368 с.
7. Катковская, И.В. Условия и инструменты управления кадровым потенциалом организации // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 301–305.
8. Цифровая трансформация бизнеса – HR-блог TalentTech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.talenttech.ru/digital-transformation-faq> (дата обращения: 14.08.2021).
9. КМДА. Цифровая трансформация в России – 2020. Обзор и рецепты успеха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1xVK4ISanDZSCN6kGANXikrGoKgpVlcwN/view> (дата обращения: 14.08.2021).
10. Президентская программа: Образовательные организации. Программа Подготовки Управленческих Кадров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pprog.ru/education/metodicheskie-rekomendatsii-po-obrazovatelnyim-programmam/index.php?sphrase_id=70247 (дата обращения: 14.08.2021).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 774, dated on July 23, 1997 “On the Training of Management Personnel for Organizations of the National Economy of the Russian Federation”, *Ministry of Justice of the Russian Federation. Regulatory legal acts in the Russian Federation*. Available at: <http://pravo.minjust.ru:8080/bigs/showDocument.html?id=59B0D7A4-81F1-4BB1-9869-8EB0E9661962> (accessed 14.08.2021).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 142, dated on February 13, 2019 “On the Training of Management Personnel for Organizations of the National Economy of the Russian Federation in the 2018/19 - 2024/25 Academic Years and Invalidation of Some Acts of the Government of the Russian Federation” (as amended, dated on July 23, 2020), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318192/(accessed 14.08.2021).
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 204, dated on May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024”, *The President of Russia*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 14.08.2021).
4. *Labor potential of modernization: forecasting the needs of the innovative economy in qualified personnel (regional and national aspects): Collective Monograph*, Moscow, Publishing house RUSAINS, 2017, 270 p. (In Russian).
5. Denisova A.L., Bunkin A.S. Key aspects of human resources capacity management of enterprises and organizations: experience in implementing the “Presidential Program”, *Vestnik universiteta*, 2020, no. 10, pp. 15–27. (In Russian). <https://doi.org/26425/1816-4277-2020-10-15-2>
6. Prokhorov A., Konik L. *Digital transformation. Analysis, trends, world experience*, Moscow, LLC “KomNews Group”, 2019, 368 p. (In Russian).
7. Katkovskaya I.V. Conditions and tools for managing the personnel potential of an organization, *Molodoi uchenyi*, 2016, no. 15 (119), pp. 301–305. (In Russian).
8. *Digital Business Transformation – TalentTech HR Blog*. Available at: <https://blog.talenttech.ru/digital-transformation-faq> (accessed 14.08.2021). (In Russian).
9. *KMDA. Digital Transformation in Russia – 2020. Overview and Recipes for Success*. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1xVK4ISanDZSCN6kGANXikrGoKgpVlcwN/view> (accessed 14.08.2021). (In Russian).
10. *The Presidential Program: Educational Organizations. Management Training Program*. Available at: https://www.pprog.ru/education/metodicheskie-rekomendatsii-po-obrazovatelnyim-programmam/index.php?sphrase_id=70247 (accessed 14.08.2021). (In Russian).

Знаменский Дмитрий Юрьевич
канд. полит. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3492-1567
e-mail: belyferz@list.ru

ОБНОВЛЯТЬСЯ ИЛИ ПРОИГРАТЬ: О СОЗДАНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ БЮРОКРАТИИ И «ПРИНЦИПЕ ДОМИНО» В ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМАХ

Аннотация. Рассмотрен процесс реформирования государственной службы в контексте государственных преобразований Петра Великого. Особое внимание уделено периодизации реформ. На основании ее анализа сделан вывод не только о справедливости хронологического разделения государственных преобразований Петра Великого на условно стихийный и организованный этапы, но и о своеобразном «принципе домино»: проведение одной реформы обуславливало необходимость следующей. Дана собственная трактовка особенностей формирования имперской бюрократии в России первой четверти XVIII в. Отмечено сравнительно медленное развитие этого процесса, что можно объяснить инертностью самого чиновничества и в первую очередь – подьяческого корпуса.

Ключевые слова: государство, бюрократия, реформы Петра I, государственная служба, государственное управление, геополитические императивы, факторы реформ, принцип домино, Северная война

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Знаменский Д.Ю. Обновляться или проиграть: о создании Российской имперской бюрократии и «принципе домино» в Петровских реформах//Вестник университета. 2021. № 9. С. 14–20.

RENOVATE OR DEFEAT: ABOUT CREATION OF RUSSIAN IMPERIAL BUREAUCRACY AND “DOMINO PRINCIPLE” IN PETRINE REFORMS

Abstract. The article considers the process of reforming the civil service in the context of the state transformations of Peter the Great. The author pays special attention to the periodization of reforms. Based on its analysis, the conclusion is drawn not only about the validity of the chronological division of Peter the Great's state transformations into conditionally spontaneous and organized stages, but also about a kind of “domino principle”: the implementation of one reform necessitated the next. The author gives his own interpretation of the features of the formation of the imperial bureaucracy in Russia in the first quarter of the XVIII century. The relatively slow development of this process is noted, which can be explained by the inertia of the bureaucracy itself and, first of all, the podiachy corps.

Keywords: state, bureaucracy, reforms of Peter I, public service, public administration, geopolitical imperatives, reform factors, domino principle, Nordic War

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR under research project No. 20-09-42064.

For citation: Znamenskiy D.Yu. (2021) Renovate or defeat: about creation of Russian Imperial bureaucracy and “domino principle” in Petrine reforms. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 14–20. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-14-20

Введение

Исследования хода государственных преобразований, проведенных в России в первой четверти XVIII в., а также их последствий, непосредственных и отдаленных, предпринимались в исторической науке неоднократно [2]. Это связано как с масштабом проведенных реформ, так и с личностью Петра Великого, о чем свидетельствуют регулярные (уже начиная с середины XVIII в.) попытки составления биографии первого

© Знаменский Д.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Znamenskiy D.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

российского императора. Вместе с тем нерешенными остаются три принципиальных вопроса: 1) об историческом значении Петровских реформ для России и мира; 2) о причинах, побудивших царя к столь масштабным и глубоким преобразованиям и 3) о самой необходимости этих преобразований. Стоит отметить две полярные точки зрения на этот счет.

Во-первых, целый ряд историков и мыслителей (условно называемых «западниками») традиционно считает путь Петровских реформ единственно возможным для России в конце XVII столетия. В качестве аргументации часто приводится сравнительный анализ экономических показателей России и стран Западной Европы того времени, сопоставляется российский и европейский уровень научно-технического развития, описываются военные неудачи русского оружия в последней четверти XVII в.

Во-вторых, с середины XIX в. и до настоящего времени сохраняется также и критический взгляд на петровские преобразования, доходящий порой до радикального неприятия курса Петра I. Представители данного направления (так называемые почвенники) отмечают насильственный характер реформ, фактически слом вековых устоев русского общества, вплоть до обвинений царя в отказе от русской идентичности в пользу идентичности европейской. В противовес петровским идеям выдвигается тезис о не менее конструктивных и успешных, но постепенных и логически встроенных в русский историко-цивилизационный код преобразований периода правления царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Вообще отношение к петровским реформам до сих пор выступает одной из центральных проблем в дискуссиях о политической и национальной идентичности населения России, о чем неоднократно упоминалось в трудах О. Ю. Яхшияна, Н. А. Омельченко и ряде других [12; 20].

Полемика затрагивает и вопрос о государственной службе. С одной стороны, революционный характер преобразований, осуществленных Петром I в данной сфере, не вызывает сомнений, с другой же, – как уже было показано автором в предыдущих статьях, к концу XVII в. предшественниками первого императора был создан существенный задел: в полках иноземного строя фактически существовала параллельная система чинов европейского образца, был формально отменен местнический принцип назначения на должности, существовал проект новой системы военных и гражданских чинов [13; 17].

Материалы и методология

Как уже отмечалось выше, Петровские реформы вообще и государственные преобразования в частности, нередко становились объектом научных исследований отечественных и зарубежных историков. Из числа дореволюционных исследователей стоит отметить фундаментальные труды В. Н. Татищева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского, С. Ф. Платонова [7; 9; 11; 15; 18].

Советская и современная российская историография петровских преобразований включает труды Е. В. Анисимова, Н. Ф. Демидовой, Т. А. Лаптевой, А. М. Панченко, П. В. Седова, Г. В. Талиной и др. [5; 14; 16; 17].

С точки зрения анализа предпосылок Петровской реформы государственной службы представляются весьма плодотворными работы Г. В. Талиной, посвященные вопросам формирования иерархии чинов в России второй половины XVII в., а также Н. Ф. Демидовой, детально изучавшей процессы формирования подьяческого корпуса в XVII столетии и его роли в формировании имперской бюрократии в последующие годы.

В современной историографии государственных преобразований Петра I и, в частности, его реформы государственной службы следует обратить внимание на весьма плодотворный труд К. Х. Ибрагимова и А. К. Ибрагимова, посвященный развитию высших органов государственной власти [6].

Исследователи современных тенденций развития российской государственной службы также зачастую обращаются к опыту построения имперской бюрократии. Примером тому служат труды Н. В. Блиновой и Д. А. Филимонова, Г. А. Борщевского, М. А. Черкасовой и др. [3; 22; 23]

Таким образом, в отечественной и мировой историографии сформирован значительный научный задел по исследованию хронологии петровских государственных преобразований. Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие единства мнений по означенным выше принципиальным вопросам. Представляется важным в этой связи обратить особое внимание на анализ специфики формирования имперской бюрократии в России и сочетанию исконной российской и европейской традиций в этом процессе.

Результаты

По мнению автора, резонно предположить, что реформа государственной службы, проведенная Петром I и приведшая к формированию в России начала XVIII в. имперской бюрократии нового типа, была обусловлена сугубо практическими потребностями, вызванными геополитическими императивами России и Северной войной.

Представляется нелишним напомнить, что внешнеполитическое положение России к началу самостоятельного правления Петра I оставалось незавидным. Во-первых, непосредственные сношения государство вело только с соседними Швецией, Польшей и вассальным Константинополю Крымским ханством, причем последнее представляло для Москвы перманентную угрозу. Во-вторых, участие в антиосманской Священной лиге обязывало Россию вести военные действия против Крыма, что привело к двум походам в 1687 г. и 1689 г., о степени успешности которых до сих пор спорят историки. В-третьих, отсутствие собственного военного и торгового флота ставило русскую внешнюю торговлю в зависимость от европейских морских караванов и делало возможным, при необходимости, торговую блокаду России со стороны западноевропейских держав.

Таким образом, перед Петром I стояла не новая и до сих пор нерешенная его предшественниками геополитическая задача – силой оружия выйти к так называемым естественным границам на юге и на северо-западе (то есть к Черному и Балтийскому морям) с целью обеспечения безопасности, расширения возможностей для внешней торговли и укрепления международного престижа России [10].

Взятие Азова в 1696 г. показало важность наличия флота в реалиях современной войны. Кроме того, примерно тогда же, по всей видимости, Петром I был сделан существенный с геополитической точки зрения вывод о второстепенности борьбы за выход к Черному морю в настоящее время: даже при успешном закреплении на его северном побережье возможность блокады новых торговых путей со стороны османской империи сохранялась, в то время как антиосманская Священная лига к 1699 г. перестала существовать. На этом фоне более выигрышным выглядит северо-западное направление, ставшее приоритетным во внешней политике Петра I практически до конца его правления.

Смена геополитических императивов не была случайной. С одной стороны, формально Петр I претендовал на отторгнутые у России еще по Столбовскому миру 1617 г. территории в Ливонии (так называемой земли оттич и дедич). С другой же – без доступа не только к Черному, но и к Балтийскому морю Россия не могла стать великой европейской державой в полном смысле этого слова.

Экспансия России в Прибалтику, начатая Петром I в 1700 г., не могла не привести к военному конфликту со Швецией, а значит, русской армии предстояло столкнуться с одной из передовых армий того времени. Анализ как историографических, так и архивных источников позволяет сделать вывод о том, что Россия на рубеже XVII–XVIII вв. к подобному столкновению не была готова [19]. Первым и наиболее унижительным свидетельством этой неготовности стало поражение под Нарвой в 1700 г. После двухмесячной осады крепости 35-тысячная армия Петра I была разгромлена 15-тысячным шведским войском. Русские войска отступили в беспорядке (за исключением Преображенского и Семеновского полков, сформированных и обученных уже по новым принципам), потеряв всю артиллерию. Еще до этого фиаско царь покинул армию – думается, что справедлива точка зрения Е. В. Анисимова, утверждающего, что Петр I просто-напросто поставил крест на действующей армии и предпочел начать формирование новой [1].

Говоря о неготовности России к начавшейся войне, следует подчеркнуть, что речь идет не только, собственно, об армии (ее подготовке и вооружении), о чем чаще всего упоминается в историографии петровского правления [11], но еще и о системе военно-административного управления (комплектовании войск, их материально-техническом и финансовом обеспечении, кадровой политике). Выводы, сделанные Петром I из поражения под Нарвой, сводились к следующему: 1) для успешного ведения войны со Швецией необходима качественно иная армия, со строгой войсковой организацией и дисциплиной, четко сформулированными уставами и системой подготовки офицерских кадров; 2) подобная армия требует совсем другого принципа комплектования, основанного на регулярности службы; 3) артиллерийский парк требовал не просто обновления, а фактически создания заново; 4) для победы над Швецией необходим военно-морской флот на Балтике. Как следствие всего перечисленного, при реформировании армии и создании военно-морского флота нельзя было обойти стороной и систему военно-административного (а затем – и гражданского) управления.

В отечественной историографии принято выделять два этапа петровских преобразований [8]. Первый из них охватывает период с начала Северной войны до второй поездки Петра I в Европу в 1716 г. Именно этот этап отличается определенной стихийностью, бессистемностью и подчиненностью сиюминутным потребностям. Многие преобразования носили чисто внешний характер (например, бритье бород, обязательное ношение европейского платья, ассамблеи, введение моды на кофе и курение табака). Но большинство изменений все же носили глубинный характер и меняли саму суть системы управления армией и страной. Так, введение в 1705 г. рекрутских наборов потребовало реформы территориального управления в 1708-1715 гг. (с возложением на губернаторов и воевод обязанностей по организации сбора рекрутов, их подготовки и экипировки), а необходимость содержания армии постоянной боевой готовности – денежную реформу, введение новых налогов (1705–1710 гг.), перепись населения (1710 г.), учреждение системы финансового контроля за губернаторами и воеводами – фискалитета (1711 г.) и регулярных сенатских ревизий и, наконец, введение единого налога – подушной подати (1718–1724 гг.). В этом смысле представляется обоснованным мнение английского историка Дж. Хоскинга, отмечавшего, что многие реформы Петра I вызывались необходимостью набора, снабжения и содержания армии [19]. Подобные меры объективно требовали концентрации всей полноты власти в руках монарха, что привело к затуханию сословно-представительных институтов как в центре, так и на местах: перестают созываться Земские соборы, прекращается практика пожалования в думные чины, вся власть в уездах и новообразованных губерниях сосредотачивается в руках губернаторов и воевод, назначаемых лично царем.

Хронология реформ, приведенная выше, свидетельствует о справедливости точки зрения дореволюционного исследователя петровской эпохи С. Князькова, утверждавшего, что на данном этапе у Петра I и его сотрудников не был выработан какой-либо изначальный план преобразований [10]. Еще одна характерная черта петровских преобразований, отмеченная историками, – их стремительность, обусловленная, опять же, необходимостью реагировать на внешние вызовы. Тот же С. Князьков отмечал, что все реформы Петра I из обстоятельств войны исходят и войной определяются, вызываются минутой осложнения и проводятся с лихорадочной быстротой, часто вредящей сути дела [10].

Второй этап преобразований Петра I (1717–1725 гг.) приходился на период менее острого военного противостояния, что позволило перейти к более продуманным, системным реформам внутреннего управления. Принципиальное влияние на них оказала вторая поездка царя в Европу и целенаправленное изучение французского, шведского и датского опыта организации финансов, церковного управления и государственной службы.

Стоит отметить, что реформирование армии и вслед за ней бюрократического аппарата напрямую повлияло на трансформацию всего русского общества. Это связано с той ключевой ролью, которую играло военно-служилое сословие в допетровской России, и которую оно продолжило играть в новых реалиях России имперской.

Несение военной и военно-административной службы, как справедливо отмечает К. В. Петров, являлось одной из ключевых обязанностей дворян и детей боярских. Не будет преувеличением точка зрения Р. Г. Скрынникова, что именно формирование военно-служилого сословия (а несколько позже – и приказной бюрократии) заложило основу русского самодержавия. Поэтому, разрушая прежнюю систему комплектования и организации войска, Петр I волей-неволей по принципу домино подвергал необратимым изменениям все российское общество.

Как уже отмечалось, меры Петра Великого по отношению к служилому сословию во время войны носили очень случайный характер, и лишь около 1717 г., когда царь вплотную занялся «гражданством», начинают становиться более общими и систематическими [10]. Теоретической основой преобразований в государственном аппарате стали идеи камерализма и теория естественного права, почерпнутые в переводных трудах Гроция, Пуфендорфа, Локка и др. Государственные учреждения, создаваемые в соответствии с идеями камерализма, базировались, во-первых, на принципе коллегиальности при принятии решений, во-вторых, на высокой степени регламентации должностных обязанностей чиновников, в-третьих, на их узкой специализации, в-четвертых, на стабильности штатного расписания и денежного довольствия служащих.

Фактически ликвидируя приказную систему управления и учреждая первые коллегии (1717 г.), Петр одновременно закладывал основы бюрократии нового типа, что вынуждало его пересматривать всю систему отношений государства и служилого сословия. Прежде всего, логика реформ требовала разрушения некогда единого сословия служилых людей – их разделения на дворян (шляхетство) и однодворцев (в дальнейшем

утративших статус привилегированного сословия). Главным же изменением в статусе дворянства стали новые критерии оценки их службы и, следовательно, карьерного роста. На смену принципа знатности, позволявшего молодым людям из боярских семей сразу же занимать высокие поста в государстве, приходят принципы служебной пригодности и личной выслуги. Законодательно эти принципы нашли свое отражение в Табели о рангах 1722 г., установившей строгую иерархию чинов и должностей в рамках военной, придворной и статской (гражданской) службы.

Сама категория «дворянин» была теперь теснейшим образом связана с действительной службой, обязательной и фактически пожизненной. При этом, по мнению Д. И. Иловайского, служба и милость государя были окончательно поставлены выше знатного происхождения: представитель недворянского сословия при производстве в военный чин XIV класса или гражданский чин VIII класса автоматически получал потомственное дворянство [7]. Законом регламентировалось и имущественное положение дворян. Так, в 1714 г. вводится понятие майората – родового земельного владения, запрещенного к продаже, залогу и передаче в чужие руки. Майорат был неделим и подлежал передаче от отца к старшему сыну или иному наследнику, назначенному отцом. Вотчина и поместье таким образом были законодательно уравнены друг с другом. В любой момент дворянские владения могли быть конфискованы в казну за совершение политических либо уголовных преступлений, а также за уклонение от государственной службы [4].

Все эти меры положили начало профессиональной чиновной иерархии – бюрократии, ставшей наряду с гвардией опорой российского престола в XVIII – начале XX вв.

Заключение

Безусловно, при всей стремительности петровских реформ, процесс обновления государственности вообще и государственной службы в частности продвигался медленно – и не в последнюю очередь в силу инертности общественного сознания. Так, термин «подьячий» исчез из официального лексикона уже к концу правления Петра I, а из бытового – только к началу XIX в. Дело в том, что, установив Табель о рангах для высших и средних чинов, Петр I на время оставил без изменений систему чинов младших. К примеру, по штату в составе новообразованных коллегий, помимо новых чинов (президента и вице-президента, четырех советников и четырех ассессоров, секретаря, нотариуса, актуария, регистратора и переводчика) полагалось также несколько подьячих. В дальнейшем дяки и подьячие трех статей со временем были просто переименованы соответственно в секретарей, канцеляристов, подканцеляристов и копиистов.

Подводя итог петровским преобразованиям, следует еще раз вернуться к дискуссии об их целесообразности и той цене, которую Россия заплатила за обретение статуса великой европейской державы и империи. Думается, дилемма, вставшая перед Петром I в начале его самостоятельного правления, была проста: обновляться или проиграть. Сделанный им выбор очевиден.

Библиографический список

1. Анисимов, Е.В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. – 4-е изд., доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 591 с.
2. Анисимов, Е.В. Петр Первый: благо или зло для России? – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 271 с.
3. Борщевский, Г.А. Система управления бюрократией в царской, советской и современной России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. – 2020. – Т. 65, №1. – С. 61–84. <https://doi.org/10.21638/11701/srbu02.2020.104>
4. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.): монография / Государственный университет управления; [Омельченко, Н.А. и др.]. – М.: Издательский дом ГУУ, 2015. – 241 с.
5. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М.: Наука, 1987. – 225 с.
6. Ибрагимов, Х.К., Ибрагимов, А.К. Петр Великий и Правительствующий Сенат: монография. – М.: ЮНИТИ, 2010. – 319 с.
7. Иловайский, Д.И. Очерки отечественной истории. – М.: Мысль, 1995. – 510 с.
8. История России: в 4 т. Т.2. Становление и развитие Российской империи (XVIII – первая половина XIX века): коллективная монография / под ред. Н.А. Омельченко. – М.: Инфра-М, 2018. – 445 с.
9. Ключевский, В.О. Боярская дума Древней Руси. – Репринт изд. 1902 г. – СПб., 1994. – 547 с.

10. Князьков, С. Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. – М.: Планета, 1991. – 712 с.
11. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – Репринтное изд. – Кн. II. – М., 1991. – 350 с.
12. Омельченко, Н.А. Проблемы национальной (политической) идентичности в контексте идейных дискуссий в русском послеоктябрьском зарубежье // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 34–41. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-34-41>
13. Омельченко, Н.А., Знаменский, Д.Ю. Кризис традиционной системы государственной службы в русском государстве конца XVII в. и предпосылки реформ Петра Великого // Вопросы истории. – 2020. – № 8. – С. 52–61. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi03>
14. Панченко, А.М. Русская история и культура: работы разных лет. – СПб., 1999. – 520 с.
15. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. – Вып. 2. – СПб., 1899 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Runivers.Ru/Lib/Book3131/9859/> (дата обращения: 10.08.2021).
16. Седов, П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 612 с.
17. Талина, Г.В. Чиновная лестница Московского царства в третьей четверти XVII века // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 1. – С. 258–272.
18. Татищев, В.Н. История Российская: в 7-и томах. – М.-Л.: Издательство «Наука», 1962–1968. – Т. VI. – 434 с.
19. Хоскинг, Дж. Россия и русские: В 2-х книгах. – Кн. 1. – М., 2003. – 494 с.
20. Яхшиян, О.Ю. Русский культурный (цивилизационный) код: идентичность и политика // Вестник университета. – 2019. – № 10. – С. 52–58. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-52-58>
21. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 210, оп. 12. – д. 226. – л. 9, 15, 33.
22. Blinova, N.V., Kirka, A.V., Filimonov, D.A. Rational bureaucracy 2.0: Public administration in the era of artificial intelligence // In: Popkova E.G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds) Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control. – Springer: Cham, 2021. – V. 314. – Pp. 1679–1689. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_174
23. Cherkasova, M.A., Bayurova, S.G., Khamov, V., Cherkasov, V. The evaluation of the influence of mentality on modernization processes in modern Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – V. 6, No. 3. – Pp. 109–114. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s4p109>

References

1. Anisimov E.V. *History of Russia from Rurik to Putin. People. Events. Dates*, 4th ed., St.Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2014, 591 p. (In Russian).
2. Anisimov E.V. *Peter I: good or evil for Russia?* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 271 p. (In Russian).
3. Borshchevskiy G.A. (2020) The management system of bureaucracy in tsarist, soviet and modern Russia, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 61–84. (In Russian). 114 <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.104>
4. *Searching the social ideal: problems of Russian statehood in socio-political researches of Russia (X – XXI centuries): monograph*, State University of Management, [N.A. Omelchenko et al], Moscow, GUU Publishing House, 2015, 241 p. (In Russian).
5. Demidova N.F. *Serving bureaucracy in Russia in XVII century and it's role at formation of absolutism*, Moscow, Nauka Publishing House, 1987, 225 p. (In Russian).
6. Ibragimov H.Kh., Ibragimov A.K. *Peter the Great and Governing Senate: Monograph*, Moscow, UNITI, 2010, 319 p. (In Russian).
7. Пловыский Д.И. *Essays on Russian history*, Moscow, Mysl', 1995, 510 p. (In Russian).
8. *History of Russia: In 4 volumes. Vol. 2. Formation and development of the Russian Empire (XVIII – first half of the XIX century): collective monograph*, ed. by N. A. Omelchenko, Moscow, Infra-M, 2018, 445 p. (In Russian).
9. Klyuchevsky V.O. *The Boyar Duma of Ancient Russia*, Reprint of the 1902 edition, St. Petersburg, 1994, 547 p. (In Russian).
10. Knyazkov S. *From the past of the Russian land. The Time of Peter the Great*, Moscow, Planeta, 1991, 712 p. (In Russian).
11. Kostomarov N.I. *Russian history in the biographies of its main figures*, Reprint edition, Book II, Moscow, 1991, 350 p. (In Russian).
12. Omelchenko N.A. Problems of national (political) identity in the context of ideological discussions in the Russian post-October emigration, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 10, pp. 34–41. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-34-41>
13. Omelchenko N.A., Znamenskiy D.Yu. Crisis of the traditional public service system in the Russian State at the end of 17th century and the roots of the reforms of Peter the Great, *Voprosy istorii*, 2020, no. 8, pp. 52–61. (In Russian). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202008Statyi03>

14. Panchenko A.M. *Russian history and culture: works of different years*, St. Petersburg, 1999. 520 p. (In Russian).
15. Platonov S.F. *Lectures on Russian history*, Issue 2, St. Petersburg, 1899. Available at: <https://Runivers.Ru/Lib/Book3131/9859/> (accessed 10.08.2021). (In Russian).
16. Sedov P.V. *End of Moscow Kingdom: Tsar's court at the end of XVII century*, St.-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, 612 p. (In Russian).
17. Talina G.V. Official scale of Moscow Kingdom at 3-rd quarter of XVII century, *Prepodavatel' XXI Vek*, 2014, no. 1, pp. 258–272. (2014) (In Russian).
18. Tatishchev V.N. *The History of Russia: in 7 vol*, Moscow, Leningrad, Nauka, 1962-1968, vol. VI, 434 p. (In Russian).
19. Hosking J. *Russia and the Russians: In 2 books*, Book 1, Moscow, 2003, 494 p. (In Russian).
20. Yakhshiyan O.Yu. Russian cultural (civilizational) code: identity and policy, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 10, pp. 52–58. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-52-58>
21. *Russian State Archive of Ancient Acts*, Found 210, Inventory 12, File 226, Sheet 9, 15, 33. (In Russian).
22. Blinova N.V., Kirka A.V., Filimonov D.A. Rational bureaucracy 2.0: Public administration in the era of artificial intelligence, *In: Popkova E.G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds) Socio-Economic Systems: Paradigms for the Future. Studies in Systems, Decision and Control*, Springer, Cham, 2010, vol. 314. https://doi.org/10.1007/978-3-030-56433-9_174
23. Cherkasova M.A., Bayurova S.G., Khamov V., Cherkasov V. The evaluation of the influence of mentality on modernization processes in modern Russia, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 109–114. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s4p109>

УДК 323.113.01(=161.1)

JEL M38, H83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-21-27

**Омельченко Николай
Алексеевич**д-р ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный универси-
тет управления», г. Москва,
Российская Федерация**ORCID:** 0000-0002-5872-1567**e-mail:** nik_omelchenko@mail.ru**«КАМЕРАЛИЗМ» ИЛИ «ПАТРИМОНИАЛИЗМ»: У ИСТОКОВ
ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО УПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ**

Аннотация. В статье дана авторская трактовка петровских преобразований высшего управления в России. Автор статьи задается вопросом, насколько успешной оказалась предпринятая Петром I попытка создания в условиях России рациональной системы государственного управления по западным образцам. В числе основных особенностей Петровской реформации автор выделяет отсутствие четкого и продуманного плана проводимых Петром I реформ, большинство из которых носили по преимуществу «экспериментальный» характер, проводились поспешно и были подчинены задачам продолжавшейся войны со Швецией. На основе анализа проведенных в начале XVIII в. преобразований в системе высшей администрации автор статьи делает вывод об усилении личного начала в государственном управлении в правление Петра I, что заставляет поставить под сомнение распространенное мнение о формировании в ходе проведения Петром I реформ рациональной системы государственного управления. По мнению автора статьи, более правильным в этой связи может стать при описании петровской административной системы использование веберовского понятия «патримониализм» («патримониальная бюрократия»), как особого типа господства, основанного на принципе личной преданности патримониальному правителю (монарху).

Ключевые слова: высшее управление, административные реформы, сословная реформа, Боярская Дума, Ближняя канцелярия, Консилия министров, областная реформа, Сенат, камерализм, патримониализм

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Омельченко Н.А. «Камерализм» или «патримониализм»: у истоков Петровской реформации высшего управления в России//Вестник университета. 2021. № 9. С. 21–27.

Nikolai A. Omelchenko
Dr. Sci. (Hist.), State University
of Management, Moscow,
Russia**ORCID:** 0000-0002-5872-1567**e-mail:** nik_omelchenko@mail.ru**“CAMERALISM” OR “PATRIMONIALISM”: AT THE ORIGINS
OF PETER THE GREAT’S REFORMATION OF HIGHER
MANAGEMENT IN RUSSIA**

Abstract. The article presents the author’s interpretation of Petrine reforms of higher management in Russia. The author of the article asks the question, how successful was the attempt made by Peter I to create a rational system of public administration in Russia according to Western models? Among the main features of Peter’s reformation, the author highlights the lack of a clear and well-thought-out plan for the reforms carried out by Peter I, most of which were mainly “experimental” in nature, were carried out hastily and were subordinated to the tasks of the ongoing war with Sweden. Based on the analysis of the transformations carried out at the beginning of the XVIII century in the system of higher administration, the author of the article concludes about the strengthening of the personal principle in public administration during the reign of Peter I, which casts doubt on the widespread opinion about the formation of a rational system of public administration during the reforms carried out by Peter I. According to the author of the article, the use of Weber’s concept of “patrimonialism” (“patrimonial bureaucracy”) as a special type of domination based on the principle of personal loyalty to the patrimonial ruler (monarch) may become more correct in this regard when describing the Peter’s administrative system.

Keywords: top government, administrative reforms, estate reform, Boyar Duma, Near Chancellery, Council of Ministers, regional reform, Senate, cameralism, patrimonialism

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR under research project No. 20-09-42064.

For citation: Omelchenko N.A. (2021) “Cameralism” or “patrimonialism”: at the origins of Peter the Great’s reformation of higher management in Russia. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 21–27. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-21-27

© Омельченко Н.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Omelchenko N.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

«Петр – сила наша, которую и по смерти его мужествуем! Петр – слава наша, которую и по смерти российский род хвалится не перестанет!.. Не скоро такого обрящем, который бы и к воинским и гражданским делам угодный и охотный был», – такими словами характеризовал государственную деятельность Петра Великого Феофан Прокопович в своем «Слове на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого», «императора и самодержца Всероссийского», которое было произнесено полгода спустя после смерти Петра I, в Троицком соборе, в день именин Петра – 29 июня 1725 г. Автор «Слова», известный в российской исторической традиции как главный идеолог петровских государственных преобразований с чувством великой гордости перечислял содеянное Петром в его многотрудной деятельности, чего, по его словам, не было до Петра и «прежде сего нам и неведомо». Перечень преобразований царя-реформатора, приведенный автором «Слова», был внушительным, начиная с внедрения в русское образование математики и геометрии, «которых ныне дети российской с охотою учатся», и заканчивая регулярной армией и флотом, коллегиями и «манифактурами», «врачевскими аптеками» и «правительством юстиции», что «страхом меча праведного от внутренних обид, напастей и прочих злодейств защищает нас» и многое другое [11].

Комментируя это описание деяний Петра Великого его знаменитым сподвижником, сошлемся на авторитетное мнение академика А. М. Панченко, справедливо считавшего, что «большинство петровских акций» может поддаваться только «двойному описанию и истолкованию» и лишь «двойная интерпретация в состоянии вскрыть сложность культурного процесса эпохи». По мнению ученого, никогда не следует забывать, что Петр «был «вечным работником», что каждый его шаг преследовал и позитивную, культуртрегерскую, созидательную цель». На эту черту характера Петра Великого указывает и другой известный исследователь петровской эпохи Е. В. Анисимов [1, с. 21]. В то же время именно эпоху Петра, по замечанию А. М. Панченко, можно охарактеризовать как эпоху «глубокого культурного расслоения и соответственно культурного «двуязычия», касалось ли это непривычного для массового русского сознания новой титулатуры русского царя, или связано было с реформой летоисчисления [8, с. 27]. По словам А. Б. Каменского, одним из воплощений симбиоза часто несовместимых идей стало «принятие Петром в 1721 г. титула «Отец отечества» одновременно с провозглашением Российского государства империей, а царя императором» [3, с. 146]. Как считает ученый, этот титул «полностью соответствовал тому образу харизматического лидера, который создавался на протяжении всего царствования Петра», однако титул «носил персональный, а не наследственный характер и не вошел составной частью в официальный титул российских императоров» [3, с. 146–147].

Обсуждение

Исследователей петровской эпохи всегда занимал вопрос о том, насколько продуманной была грандиозная реформация жизни русского общества и национальной системы управления, которую затеял в начале XVIII в. молодой русский царь Петр Алексеевич, привычно именуемый в русской традиции Петром Великим. Таким же непростым и неоднозначным представляется вопрос о том, насколько успешной оказалась предпринятая Петром I попытка создания в условиях России рациональной системы государственного управления по западным лекалам и образцам. В какой степени, наконец, были «новыми» вводимые в систему управления вновь создаваемые институты и учреждения.

Представляется вполне обоснованным мнение ряда ученых, доказывающих, что свои преобразования Петр I проводил, особенно на первых порах, без какого-либо плана, подчиняя их по большей части фискальным задачам государства, вынужденного вести в тот период продолжительную и разорительную для страны войну со Швецией и другими европейскими государствами за выход России к Балтийскому морю. По словам известного русского общественного деятеля и историка В. А. Мякотина, в начале своего правления Петр I, «будучи всецело поглощен заботами войны», не уделял большого внимания вопросам внутреннего управления и лишь под давлением обстоятельств, по большей части без заранее составленного плана, производил те или иные перестройки в доставшемся от предшественников административном аппарате. По мнению автора, многие из этих перестроек были «недостаточно обдуманно» и «мало согласованными одна с другой» [4, с. 63].

Об отсутствии строгой системы проводимых Петром I реформ может свидетельствовать и тот факт, что начав свои преобразования с переустройства местного управления и даже замышляя первоначально, как считают

некоторые исследователи, сосредоточить все усилия по мобилизации необходимых для ведения войны ресурсов в созданных им губерниях, Петр I вскоре вынужден был отказаться от этого плана, поняв его неосуществимость, и занялся реформой центрального управления.

На хаотический и поспешный характер первых петровских преобразований указывает и известный исследователь петровской эпохи Н. И. Павленко. По словам ученого, ставя главной целью удовлетворение сиюминутной потребности в деньгах в условиях продолжавшейся войны, Петр I мало заботился об определении «места вновь организованных учреждений в структуре уже существовавшего правительственного механизма», что неизбежно вносило «сумятицу и разлад в существовавшую систему управления и даже вызвали ее ломку» [6, с. 442]. В качестве примера автор приводит первую областную реформу Петра I, сопровождавшуюся созданием новой областной администрации, что привело к фактической ликвидации органов городского самоуправления, названное много лет спустя самим Петром I «рассыпанием хранины» [6, с. 442].

В пользу «экспериментального» характера многих петровских нововведений свидетельствует известное многим исследователям петровской реформации обоснование царем-реформатором причин проведенной им 22 января 1722 г. реформы учрежденного им в 1711 г. Правительствующего Сената. Эта реформа высшего органа власти и управления, по мнению Петра I, стала необходимой, поскольку в его состав ошибочно были включены президенты созданных в 1717–1719 гг. коллегий, деятельность которых, собственно, и призван был контролировать Сенат. «Сие сначала не осмотря учинено, что ныне исправить надлежит,» – таким был вывод царя-реформатора, разъясняющий необходимость внесения кадровых изменений в составе Сената [10].

К. Валишевский в своем известном исследовании о Петре Великом, склонен был объяснять непоследовательность в ряде начатых Петром I преобразований особенностями характера царя-реформатора, постоянную перемену планов которого никто не мог заранее угадать. По мнению автора исследования, легкость, с которой царь «менял фронт, отворачиваясь от Турции, чтобы повернуться лицом к Швеции, бросая свои проекты на Азовском море, чтобы перебраться на Балтику», в полной мере компенсировалась тем, что Петр I «всюду и всегда» принимался «за дело основательно, никогда не соря свои силы» [2, с. 69].

Проводя государственные преобразования посредством отдельных нововведений в центральных и местных учреждениях, часто под давлением внешних обстоятельств, Петр I вынужден был постоянно возвращаться к ранее уже проведенным реформам и проводить их повторно. За время своего правления он провел две городские реформы (1699 г. и 1722 г.), две областные реформы (1708 г. и 1721 г.), учрежденный в 1711 г. Сенат также неоднократно подвергался глубокой реструктуризации.

Окончание войны со Швецией позволило Петру I более последовательно заняться реформированием внутреннего устройства государства, одновременно наводя порядок в ряде прежних своих отдельных преобразований. Затянувшаяся война со Швецией убедила Петра I, что Россия проигрывает в этой войне не Карлу XII, а более совершенной государственной организации и что для укрепления безопасности страны и ее международного престижа необходима серьезная государственная реформа.

Отчасти эти выводы послужили поводом к замене прежней приказной системы центрального управления коллегиальной системой, обладавшей большими возможностями для мобилизации ресурсов в контексте задуманной крупномасштабной модернизации страны в сравнении с малоподвижными московскими приказами.

До сих пор мы говорили о степени продуманности и последовательности петровских государственных преобразований, которые по большей части проводились, как свидетельствуют источники, спонтанно, без какого-то определенного плана. Не менее сложным представляется вопрос о характере и результатах петровских реформ.

Можно согласиться с теми исследователями, кто считает явным преувеличением распространенное мнение, будто основной смысл большинства преобразований Петра I заключался в принципиальном разрыве со всем прежним общественным устройством России и всей прежней системы ценностей. С нашей точки зрения, вопрос о том, что было разрушено в ходе петровских реформ и что нового было внесено в русскую общественно-политическую и культурную жизнь, не может быть отнесен к числу простых вопросов русского исторического процесса. Как справедливо заметил академик А. М. Панченко, «коллизия Петра-реформатора и Петра-революционера» остается донныне неразрешенной» [7, с. 504]. Ученый обратил внимание, что многое из того, что приписывают Петру I, было сделано до Петра и поэтому не может быть поставлено ему либо в заслуги, либо в вину: оно получено было им в наследство от своих предшественников. По мнению А. М. Панченко, сказанное можно отнести и к самой «европеизации», по большому счету также являвшейся

наследством Петра, которое «создавалось усилиями двух поколений и «грекофилов» (Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский), и «латинствующих» (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев), и людей, которых трудно причислить к той или иной группировке». Кое-что в этом наследстве «Петр сохранил и умножил» [7, с. 505].

Исторически бесспорен факт глубоких изменений, которые произвел Петр I, как в структуре государственных учреждений, так и в системе общественных отношений, культуре, самом быте русских людей. По словам Н. И. Павленко, Петр «властно вторгнулся во все сферы жизни страны и намного ускорил развитие начал, полученных в наследство». Если бы он только пассивно наблюдал за развитием зародившихся задолго до него процессов, то «вряд ли его жизнью и деятельностью интересовались художники и поэты, прозаики и композиторы, скульпторы и сценаристы, публицисты и историки» [6, с. 46]. В части реформ государственного управления это нашло свое выражение в попытке Петра I определить границы государственным ведомствам, ввести в деятельность государственного аппарата принципы западноевропейского камерализма, равно как и его стремлении создать систему действенного контроля за государственной бюрократией. Принципиально новой считал Петр I и коллегиальную систему центрального управления, учрежденную им вместо московских приказов. В то же время по наблюдению современников и исследователей, во многих случаях новыми многие из этих институтов и учреждений являлись часто только по форме, а не внутренней их структуре и содержанию.

Подтверждением сказанному могут служить характер тех изменений, которые произошли в ходе Петровских реформ в господствовавшем в допетровский период сословном строе и сословных отношениях. Принципиальным, на наш взгляд, является здесь то, что при всех происшедших изменениях петровское государство не утратило прежнего земледельческого и военного характера. По наблюдению специалистов, хотя петровская сословная реформа, несомненно, имела определенное значение, она затронула в основном внешнюю организацию старомосковских сословий, отличавшейся теперь большей определенностью. Что касается положения каждого из этих сословий, исключая русское боярство, ушедшее в ходе петровских преобразований с исторической арены, то они, как и раньше, сохранили, теперь уже в рамках новой своей организации, служилый характер, выполняли государственные повинности. С одной стороны, в руках набравшего экономического могущества дворянского сословия оставались все нити государственного управления, что делало его господствующим сословием русского общества. С другой стороны, так же и раньше многочисленный класс русского крестьянства находился под полной властью помещиков, практически ничем не отличаясь от холопского сословия, становясь одной с ним податной категорией. Что касается малочисленного городского сословия, то оно, напротив, получило при Петре I, придававшем особое значение развитию отечественной промышленности и торговли, большие привилегии и новое устройство. В то же время мы не должны забывать, что забота о развитии городского сословия была одной из основных и у предшественников Петра I, о чем, в частности, свидетельствуют многие положения известного свода русских законов – Соборного уложения 1649 г.

Свой отпечаток отмеченные особенности петровского реформаторства наложили и на формируемую Петром I новую административную систему, так же, как и раньше сочетавшей в себе наряду с коллегиальным началом принцип единоначалия. Кроме того, как известно, личный характер управления еще больше усилился при Петре I, придававшем большое значение всем мелочам административного управления и руководившем страной с помощью системы личных поручений. Как пример можно привести практику управления Петром I лично подчиненным ему Сенатом через поставленного во главе этого высшего государственного органа генерал-прокурора.

Спорной в этом смысле представляется широко распространенная точка зрения о формировании в ходе проведения Петром I административных реформ рациональной системы государственного управления в России. Более объективным, на наш взгляд, представляется, мнение ряда авторов новейших исследований, которые предлагают при описании петровской административной системы использовать понятия «патримониализм» и «патримониальная бюрократия», введенных в научный оборот немецким социологом Максом Вебером. Следует отметить, что М. Вебер, обосновывая теорию «патримониализма» как особого типа господства, основанного на принципе личной преданности патримониальному правителю (монарху), уделил пристальное внимание особенностям русского исторического процесса, применяя к сложившемуся в России политическому строю понятие «царский патримониализм». По мнению ученого, существовавшая накануне и период петровских реформ система государственной бюрократии представляла собой один из характерных случаев патримониальной бюрократии.

В контексте проведенных Петром I административных реформ власть монарха должна была еще больше усилиться в силу того, что реформы не только принципиально меняли роль царя в части перемещения и передвижения должностных лиц в рамках политической элиты, но и обеспечивали усиление контроля за их имущественным, социальным и правовым положением. Исследователи указывают на одну из характерных черт процесса формирования единого централизованного государства в России в XVII – начале XVIII вв., которая заключалась в изменении социальной опоры центральной власти: на место боярской аристократии, позиции которой были значительно ослаблены, выдвигался новый социальный слой служилого дворянства, служилой бюрократии, непосредственно зависевших от воли монарха. Основным итогом этих изменений стало формирование особой национальной формы «служилого государства» с уникальной социальной структурой, обеспечивавшей контроль и мобилизацию всех ресурсов страны и создававшей условия для формирования в России мощной абсолютной монархии.

В части высшего управления изменения касались, прежде всего, положения и роли в системе государственной власти Боярской думы, которая уже в правление сестры и матери молодого царя утратила значительную часть своего прежнего значения и превращалась в «безгласный совет при отдельных лицах, пользовавшихся полным доверием правительниц» [4, с. 63]. Как остроумно заметил В. О. Ключевский, прежняя законодательная формула «государь указал и бояре приговорили» могла бы теперь замениться другой: «Т. Стрешнев или князь Ф. Ромодановский указал, и бояре смолчали» [10]. Частые отлучки Петра I, сосредоточившего свое основное внимание на внешнеполитических вопросах, также серьезно отражались на характере деятельности Боярской думы. Привыкшие работать вместе с государем и под его председательством, бояре теперь вынуждены были действовать самостоятельно, а, по сути, становились простыми исполнителями его воли, что в свою очередь требовало усиления контроля за их деятельностью со стороны доверенных государю лиц. Серьезные изменения наблюдались и в самом составе Боярской думы: прежде состоявшая из родовитых фамилий, Дума теряла привычный для этого высшего законодательного органа Московского царства аристократический характер, равно как официальный статус высшего органа власти в государстве. В скором времени Боярская дума была окончательно вытеснена создаваемыми неофициальными учреждениями, призванными заменить малоэффективную, по мнению новой правящей элиты, в новых условиях развития страны Боярскую думу и работавшими под строгим контролем доверенных царю лиц.

Уже в 1699 г. (по другим источникам, в 1697 г.) было образовано особое государственное учреждение – Ближняя канцелярия, подчинявшаяся непосредственно царю и занимавшаяся, по мнению большинства исследователей, организацией государственного контроля, что ставило ее в особое положение среди других государственных ведомств. Первоначально в ее помещении собирались думские заседания, а с 1708 г. собрания Консилиеи министров – неофициальным советом высших сановников, заменившим Боярскую думу и исполнявшим роль отвечающего лично перед царем правительства. Как отмечает В. О. Ключевский, сталкиваясь с постоянными расходами, Петр I нуждался в оперативной информации о наличных средствах, рассеянных по многим приказам. Именно эта задача была поставлена перед Ближней канцелярией, в которую «все приказы обязаны были доставлять еженедельные и ежегодные ведомости о своих доходах и расходах, об управляемых ими людях и зданиях и т. п.», на основе которых составлялась сводная роспись государственных доходов и расходов [10]. В ведении Ближней канцелярии кроме контроля ежемесячных отчетов всех центральных учреждений и составления сводной росписи государственных доходов и расходов находилась регистрация всех именных указов царя (позже эта функция было передана Сенату), что изначально возвышало Ближнюю канцелярию над другими государственными органами, обязанными сообщать ей сведения о подобных актах.

Наделение Ближней канцелярии столь широкими полномочиями, равно как и известная фрагментарность дошедших до нас документов о ее деятельности стали одной из причин серьезных расхождений в оценках учеными роли и значения этого учреждения в системе властных институтов начала правления Петра I. Так, по мнению некоторых исследователей, Ближняя канцелярия, которую часто отождествляют с Консилией министров и иногда с Боярской думой, представляла собой высший институт власти и в этом своем значении может рассматриваться как прямая предшественница Правительствующего Сената. Противоположной точки зрения придерживается известный исследователь петровской эпохи Е. В. Анисимов, усматривающий в Ближней канцелярии типичный для Московского государства приказ, находившийся в распоряжении Консилиеи министров. Ряд исследователей сводят роль Ближней канцелярии к канцелярии Боярской думы (позже Консилиеи

министров), хотя и наделенной самостоятельными функциями государственного учреждения (П. Н. Миллюков, В. О. Ключевский). Считается также, что новое учреждение, возглавляемое воспитателем Петра I «генерал-президентом» Н. М. Зотовым, представляло собой личную канцелярию царя.

В любом случае, совершенно очевидно, что эти и другие производимые Петром I изменения обозначили тенденцию к дальнейшему усилению личного начала в государственном управлении. Эта тенденция нашла свое выражение в том числе в создании на базе Ближней канцелярии Консилии министров, которую ряд исследователей считает прообразом будущего Сената. Формально возглавляемая боярином кн. М. А. Черкасским и царевичем Алексеем, Консилия министров действовала в Москве первоначально в привычном для думской практики формате, однако в отличие от Боярской Думы ее заседания происходили без участия царя, что превращало ее в распорядительный орган, подведомственный главе государства и выполнявший его предписания. Петр I, не грешивший, по словам В. О. Ключевского, «избытком уважения» к своим государственным советникам, предписал Консилии министров в 1707 г. вести протоколы всех заседаний, которые должны были подписаны всеми ее членами, «и без того никакого бы дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет» [10]. В 1710 г. этот совет состоял из восьми членов. По имеющимся сведениям, среди лиц, активно участвующих в работе Консилии, мы встречаем графа Ф. А. Головина, князя Ф. Ю. Ромодановского, князя Г. И. Волконского, Н. М. Зотова, князя И. Б. Троекурова, Т. Н. Стрешнева, И. А. Мусина-Пушкина и др. Со временем Консилия министров, заседания которой с 1708 г. стали регулярными, приобрела значение высшего совета при особе царя, составленного из руководителей важнейших государственных ведомств и наделенного широким кругом полномочий. К функциям Консилии министров относилось распределение денежных средств центральных приказов, ведавших обеспечением армии припасами и вооружением, управление приказами и канцеляриями, контроль за строительством оборонительных сооружений, набор рекрутов, координация проведения губернской реформы 1708 г. и др.

В том же контексте дальнейшего усиления власти царя следует рассматривать организацию личного Кабинета Петра I, первое упоминание о котором исследователи относят к осени 1704 г. Представляя собой, по мнению ученых, своего рода военно-походную канцелярию царя, в распоряжение которой должен был поступать весь массив военных и финансовых документов, Кабинет с течением времени превратился в особое учреждение, ведавшее многими вопросами законодательства и управления и через посредство которого Петр I осуществлял переписку и непосредственное руководство Сенатом, губернаторами и впоследствии аппаратом коллегий [9].

Отмеченную специфику петровской административной системы можно продемонстрировать на примере особенностей функционирования созданного Петром I в 1711 г. Сената. По справедливому замечанию Н. И. Павленко, должность сенатора, в отличие от наследственного в своей основе боярского чина, предоставлялась при Петре в основном лицам, «обладавшим собственными достоинствами, – заслуги предков во внимание не принимались... У этих людей ценились ум, служебное рвение, образование и т. д.... Это была новая знать. Она начинала свою родословную вельмож со времени Петра и целиком была обязана своей карьерой царю». В сравнении с прежним боярством члены Сената находились в значительно большей зависимости от верховной власти: сенатор мог в любое время утратить сенаторское звание, что заставляло его изначально «проявлять служебное рвение». Отмеченная зависимость высшего правящего слоя от царской власти усиливалась экономической несамостоятельностью новой правящей бюрократии, благосостояние которой обеспечивалось не трудом крепостных крестьян в отличие от прежних вельмож, а денежным жалованием: уход со службы сопровождался потерей жалованья, точно так же как повышение или понижение в должности прямо влияло на размер жалованья [6, с. 436].

Заключение

Приведенные, что называется, наудачу примеры наглядно показывают, что при всех попытках внедрить в отечественную государственную практику принципы рациональной модели государственного управления, предпринимавшихся петровской администрацией, сложившаяся система управления в России отличалась устойчивой тенденцией развития в сторону традиционного патримониализма. Ее характерной чертой стала полная независимость чиновной бюрократии от общества. С точки зрения основных функциональных особенностей, эта система управления «сближалась с той моделью власти и управления, которая сформировалась в древнейших азиатских империях (Китай) и отличалась значительной

независимостью бюрократии от общества, с одной стороны, и высокой степенью ее зависимости от политической власти, с другой». Этот тип бюрократии был основан на четкой градации внутри правящей элиты, строгой личной ответственности представителей государственной администрации чиновников, цензорском надзоре за чиновниками, систематическом обновлении государственного аппарата [5, с. 64].

Библиографический список

1. Анисимов, Е. В. Петр Великий: личность и реформы. – СПб.: Питер, 2009. – 448 с.
2. Валишевский, К. Петр Великий. – Москва: Московское Книгоиздательское Товарищество «Образование», 1909. – 163 с.
3. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 2001. – 575 с.
4. Мякотин, В.А. История России в конце XVII и в первую половину XVIII столетия. – София: Придворна печатница – Hofbuchdruckerei, 1938. – 146 с.
5. Омельченко, Н.А. История государственного управления: учебник для бакалавриата. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 575 с.
6. Павленко, Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
7. Панченко, А.М. Из истории русской культуры. Том III (XVII – начало XVIII века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 624 с.
8. Панченко, А.М. О русской истории и культуре. – М.: Издательство «Азбука», 2000. – 464 с.
9. История государственного управления в России / Н.Ю. Болотина и др [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://robotlibrary.com/book/437-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-bolotina-nyu/28-Page28.html>. (дата обращения: 21.07.2021).
10. Ключевский, В.О. О русской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch67.htm> (дата обращения: 21.07.2021).
11. Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: feofan_prokopovich_sochineniya_1961.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

References:

1. Anisimov E.V. *Peter the Great: person and reforms*, St.Petersburg, Piter, 2009, 448 p. (In Russian).
2. Valishevskiy K. *Peter the Great*, Moscow, Moskovskoe Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo "Obrazovanie", 1909, 163 p. (In Russian).
3. Kamenskiy A.B. *From Peter I to Paul I: Russian reforms of XVIII century (experience of complex analysis)*, Moscow, Russian State University for the Humanities, 2001, 575 p. (In Russian).
4. Myakotin V.A. *History of Russia at the end of XVII and at the first half of XVIII century*, Sofia, Pridvorna Pечатnitsa Hofbuchdruckerei, 1938, 146 p. (In Russian).
5. Omelchenko N.A. *History of public administration: manual for bachelors*, 2nd edition revised and supplemented, Moscow, Yurait, 2014, 575 p. (In Russian).
6. Pavlenko N.I. *Peter the Great*, Moscow, Mysl', 1994, 591 p. (In Russian).
7. Panchenko A.M. *From the history of Russian culture. Vol. III (XVII – beginning of XVIII century)*, Moscow, School "Languages of Russian culture", 1996, 624 p. (In Russian).
8. Panchenko A.M. *About Russian history and culture*, Moscow, Azbuka Publishing House, 2000, 464 p. (In Russian).
9. *History of public administration in Russia*, Ed. by N.Yu. Bolotina, et al. Available at: <http://robotlibrary.com/book/437-istoriya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii-bolotina-nyu/28-Page28.html>. (accessed 21.07.2021). (In Russian).
10. Kluchevskiy V.O. *About Russian history*. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/history/kluch/kluch67.htm> (accessed 21.07.2021). (In Russian).
11. Feofan Prokopovich *Essays*. Ed. by I.P. Eremin. Available at: feofan_prokopovich_sochineniya_1961.pdf (accessed 21.07.2021). (In Russian).

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 791.44 JEL O14

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-28-33

Воронцова Юлия

Владимировна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7995-6395

e-mail: jvms2008@yandex.ru

Мазур Анна Юрьевна

студент, ФГБОУ ВО «Государст-
венный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6693-7600

e-mail: ya.mazur.anna@gmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЪЕМОЧНОГО ПРОЦЕССА ПРИ СОЗДАНИИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПРОДУКТА

Аннотация. В статье представлено исследование организации съемочного процесса с учетом аутентичных особенностей пяти фильмов испанского кинорежиссера и фотографа Карлоса Сауры, где основой построения кадра стал принцип «фотографии». Саура снял серию фильмов, основанных на культуре фламенко, где нашли отражение его эксперименты по установлению взаимосвязи между тактом музыки и танца и ритмом установки и движения камеры. Для творчества Карлоса Сауры характерны отношения прошлого и будущего, реальности и вымысла. При создании кинопроизведения необходимо мыслить фотографически и критически, особенно по вопросу национальной идентичности. Сам фотографический акт представляет собой немедленное превращение настоящего референта в окаменевшее прошлое. Элементы фотографии часто добавляют значительную порцию времени к движению, за которым хочется следовать, но это возможное действие навсегда остается в кадре. Саура определенным образом расширяет ограниченный фотографический акт так, чтобы захваченное им изображение переполняло все пространство-время. У Сауры в рассмотренных кинопроизведениях связь между фотографией и кино становится одним из важнейших компонентов сценария.

Ключевые слова: аудиовизуальный продукт, динамика кино, испанский кинематограф, Карлос Саура, принцип фотографии, пространство, съемочный процесс, фламенко, цифровые эффекты

Для цитирования: Воронцова Ю.В., Мазур А.Ю. Исследование особенностей организации съемочного процесса при создании аудиовизуального продукта//Вестник университета. 2021. № 9. С. 28–33.

RESEARCH OF ORGANISATION SPECIFICS OF SHOOTING PROCESS IN THE CREATION OF AN AUDIOVISUAL PRODUCT

Abstract. This article presents a study of the organisation of the shooting process, taking into account the authentic features of five films by the Spanish filmmaker and photographer Carlos Saura, where the principle of “photography” was the basis for the construction of the frame. Saura made a series of films based on the flamenco culture, reflecting his experiments to establish the relationship between the beat of the music and dance and the rhythm of the set-up and movement of the camera. Carlos Saura’s work is characterised by a relationship between past and future, reality and fiction. When making a film, it is necessary to think photographically and critically, especially on the issue of national identity. The photographic act itself is an immediate transformation of the present referent into a petrified past. Elements of photography often add a strong dose of time to the movement you want to follow, but this possible action will always remain in the frame. Saura expands in a certain way what restricts the photographic act in such a way that the captured image overflows spacetime. For Saura, the relationship between photography and film becomes one of the most important components of the script in the films examined.

Keywords: audiovisual product, cinema dynamics, Spanish cinema, Carlos Saura, principle of photography, space, filming process, flamenco, digital effects

For citation: Vorontsova Yu.V., Mazur A.Yu. (2021) Research of organisation specifics of shooting process in the creation of an audiovisual product. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 28–33. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-28-33

Yulia V. Vorontsova

Cand. Sci. (Econ.) (PhD
in Economy), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7995-6395

e-mail: jvms2008@yandex.ru

Anna Yu. Mazur

Student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6693-7600

e-mail: ya.mazur.anna@gmail.com

© Воронцова Ю.В., Мазур А.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Vorontsova Yu.V., Mazur A.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Кинематограф является синтетическим видом искусства. Он объединяет в себе основные элементы из других, ранее сложившихся искусств. При исследовании особенностей организации съемочного процесса будут рассмотрены фильмы испанского режиссера Карлоса Сауры: его «балетная» трилогия, в основе которой лежат фильмы «Кровавая свадьба» по пьесе Гарсиа Лорки, «Кармен» по новелле Проспера Мериме и «Колдовская любовь» по музыкальному произведению Мануэля де Фальи; а также фильмы «Гойя в Бордо» и «Бунюэль и стол царя Соломона», где основой построения кадра стал принцип «фотографии», о котором и пойдет речь в настоящем исследовании.

Методология

При зарождении кино его пионеры, братья Люмьер, видели смысл существования кинематографа в техническом усовершенствовании и обогащении фотографии. Именно поэтому многие режиссеры строили композицию кадра на основе принципа «фотографии». К их числу можно отнести и Карлоса Сауру, «балетная» трилогия которого стала настоящим явлением в мировом кинематографе. Далее будет рассмотрен на предмет использования указанного принципа фильм «Колдовская любовь», элементы и построение которого очень схожи с двумя другими «картинами» трилогии.

Одной из особенностей «Колдовской любви» является минимальное количество декораций, которое создает впечатление театральной постановки. Действия картины происходят в трущобах, среди цыган, которые живут среди нищеты и преступности. На одноцветном фоне можно увидеть груды металлолома, сломанные вещи и прочий характерный для такой обстановки хлам. Дома местного населения также отличаются простотой и отсутствием излишеств.

Периодически пространство и время в фильме видоизменяются, чтобы лучше раскрыть сюжет для зрителя. Построение кадра зачастую статично, и лишь небольшая часть людей находится в движении [2].

Выбор танца, который соединил все части истории между собой, в фильме имеет особое значение. Фламенко – это национальный испанский танец. Он зародился на стыке нескольких культур. Сначала этот танец исполняли в таблао среди цыган, но затем он обрел широкую популярность и среди местных жителей. Далее танец перешел в профессиональную среду, но быстро стал обычным развлечением для молодежи. Фламенко часто исполняется под гитару, которая была и остается самым популярным музыкальным инструментом для цыган, при этом большое значение имеет голос (канте хондо), для которого танец служит обрамлением. Его основными элементами являются: брасео, кадена, чуфлас, компас в различном размере, контрастьемпо, сопровождаемое хлопками рук и др.

Главным хореографом картины выступил Антонио Гадес – мастер танца фламенко, который также сыграл одного из главных героев – Кармело. Это третья совместная работа режиссера с хореографом. Их сотрудничество оказалось весьма продуктивным: Саура любил стирать границы между реальностью и ее проекциями, а Антонио всегда стремился «сгорать» на сцене, наполняя танец своим исполнением.

Выбирая для своей трилогии фламенко, Саура опирался на одну из самых популярных и универсальных традиций. Некоторая традиционность также просматривается в режиссерском подходе и разработке драматургического материала при использовании одних и тех же приемов во всех трех фильмах, где при организации съемочного процесса Саура мог разрушить собственный тщательно проработанный сценарий [3].

В исполнении этого чувственного испанского танца появляется возможность соединить статичность фотографии и динамику кино. При исполнении фламенко движения актеров настолько четкие и отработанные, что каждый отдельный кадр, взятый из танцевальных сцен, представляет собой завершенное по смыслу изображение (см. рис. 1). В таком танце нет лишних, «смазанных» элементов, в которых бы отсутствовали значимые для сюжета эмоции и настроения. Фламенко является зеркалом души тех людей, которые его исполняют. Благодаря танцу, у персонажей пропадает необходимость использовать прямую речь для самовыражения, хотя голос, как часть фламенко, не теряет своей актуальности [1]. Кроме того, танец вносит в «Колдовскую любовь» национальные мотивы, благодаря чему фильм получился аутентичным, с особенной атмосферой испанских цыган.

Источник: [6]

Рис. 1. Соединение статичности фотографии и динамики кино в фильме Карлоса Сауры «Колдовская любовь»

Особый подход был у Карлоса Сауры к фильму «Кровавая свадьба». Режиссер присутствовал на одной из репетиций балета Антонио Гадеса по этой пьесе. Исполнение фламенко настолько впечатлило Сауру, что он решил запечатлеть танец на пленку. Чтобы снять полноценный фильм, хронометраж которого должен был быть больше шестидесяти минут, Саура принял решение запечатлеть не само выступление, а его репетицию, включив в свою «Кровавую свадьбу» сцены сбора танцоров в гримерке и отработки движений.

Карлос Саура и фотограф Теодоро Эскамилла не отдавали предпочтение общему кадру, обязательному для танцевальных записей, а вместо этого обращали свое внимание на жесты, взгляды, руки, ноги, ступни как на художественные элементы, предлагая свою собственную точку зрения на шоу. Исключительное качество этого «балетного» фильма вызвало большой интерес и побудило Сауру продолжить работу в этом гибридном жанре с такими фильмами, как «Кармен» и «Колдовская любовь», анализ которого был представлен выше. Саура снял серию фильмов, основанных на культуре фламенко, где нашли отражение его эксперименты по установлению взаимосвязи между тактом музыки и танца и ритмом установки и движения камеры.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Для творчества Карлоса Сауры характерны отношения прошлого и будущего, реальности и вымысла. Сны и грезы в испанском, да и мировом кино ассоциируются прежде всего с именем Луиса Бунюэля. Саура познакомился и подружился с «архитектором сновидений» (как назвал его киновед Морис Друзи) еще в 1960-х гг., и стал его учеником.

В картине «Гойя в Бордо» Карлос Саура играет с реальностью и воспоминаниями следующим образом: молодой Гойя проходит по комнате, где он лежит уже старый, и растворяется в воздухе. Кроме того, весь фильм его преследует образ возлюбленной. Фантомы показаны настолько реалистичными, что ни зрители, ни сам Гойя не понимают, где заканчивается реальность и начинается воспоминание. Но и здесь Саура не обходится без фламенко, которое стало его «визитной карточкой». Он также показывает глухого старого Гойю, танцующим фламенко и снимает его, руководствуясь принципом «фотографии», однако выставляя освещение перед камерой за объектом съемки (см. рис. 2). Гойя «слышит» ритм и голос на уровне чувств и выражает их посредством танца.

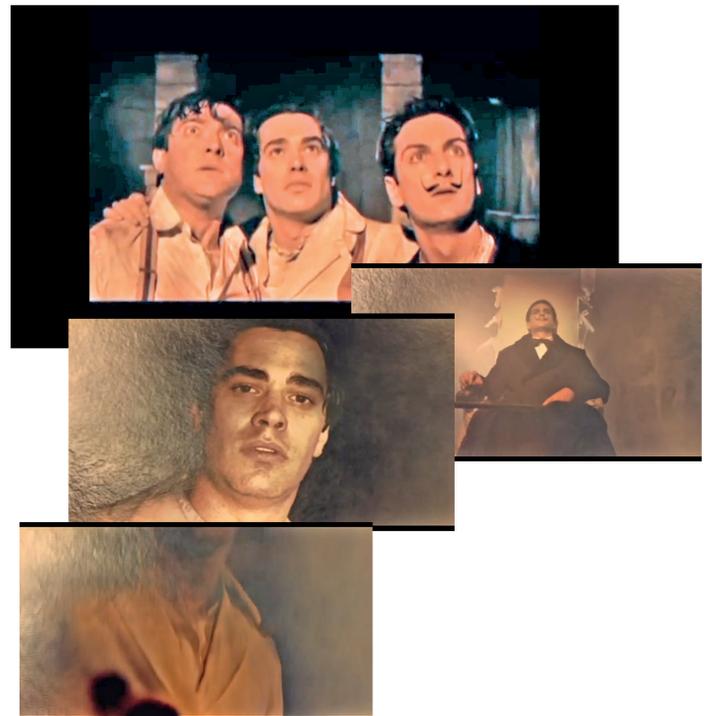
Источник: [5]

Рис. 2. Кадры из фильма «Гойя в Бордо»

При создании аудиовизуального продукта необходимо мыслить фотографически и критически, особенно по вопросу национальной идентичности [7]. Сам фотографический акт представляет собой немедленное превращение настоящего референта в окаменевшее прошлое. Элементы фотографии часто добавляют сильную дозу времени движению, за которым хочется пойти, но это возможное действие навсегда останется в кадре. Это также то, что отличает фотографию от кино: возможность трансформации вне кадра, которое заставляет видимое пространство выходить за пределы поля экрана и позволяет сделать видимым то, что не видно. Саура определенным образом расширяет то, что ограничивает фотографический акт таким образом, чтобы захваченное изображение переполняло пространство-время [8].

Организацию работы над своим аудиовизуальным продуктом с учетом исследуемого принципа Саура изобразил в киноленте «Бунюэль и стол царя Соломона», где они вместе с Агустином Санчесом Видалем переносят семидесятилетнего Бунюэля в XXI в. и предлагают с помощью продюсера снять фильм, действие которого происходит в Толедо, где предстоит поиск мифического стола царя Соломона, который, по легенде, покажет тому, кто его найдет, настоящее, прошлое и будущее. Бунюэль, размышляя об этом предложении, воображает, как это приключение интерпретировали бы его друзья Федерико Гарсиа Лорка и Сальвадор Дали и он сам, когда были молоды. Поиски стола становятся обязательством, в котором дружба заставит их преодолевать любые препятствия, появляющиеся на их пути.

При построении кадра в этом фильме Саура также использует принцип «фотографии», несмотря на то, что фильм сильно отличается от его «балетных» режиссерских работ (рис. 3). Здесь он также проявляет себя как фотограф, пользуясь «излюбленным» приемом, перенося на экран элементы импровизации – «ломки» сценария, характерные для его съемочного процесса.

Источник: [4]

Рис. 3. Кадры фильма «Бунюэль и стол царя Соломона» с эффектом фотопечати

«Кино – это научное изобретение, – оно требует фотоаппаратов, негативов, оптических линз, прожекторов и других эффектов, которые до сих пор остаются научными изобретениями. Поэтому оно создано и развивается благодаря технике, и забывать об этом кажется абсурдом» [9, с. 25] (примеч. – перевод авторов).

«Бунюэль и стол царя Соломона» с самого начала написания сценария был разработан с использованием цифровых эффектов, создание которых представляло собой медленный и трудоемкий процесс. Команде необходимо было создать все элементы на основе режиссерской идеи. При этом съемка велась с мыслью, что есть вещи, которых на самом деле нет. Здесь также вспоминается ручной процесс проявки и печати фотографии.

Если кинематографическое изображение является наследником фотографического в том смысле, что оно основано на принципе сопутствования референта его репрезентации, то устройство кинематографической проекции связано с восприятием его нашей сетчаткой глаза, заставляя кадры исчезать для того, чтобы освободить место для изображения, которое превращает кинематографическое зрелище в пространственно-временной континуум. Движущаяся фотография больше не фотография, но это еще не кино. Однако вполне возможно, что фотограф станет кинорежиссером, чтобы воскресить изображение, которое только что застыло во времени. У Сауры в рассмотренных кинопроизведениях связь фотографии и кино становится одним из важнейших компонентов сценария.

Заключение

Что касается авторского права на созданные Карлосом Саурой аудиовизуальные произведения, то режиссер фактически сам отказался от статуса автора, так как музыкантам и танцорам эти фильмы принадлежат так же, как и режиссеру.

«Вся часть изобретения и творчества прекрасна, а вся часть денег, обязательств ответственности...» [9, с. 25] (примеч. – перевод авторов). По мысли Сауры, если об этом много думать, то режиссер не сможет составить даже план. Поэтому так важно разделять творческий и организационный процессы и закреплять ответственность за разными людьми, но которые способны договариваться между собой для гармоничной синхронизации процесса создания фильма / аудиовизуального продукта.

Библиографический список

1. Аракелян, А. М., Воронцова, Ю. В. Управление в сфере кино и телевидения: учебное пособие. – М.: ГУУ, 2021. – 138 с.
2. Мазур, А. Ю. Использование принципа «фотографии» в кинематографе // Актуальные направления повышения доходности социальных и бизнес-проектов. – 2021. – М.: ГУУ, 2021. – С. 79–82.
3. Сергеева, Т.С. Фламенко в кинотворчестве Карлоса Сауры: традиционное искусство в контексте медиаккультуры (на примере фильма “Кармен”) // Художественная культура. – 2013. – № 4 (9). – С. 5.
4. Бунюэль и стол царя Соломона [*Buñuel y la mesa del rey Salomón*]: худ. фильм, реж. Карлос Саура. – Германия, Испания, Мексика, Франция: Altavista Films, Caja de Ahorros de La Rioja (Cajarioja), Castelao Producciones и др., 2001. – длит. 105 мин.
5. Гойя в Бордо [*Goya en Burdeos*]: худ. фильм, реж. Карлос Саура. – Испания, Италия: Lolafilms, Italian International Film, Televisión Española et al, 1999. – длит. 100 мин.
6. Колдовская любовь [*El amor brujo*]: худ. фильм, реж. Карлос Саура. – Испания: Emiliano Piedradлит, 1986. –103 мин.
7. Berthier, N. Carlos Saura años cincuenta: en el principio era la fotografía [Карлос Саура пятидесятых: в начале была фотография] // Atlante: Revue d’Etudes Romanes. – 2017. – № 7. – Pp. 355–387.
8. Carlos Saura: una trayectoria ejemplar [Карлос Саура: образцовая карьера] / Lefere, R. (ed.). – Madrid: Visor Libros, 2011. – 296 p.
9. Entrevista a Carlos Saura. Buñuel y la mesa del rey Salomón. Cara a cara [Интервью с Карлосом Саурой: Бунюэль и стол царя Соломона. Лицом к лицу] // Revista Union. – 2016. – No. 201. – Pp. 24–25.

References:

1. Arakelyan A.M., Vorontsova Yu.V. *Management in the field of cinema and television: tutorial*, Moscow, State University of Management, 2021, 138 p. (In Russian).
2. Mazur A.Yu. Using the principle of “photography” in cinema”, *Aktual'nye napravleniya povysheniya dokhodnosti sotsial'nykh i biznes-proektov*, 2021, Moscow, State University of Management, 2021, pp. 79–82. (In Russian).
3. Sergeeva T.S. Flamenco in the film creation of Carlos Saura: traditional art in the context of media culture (on the example of the film “Carmen”, *Art & Culture Studies*, 2013, no. 4 (9), pp. 5. (In Russian).

4. Buñuel and King Solomon's Table [Buñuel y la mesa del rey Salomón]: Feature film, director Carlos Saura, Altavista Films, Caja de Ahorros de La Rioja (Cajarioja) et al, Germany, Spain, Mexico, France, 2001, 105 min. (In Spanish).
5. Goya in Bordeaux [*Goya en Burdeos*]: Feature film, director Carlos Saura, Lolafilms, Italian International Film, Televisión Española et al, Spain, Italy, Vía Digital, Televisión Española, producer Carlos Saura, 1999, 100 min. (In Spanish).
6. The witch love [*El amor brujo*]: Feature film, producer Carlos Saura, Cinema Company Emiliano Piedra, Spain, 1986, duration 103 min. (In Spanish).
7. Berthier N. Carlos Saura fifties: in the beginning it was photography [Carlos Saura años cincuenta: en el principio era la fotografía], *Atlante, Revue d'Etudes Romanes*, 2017, no. 7, pp. 355–387. (In Spanish).
8. *Carlos Saura: an exemplary career* [*Carlos Saura: una trayectoria ejemplar*], Lefere, R. (ed.), Visor Libros, Madrid, 2011, 296 p. (In Spanish).
9. Interview with Carlos Saura. Buñuel and King Solomon's table. Face to face [Entrevista a Carlos Saura. Buñuel y la mesa del rey Salomón. Cara a cara], *Revista Union*, 2016, no. 201, pp. 24–25. (In Spanish).

Гайнанов Дамир Ахнафович

д-р экон. наук, Институт социально-экономических исследований ФГБУН «Уфимского федерального исследовательского центра РАН», г. Уфа, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2606-2459

e-mail: 2d2@inbox.ru

Атаев Дмитрий Михайлович

аспирант, Институт социально-экономических исследований ФГБУН «Уфимского федерального исследовательского центра РАН», г. Уфа, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6008-665X

e-mail: dima8404@yandex.ru

Damir A. Gaynanov

Dr. Sci. (Econ.), Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

ORCID: 0000-0002-2606-2459

e-mail: 2d2@inbox.ru

Dmitriy M. Ataev

Postgraduate student, Institute of Social and Economic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

ORCID: 0000-0001-6008-665X

e-mail: dima8404@yandex.ru

ОТРАСЛЕВАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

Аннотация. В статье проведен анализ соответствия целевых ориентиров отраслевой и территориальной промышленной политики, отраженных в федеральных и региональных стратегических документах территориальных социально-экономических систем. Результаты сопоставления данных ориентиров показали, что отсутствует единый подход к определению целей, количественному и качественному составу целевых индикаторов промышленного развития не только среди стратегических документов различного характера (целеполагания, прогнозирования, территориальных, отраслевых), но и внутри отраслевых документов развития промышленности России и ее регионов. Отсутствует также четко выстроенная вертикаль декомпозиции национальных приоритетов развития промышленности по направлениям и уровням стратегического планирования территориальных социально-экономических систем.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, отраслевая структура промышленности, территориальная структура промышленности, стратегическое планирование, целеполагание, прогнозирование, целевые индикаторы

Благодарность. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук» № 075-00504-21-00 на 2021 г.

Для цитирования: Гайнанов Д.А., Атаев Д.М. Отраслевая и территориальная промышленная политика в стратегических документах России и ее регионов // Вестник университета. 2021. № 9. С. 34–42.

SECTORAL AND TERRITORIAL INDUSTRIAL POLICY IN THE STRATEGIC DOCUMENTS OF RUSSIA AND ITS REGIONS

Abstract. The article analyses the consistency of sectoral and territorial industrial policy target benchmarks reflected in federal and regional strategic documents of territorial socio-economic systems. The results of a comparison of this benchmarks showed that there is no unified approach to defining goals, quantitative and qualitative composition of target indicators of industrial development not only among strategic documents of various nature (goal-setting, forecasting, territorial, sectoral), but also within sectoral documents of industrial development in Russia and its regions. There is also no clearly defined vertical decomposition of national priorities for industrial development according to the directions and levels of strategic planning of territorial socio-economic systems.

Keywords: industry, industrial policy, industry sectoral structure, industry territorial structure, strategic planning, goal setting, forecasting, target indicators

Acknowledgements. This research was carried out within the framework of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences state assignment No 075-00504-21-00 for 2021.

For citation: Gaynanov D.A., Ataev D.M. (2021) Sectoral and territorial industrial policy in the strategic documents of Russia and its regions. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 34–42. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-34-42

Введение

Промышленность представляет собой один из ведущих секторов российской экономики, который обеспечивает «материальную базу экономического развития» [19, с. 80]. В настоящее время различные виды деятельности, формирующие отрасль промышленности, составляют более четверти валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и обеспечивают пятую часть занятости населения страны. Темпы роста промышленности

© Гайнанов Д.А., Атаев Д.М., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Gaynanov D.A., Ataev D.M., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

в целом и отдельных промышленных видов экономической деятельности превышают темпы роста ВВП Российской Федерации (далее – РФ) (96,9 % в 2020 г. по валовому региональному продукту в целом и 97,1 % для промышленного производства (102,0 % и 103,4 %, соответственно, в 2019 г.), что говорит о позитивной динамике промышленного роста в стране.

При этом промышленный сектор большинства постсоветских стран имеет ряд общих проблем: высокая степень износа производственных фондов; технологическое отставание как в перспективных, так и в традиционных отраслях; низкий уровень инновационной активности и финансирования инновационной деятельности в промышленности; старение профессиональных кадров и нехватка высококвалифицированных специалистов и др. Эти же проблемы характерны для промышленно-ориентированных регионов, например, для Республики Башкортостан (далее – РБ).

Несмотря на то, что в 2018 г. промышленное производство выросло в 66 регионах России, динамика роста постепенно снижается (в 2017 г. рост был в 77 регионах). Согласно исследованию Росстата, по состоянию на июнь 2019 г. ограничивающими факторами развития обрабатывающей промышленности регионов России являлись как факторы низкого внутреннего спроса на продукцию, так и внешние фискальные и иные факторы (высокий уровень налогообложения, последствия экономического кризиса, общая макроэкономическая нестабильность). По сути, эти факторы и отражает промышленная политика страны в целом и отдельных ее регионов в частности.

Теоретические подходы к структурным составляющим промышленной политики

В настоящее время на законодательном уровне промышленная политика определена как комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала страны, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции [2]. Это определение не раскрывает сущность самой политики, перечисляя лишь меры поддержки.

На сегодня существует большое многообразие подходов и трактовок промышленной политики, которые можно классифицировать по различным направлениям: структурная, инновационная, инвестиционная, социальная, институциональная, внешнеторговая и конкурентная.

Некоторые авторы рассматривают промышленную политику в структурном аспекте, причем есть авторы, которые определяют промышленную политику как направление общей структурной политики государства [12]. Другие авторы определяют структурную политику как часть промышленной, так, А. А. Некипелов утверждает, что «структурная политика – часть промышленной политики, направленная непосредственно на изменение структуры экономики, то изменение, которое не вытекает из действия рыночного механизма, а некоторым образом корректирует его» [20, с. 1].

Существует ряд подходов, согласно которым в содержании промышленной политики особо выделяется инновационная составляющая, например, Торгово-промышленная палата РФ определяет промышленную политику, как «систему мер, направленных на развитие национальной экономики, новейших технологий и продуктов с высокой степенью обработки, современных информационных технологий» [13, с. 23]. Более полное определение промышленной политики содержится в работе А. И. Татаркина и О. А. Романовой: «система отношений между государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными организациями и гражданскими институтами по поводу формирования структурно сбалансированной, конкурентоспособной промышленности, интеллектуальное ядро которой представлено новейшим технологическим укладом». Помимо того, что здесь выделяются важные целевые свойства промышленной политики как «структурная сбалансированность» и «конкурентоспособность», еще подчеркивается необходимость обеспечения взаимодействия между ключевыми экономическими агентами территории [18, с. 21].

С точки зрения региональной промышленной политики авторов в большей степени интересует отраслевой и территориальный подходы.

Как правило, под отраслевой политикой понимают регулирование и целенаправленные усилия деятельности со стороны государства по поддержке конкретных отраслей (секторов) экономики с целью достижения результатов, которые являются значимыми для экономики страны (региона) в целом [15; 16; 17; 21; 22].

Наряду с производственной (отраслевой) составляющей структурная политика включает территориальный аспект, в котором рассматриваются проблемы размещения промышленности на территории региона.

Объектами промышленной политики в таком случае являются территориально и функционально связанные комплексы промышленных и обеспечивающих их предприятий (это могут быть кластеры или территориально-промышленные комплексы). Целевая ориентация функционирования таких комплексов связана как с экономической эффективностью, так и влиянием на уровень социально-экономического развития регионов [14].

Как мы видим, существует множество трактовок сущности промышленной политики, те или иные подходы нашли свое отражение не только в теоретических исследованиях, но и в соответствующих нормативных актах, регулирующих общественные отношения, связанные с разработкой и реализацией промышленной политики.

Целью статьи является оценка соответствия целевых ориентиров промышленной политики, отраженных в стратегических документах территориальных социально-экономических систем России и ее регионов (на примере РБ) и отраслевых документах стратегического планирования, непосредственно регулирующих промышленную политику. В качестве объекта исследования мы рассмотрим цели, задачи и целевые индикаторы стратегических документов федерального и регионального уровня.

На федеральном уровне были рассмотрены документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания, прогнозирования, отраслевого и территориального характера [1]. «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации» (далее – СЭР РФ) на текущий момент не принята, поэтому она не рассматривалась. На региональном уровне (РБ) были проанализированы «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г.» (далее – Стратегия СЭР РБ на период до 2030 г.) и «Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан на долгосрочный период до 2036 года» (далее – Прогноз СЭР РБ на период до 2036 г.), а также государственные программы, относящиеся к промышленной политике республики [10; 11].

Анализ результатов

Результаты сопоставления стратегических документов на федеральном и региональном уровнях представлены в таблицах 1 и 2 соответственно.

Таблица 1

Сопоставление целевых ориентиров и индикаторов территориальных и отраслевых документов стратегического планирования на федеральном уровне

Документ	Целевые ориентиры, связанные с промышленной политикой	Целевые индикаторы, характеризующие промышленную политику
<i>Территориальные стратегические документы</i>		
Прогноз долгосрочного СЭР РФ на период до 2030 г.	Рост доли высокотехнологичных отраслей и экономики знания, сохранение специализация промышленности на рынках сырья, но смещение акцента в сторону глубокого уровня переработки сырья и развития высокотехнологичной продукции	Доля обрабатывающих производств в общей структуре промышленного производства 73,8 % в 2030 г. Рост промышленного производства к 2030 г. составит 181,2 % к уровню 2011 г.
Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683)	Ориентация на импортозамещение, акцент на развитии агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности Развитие высокотехнологических отраслей (космос, ядерная энергетика) Развитие оборонно-промышленного комплекса, возвращение лидерских позиций в этой области	Доля расходов в валовом внутреннем продукте на развитие науки, технологий и образования

Документ	Целевые ориентиры, связанные с промышленной политикой	Целевые индикаторы, характеризующие промышленную политику
Стратегия научно-технологического развития РФ (утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (в ред. от 15.03.2021))	Всеобщая цифровизация, развитие интеллектуальных систем Развитие «зеленой экономики» ресурсосберегающие технологии, поиск новых источников энергии	-
Стратегия пространственного развития РФ (утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 №207-р)	Сокращение уровня межрегиональной дифференциации в результате формирования и развития минерально-сырьевых центров	-
<i>Отраслевые стратегические документы</i>		
Госпрограмма РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 №328 (ред. от 28.01.2021))	Повышение конкурентоспособности и экспортной ориентированности гражданских отраслей промышленности РФ	Индекс производства обрабатывающей промышленности к предыдущему году – 98,1 в 2020 г., 106,2 в 2024 г.; Объем экспорта несырьевых неэнергетических промышленных товаров 119,5 млрд долл. США в 2020 г., 146 млрд долл. США в 2024 г.; Доля предприятий промышленности, использующих электронные сервисы 20 % в 2020 г., 50 % к 2024 г.; Индекс производительности труда
Стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 г. и на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р)	Активизация экспортного потенциала обрабатывающей промышленности в результате производства конкурентоспособной продукции обрабатывающей промышленности	Индекс производства обрабатывающей промышленности 116,8 %, 160,2 % в 2030 г., 192,5 % в 2035 г. (в % к 2019 г.); Доля организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих технологические инновации 50 % в 2030 г., 2035 г. Цепной индекс производительности труда обрабатывающих производств 4,3 % в 2030 г., 3,6 % в 2035 г. Внутренние затраты на развитие цифровой экономики 5,1 % от валовой добавленной стоимости в 2030 г., 2035 г.

Источники: [3–8]

Из таблицы следует, что целевые ориентиры отраслевых стратегических документов согласованы между собой, формулировки целей почти идентичны, однако целевые индикаторы различаются по составу. Кроме того, даже одинаковые показатели несопоставимы. Например, индекс производства обрабатывающей промышленности в госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» рассчитывают к предыдущему году, в «Стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ» – к 2019 г., что, соответственно, не позволяет сопоставить эти цифры. Кроме того, совпадающий показатель индекса производительности труда в «Стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ» формализован, а в государственной программе – нет [5; 6].

Еще большее количество несоответствий обнаруживается при сравнении отраслевых документов промышленности с ключевыми территориальными документами стратегического планирования. Например, целевая ориентация на экспортный потенциал в документах стратегического планирования федерального

уровня, разрабатываемых в рамках целеполагания и по территориальному признаку, не отражена. В «Стратегии научно-технологического развития» отсутствуют целевые индикаторы в целом, в «Стратегии пространственного развития» отсутствуют индикаторы, связанные с промышленным развитием регионов России [3; 7]. В «Стратегии национальной безопасности РФ» нет целевых индикаторов, напрямую связанных с промышленностью, остальные индикаторы не формализованы [4]. При этом в «Прогнозе долгосрочного СЭР РФ период до 2030 г.» [8] целевые индикаторы развития промышленности в России есть, но они не нашли своего отражения в отраслевых документах промышленного развития страны.

В теории стратегического управления целевые ориентиры вышестоящего уровня власти должны быть декомпозированы на нижестоящий уровень. Рассмотрим, насколько это соответствие наблюдается для РБ. Одновременно сопоставим территориальные и отраслевые документы республики на предмет аналогичного анализа (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление целевых ориентиров и индикаторов территориальных и отраслевых документов стратегического планирования на региональном уровне (Республика Башкортостан)

Документ	Целевые ориентиры, связанные с промышленной политикой	Целевые индикаторы, характеризующие промышленную политику
<i>Территориальные стратегические документы</i>		
Стратегия СЭР РБ на период до 2030 г. (утв. Постановлением Правительства РБ от 20.12.2018 № 624)	Рост конкурентоспособности за счет развития промышленной инфраструктуры, импортозамещение, повышение производительности труда	Производительность труда – 2151,2 тыс. руб./чел. и попадание в список 10 лучших регионов, рост показателя 105 % к предыдущему году Индекс промышленного производства – 163 % в 2030 г. к уровню 2015 г. Доля высокопроизводительных рабочих мест в общей численности занятого населения – 45 %; Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте – 26,1 %
Прогноз СЭР РБ на долгосрочный период до 2036 г. (утв. Распоряжением Правительства РБ от 15.01.2020 № 10-р)	Рост конкурентоспособности за счет перевооружения и модернизации действующих производств, развития инновационной составляющей промышленности: рост доли высокотехнологичной, наукоемкой, инновационной продукции	Индекс промышленного производства к предыдущему году 103,4 % в 2024 г., 103,7 % в 2030 г. (базовый сценарий)
<i>Отраслевые стратегические документы</i>		
Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в РБ» (утв. Постановлением Правительства РБ от 12.03.2018 № 98)	Поддержка базовых и перспективных отраслей с целью повышения устойчивости региональной промышленности	Индекс промышленного производства 103,4 % к 2024 г.; Объем инвестиций в основной капитал; Объем отгруженных товаров – 2543,6 млрд руб. к 2024 г.

Источники: [9–11]

«Стратегия СЭР РБ на период до 2030 г.» как и стратегии других регионов России были разработаны и утверждены в отсутствие федеральной стратегии, поэтому сопоставить их не представляется возможным. Стратегия пространственного развития в регионе также отсутствует, как и во многих регионах России, что также не позволяет сравнить эти документы территориального планирования.

Если сравнить прогнозы социально-экономического уровня на федеральном и региональном уровнях, то в них в целом совпадают целевые ориентиры: приоритет увеличения доли наукоемкой и высокотехнологичной продукции, но на федеральном уровне указана специализация на рынках сырья с глубоким уровнем переработки, а в РБ – перевооружение и модернизация действующих производств, что, в принципе, соответствует реалиям постепенного снижения доли добывающего производства в структуре промышленности республики. Однако целевые индикаторы прогноза отличаются: на федеральном уровне доля обрабатывающих производств в общей структуре промышленного производства и рост промышленного производства к 2011 г., на региональном уровне – индекс промышленного производства к предыдущему году, что также не позволяет сопоставить целевые ориентиры прогноза промышленного развития на федеральном и региональном уровнях.

Отраслевые документы развития промышленности сопоставим на примере государственных программ развития промышленности и повышение ее конкурентоспособности в РФ в целом и в РБ (обе программы разработаны до 2024 г.).

Республика Башкортостан занимает 15 место по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по добыче полезных ископаемых (доля 1,69 % в РФ по данным Госкомстата РФ), 10 место по обрабатывающим производствам (доля 2,78 % в РФ), что в целом отражает большую значимость республики в промышленном потенциале страны и с определенной долей условности намекает на необходимость соответствия целевых ориентиров государственной программы развития промышленности в РБ федеральной программе. Однако фактически цели программ разные: если федеральная программа ставит цель формирование глобально конкурентоспособного сектора промышленности с высоким экспортным потенциалом, то для РБ глобальная конкурентоспособность и направленность на экспорт не являются приоритетом. Цель в регионе проще – обеспечить устойчивость промышленности посредством поддержки базовых и перспективных отраслей.

Различия в целях определили и разный состав целевых индикаторов. В целевых индикаторах республиканской госпрограммы отсутствуют показатели, связанные с экспортом, цифровизацией промышленности, так как в федеральной программе они обозначены и формализованы. Численные значения совпадающего в программах показателя – индекса производства обрабатывающей промышленности к предыдущему году – в РБ гораздо скромнее: если в России он составляет 106,2 % в 2024 г., то в республике – всего 103,4 %.

Аналогично стратегическим документам РФ, в РБ наблюдается несоответствие целевых документов территориального характера, относящихся к развитию промышленности, и отраслевых документов. Ключевые приоритеты «экспортный потенциал», «импортозамещение», «инновации» в Прогнозе СЭР РБ на долгосрочный период до 2036 г. и Стратегии СЭР РБ на период до 2030 г. отличаются от формулировки цели в госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в РБ». Конечно, это связано с тем, что программа была принята ранее прогноза и стратегии, однако говорит о необходимости соответствия цели, задач и индикаторов вновь разрабатываемой программы иным документам стратегического планирования РБ.

Состав целевых индикаторов различных стратегических документов отличается между собой. Следует отметить, что показатель «индекс промышленного производства к предыдущему году» – 103,4 % в 2024 г. в Прогнозе СЭР РБ на долгосрочный период до 2036 г. и в госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан» совпадают [9; 11].

Заключение

Результаты сопоставления стратегических документов, разрабатываемых в рамках целеполагания, программирования и прогнозирования России и ее регионов показали, что отсутствует единство к формализации их целей и задач, определению количественных и качественных параметров целевых индикаторов. Отсутствует явно выраженная декомпозиция национальных приоритетов развития промышленности по уровням власти и направлениям государственной промышленной политики.

Конечно, нельзя говорить том, что цели и индикаторы всех стратегических документов различного характера и уровня должны совпадать. Безусловно, должна учитываться специфика регионов, количество индикаторов в государственных программах развития промышленности должно быть больше, и они должны быть более детализированными и специфическими. Но в целом при разработке стратегических документов не должно быть разногласий в целях и задачах, ключевые показатели развития промышленности

и их численные значения должны совпадать. Только в таком случае будет выстроена согласованная непротиворечащая друг другу иерархия стратегических документов, позволяющая выстроить четкий вектор долгосрочного промышленного развития.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 08.07.2021).
2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (ред. от 20.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения 08.07.2021).
3. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения 10.07.2021).
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 09.07.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 31.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162176/ (дата обращения 10.07.2021).
6. Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 N 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 год» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения 07.07.2021).
7. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения 10.07.2021).
8. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения 09.07.2021).
9. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.03.2018 № 98 «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446662381> (дата обращения 08.07.2021).
10. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 20 декабря 2018 года №624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» // Официальный интернет портал правовой информации Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nra.bashkortostan.ru/22444/> (дата обращения 07.07.2021).
11. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 15.01.2020 №10-р «Об утверждении прогноза социально-экономического развития Республики Башкортостан на долгосрочный период до 2036 года» // Министерство экономического развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (дата обращения 08.07.2021).
12. Абалкин, Л. И. Концептуальные вопросы разработки промышленной политики в условиях современной российской экономики // Промышленная политика России на пороге XXI века. М.: ИздАТ, 1997. – С. 28–33.
13. Жарыкбасов, А. Т. Определение сущности промышленной политики // Известия КГТУ им. Раззакова. – 2017. – № 43. – С. 21–26.
14. Звонов, А. А. Государственная промышленная политика территориальный аспект // Вестник Нижегородского Университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Экономические науки. – 2011. – № 5 (2). – С. 80–84.
15. Калинин, А. Построение сбалансированной промышленной политики. Вопросы структурирования целей, задач, инструментов // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 132–146.

16. Смирнов, Е. Инновационный вектор промышленной политики Европейского Союза // *Международная экономика*. – 2007. – № 2. – С. 54–59.
17. Татаркин, А. И., Романова О. А. Промышленная политика и механизм ее реализации. Системный подход // *Экономика региона*. – 2007. – № 3. – С. 19–31.
18. Татаркин, А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // *Экономика региона*. – 2014. – № 2. – С. 9–21.
19. Фадеев, А. М., Череповицын А. Е., Ларичкин Ф. Д. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике: монография. – Апатиты: КНЦ РАН. – 2019. – 289 с.
20. Александр Некипелов: промышленная политика в России стала реальностью // *Российская академия наук [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=f4cf7388-752d-4add-bd80-41217ba3052f> (дата обращения 01.07.2021).
21. Graham O. L., Jr. *Losing Time: The Industrial Policy Debate*. Harvard University Press, 1994. 384 p.
22. Rodrik, D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. – 2004. – November. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.617544> (дата обращения 05.07.2021).

References

1. Federal Law dated on June 28, 2014 No. 172-FZ (Ed. July 31, 2020) “On Strategic Planning in the Russian Federation”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (accessed 08.07.2021).
2. Federal Law dated on December 31, 2014 No. 488-FZ “On Industrial Policy in the Russian Federation”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (accessed 08.07.2021).
3. Decree of the President of the Russian Federation on December 12, 2016 No.642 “On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (accessed 10.07.2021).
4. Decree of the President of the Russian Federation on December 31, 2015 No.683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 09.07.2021).
5. Decree of the Government of the Russian Federation on April 15, 2014 No. 328 “On Approval of the State Program of the Russian Federation” Development of Industry and Increasing its Competitiveness”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162176/ (accessed 10.07.2021).
6. Order of the Government of the Russian Federation on June 6, 2020 No. 1512-r “On Approval of the Consolidated Development Strategy of the Manufacturing Industry of the Russian Federation until 2024 and for the Period until 2035”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354707/f62ee45faefd8e2a11d6d-88941ac66824f848bc2 (accessed 10.07.2021).
7. Order of the Government of the Russian Federation on February 13, 2019 No. 207-r “On the Approval of the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period up to 2025”, *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (accessed 10.07.2021).
8. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 (developed by the Ministry of Economic Development of Russia), *Legal references system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed 09.07.2021).
9. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan on March 12, 2018 No. 98 “On the Approval of the State Program” Development of Industry and Increasing its Competitiveness in the Republic of Bashkortostan”, *Electronic fund of legal and regulatory documents*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/446662381> (accessed 08.07.2021).
10. Decree of the Government of the Republic of Bashkortostan on December 20, 2018 No. 624 “On the Strategy of Social and Economic Development of the Republic of Bashkortostan for the Period up to 2030”, *Official Internet portal of legal information of the Republic of Bashkortostan*. Available at: <https://npa.bashkortostan.ru/22444/> (accessed 07.07.2021).
11. Order of the Government of the Republic of Bashkortostan on January 15, 2020 No. 10-r “On Approval of the Forecast of Socio-Economic Development of the Republic of Bashkortostan for a Long-Term Period until 2036”, *Ministry of Economic Development of the Republic of Bashkortostan*. Available at: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (accessed 08.07.2021).
12. Abalkin L.I. Conceptual issues of industrial policy development in the conditions of the modern Russian economy, *In: Industrial policy of Russia on the threshold of the XXI century*. Moscow, Izdat, 1997, pp. 28–33. (In Russian).

13. Zharykbasov A.T. Determination of the essence of industrial policy, *Izvestiya KGTU im. Razzakova*, 2017, no. 43, pp. 21–26. (In Russian).
14. Zvonov A.A. State industrial policy territorial aspect, *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Economic Sciences*, 2011, no. 5 (2), pp. 80–84. (In Russian).
15. Kalinin A. Building a balanced industrial policy. Questions of structuring goals, objectives, tool. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 4, pp. 132–146. (In Russian).
16. Smirnov E. Innovation vector of industrial policy of the European Union, *The World Economics*, 2007, no. 2, pp. 54–59. (In Russian).
17. Tatarkin A. I., Romanova O. A. Industrial policy and the mechanism of its implementation. System approach, *Economy of region*, 2007, no. 3, pp. 19–31. (In Russian).
18. Tatarkin A.I., Romanova O.A. Industrial policy: genesis, regional features and legislative support, *Economy of region*, 2014, no. 2, pp. 9–21. (In Russian).
19. Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D. *Strategic management of the oil and gas complex in the Arctic: monograph*, Apatity: KSC RAS, 2019, 289 p. (In Russ.).
20. Alexander Nekipelov: industrial policy in Russia has become a reality, *Russian Academy of Sciences*. Available at: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=f4cf7388-752d-4add-bd80-41217ba3052f> (accessed 01.07.2021).
21. Graham O. L., Jr. *Losing time: the industrial policy debate*, Harvard University Press, 1994, 384 p.
22. Rodrik, D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century* (November 2004). Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.617544> (accessed 05.07.2021).

Коблов Сергей Владимирович
канд. техн. наук, Центральный
научно-исследовательский институт
машиностроения (ЦНИИмаш),
г. Королев, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9052-0955
e-mail: Koblov-s@bk.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Рассмотрены направления развития цифровой среды предприятия с анализом путей совершенствования профессиональных компетенций кадров предприятия, включая цифровой аспект. Проведенный анкетный опрос персонала Центрального научно-исследовательского института машиностроения (ЦНИИмаш) в 2019 г. и 2020 г. по методике «Оценки возможности реализации потенциала персонала (оценки управляемости)» выявил проблемы, детерминированные процессом цифровой трансформации. Были выявлены значимые составляющие для персонала, включающие ясность понимания своего места в проекте, оценку постановки задач, нацеленность сотрудников на общий конечный результат, функциональное межличностное взаимодействие. При анализе уровней управляемости было изучено влияние на трудовую деятельность персонала таких факторов, как оплата труда, социально бытовые условия на предприятии, эргономические условия на рабочем месте, межличностные взаимоотношения в коллективе по горизонтали и вертикали, социальная эффективность руководства. Полученные данные легли в основу практических рекомендаций для руководства ЦНИИмаш по изменению организационной культуры предприятия с целью активизации трудового потенциала персонала. Это позволило решить выявленные проблемы, повысить эффективность работы персонала в удаленном формате в условиях пандемии и управляемость персонала по предприятию в целом.

Ключевые слова: кадры, персонал, компетенции, организационная культура, потенциал, управляемость персонала, цифровая среда предприятия, цифровизация

Для цитирования: Коблов С.В. Цифровая трансформация как фактор адаптации персонала для реализации производственного потенциала в условиях пандемии//Вестник университета. 2021. № 9. С. 43–52.

Koblov Sergey Vladimirovich
Cand. Sci. (Tech.), Central Research
Institute for Machine Building
(JSC «TsNII Mash»), Korolev, Russia
ORCID: 0000-0001-9052-0955
e-mail: Koblov-s@bk.ru

DIGITAL TRANSFORMATION AS AN ADAPTATION FACTOR FOR PERSONNEL TO REALISE PRODUCTIVE CAPACITY IN A PANDEMIC

Abstract. The directions for the development of the enterprise digital environment are considered, and the ways to improve the professional competences of the enterprise staff, including the digital aspect, have been analysed. A questionnaire survey of the personnel of the Central Research Institute of Mechanical Engineering in 2019 and 2020 using the methodology “Assessment of personnel capability (Manageability Assessment)” revealed the problems determined by the digital transformation process. Significant components for staff have been identified, including clarity of understanding of their place in the project, appreciation of task setting, staff focus on the overall end result, and functional interpersonal interaction. In analysing levels of manageability levels, the influence on the staff labor activity the factors such as remuneration, social and living conditions in the enterprise, ergonomic conditions at the workplace, interpersonal horizontal and vertical relationships in the team, and social effectiveness of management, have been studied. The findings provide the basis for practical recommendations to Central Research Institute of Mechanical Engineering management on changing the enterprise organisational culture to activate the staff labor potential. This solved the problems identified, improving the efficiency of staff working remotely in a pandemic and the manageability of staff across the enterprise as a whole.

Keywords: personnel, staff, competencies, organisational culture, potential, manageability of personnel, digital enterprise environment, digitalisation

For citation: Koblov S.V. (2021) Digital transformation as an adaptation factor for personnel to realise productive capacity in a pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 43–52. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-43-52

© Коблов С.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Koblov S.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Внедрение цифровой трансформации в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения началось в 2019 г. В работе Коблова С. В. «Вопросы создания цифровой среды головной научно-исследовательской организации госкорпорации «Роскосмос» перечислены базовые направления, определяющие цели и задачи развития цифровой среды предприятия: это формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, нормативное обеспечение, укрепление кадровой структуры, образование, профессиональная подготовка и переподготовка, совершенствование информационной инфраструктуры [4].

Основными задачами развития компетенций кадров предприятия, включая их цифровой аспект, являются:

- управление компетенциями, требуемыми для реализации текущей и перспективной деятельности (анализ состояния, выявление новых потребностей, устранение дефицита компетенций, мониторинг процессов развития);
- создание условий развития и подготовки кадров для цифровой среды предприятия, обеспечения его цифровой трансформации;
- формирование кадрового состава для выполнения задач по созданию продукции и услуг с требуемым качеством в части отраслевых компетенций, закрепленных за институтом;
- создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой среды предприятия.

Необходимо отметить, что решение перечисленных выше задач может быть осуществлено при условии ясного понимания потребности в компетенциях, их содержания, понимания их количественного и качественного состава. При этом формирование и освоение компетенций возможно только на основе итеративного подхода, включающего их формирование, апробацию и коррекцию. Задачи управления компетенциями с применением утвержденной в ракетно-космической отрасли модели корпоративных компетенций решаются на базе Корпоративной Академии Роскосмоса [7]. По данным анкетных опросов, проведенных в институте в 2019 г. и 2020 г., количество ответов респондентов на вопрос «Конкретно на какие курсы/тренинги Вы хотели бы быть направлены от института?» сократилось. В частности, в 2019 г. было упомянуто 106 курсов, а в 2020 г. – 56 курсов. Это свидетельствует о положительном тренде в удовлетворении потребностей персонала в освоении профессиональных компетенций.

В предыдущей нашей работе приведен перечень элементов цифровой среды и объектов цифровизации предприятия [4]. Их развитие будет непосредственно сказываться и на состоянии трудового потенциала предприятия.

По данным анкетного опроса персонала, проведенного в 2019 г., в числе множества проблем, решение которых предполагалось в процессе цифровой трансформации, сотрудниками института назывались следующие: обеспечение оперативности обмена информацией, доступа к информационным системам, сокращение длительных сроков прохождения и согласования документов. Из общего количества высказанных предложений 20 % (100 из 493 чел.) относились к необходимости решения проблем документооборота, среди которых уменьшение бюрократического подхода с требованием большого числа подписей при решении договорных вопросов; упорядочение согласования документов с обеспечивающими службами института. Организацией труда в целом по институту в 2019 г. были удовлетворены 68 % опрошенных, а в 2020 г. – 72 %.

Внедрение системы электронного документооборота (далее – СЭД) в 2019–2020 гг. снизило неудовлетворенность организацией документооборота. По данным анкетирования 2020 г. из 675 предложений лишь 33 % или 5 % (а не 20 %, как годом ранее) касались бюрократии и сроков согласования документов.

Одновременно возросли требования к организации СЭД и ее качеству, внедрению различных сервисов и справочно-информационных систем. По качественному наполнению цифровой трансформации поступило более 200 предложений.

В условиях вынужденного перехода к дистанционному формату работы внедрение цифровой трансформации сыграло решающую роль в адаптации рабочих процессов к изменившимся условиям. В таблице 1 представлены оценочные показатели персоналом последствий перехода на режим удаленной работы.

Таблица 1

Оценка персоналом аспектов удаленной работы

Вариант ответа	Институт в целом, %	Мужчины, %	Женщины, %	Специалисты вспомогательных подразделений, %	Научные работники и специалисты научных подразделений, %	Руководители научных подразделений, %	Специалисты, принявшие участие в параллельном инжиниринге, %
<i>Влияние «удаленки» на эффективность Вашей работы</i>							
Снизилась	16,6	17,8	16,3	13,9	16,7	17,7	7,4
Повысилась	16,1	18,9	13,4	8,9	21,5	19,6	33,3
Осталась прежней	67,3	63,3	70,3	77,2	61,8	62,7	59,3
<i>Мнение о работе информационно-технологической поддержки в процессе работы на «удаленке»</i>							
Оценка 5 (рабочий процесс организован хорошо)	38	37,6	37,6	30,7	43,6	36,3	20
Оценка 4 (был ряд неудобств)	33,6	36,9	30,8	38,7	28,2	45,5	40
Оценка 3 (был ряд неудобств)	13,7	11,5	16,5	17,7	11,3	9,1	20
Оценка 2 (был ряд неудобств)	1	0,6	0,8	1,6	1,6	0	0
Оценка 1 (был ряд неудобств)	0	0	0	0	0	0	0
Оценка 0 (неудобный удаленный доступ)	13,7	13,4	14,3	11,3	15,3	9,1	20
<i>Предпочтительный режим на «удаленке»</i>							
2+3 (в офисе+вне офиса)	50,2	52,5	46,9	49,1	53,3	59	55
4+1 (в офисе+вне офиса)	49,8	47,5	53,1	50,9	46,7	41	45
<i>Надо ли сохранить дистанционный режим работы</i>							
Да, это повышает эффективность работы	16,1	21,2	9,6	9,9	22,8	18	44
Да, если эффективность работы не снижается	48,4	49,2	47,3	43,8	53,6	56	36
Нет, это вынужденная мера	35,5	29,6	43,1	46,3	23,6	26	20

Составлено автором по материалам исследования

Основной вывод из приведенных выше данных состоит в том, что эффективность работы на в удаленном режиме повысилась у сотрудников с нерегламентированными функциями, у которых превалирует творческая составляющая. Это научные работники и особенно специалисты, принявшие участие в параллельном инжиниринге.

В таблице 2 представлены оценочные показатели персоналом различных аспектов своей профессиональной деятельности.

Оценка персоналом различных аспектов своей профессиональной деятельности

Оценка персонала	Институт в целом, %	Мужчины, %	Женщины, %	Специалисты вспомогательных подразделений, %	Научные работники и специалисты научных подразделений, %	Руководители научных подразделений, %	Специалисты, принявшие участие в параллельном инжиниринге, %
<i>Ясность понимания своего места в проекте</i>							
Высокая	51,9	55,2	47,6	58	44,8	68,8	65,4
Средняя	41,7	35,6	49	39,1	47,1	22,9	23,1
Низкая	6,4	9,2	3,4	2,9	8,1	8,3	11,5
<i>Оценка постановки задач</i>							
Высокая	43	45,3	39,1	50,7	38,5	54,3	44
Средняя	48,9	47,6	51,4	40,6	54,8	34,8	48
Низкая	8,1	7,1	9,5	8,7	6,7	10,9	8
<i>Нацеленность сотрудников на общий конечный результат</i>							
Высокая	49,1	50,3	47,5	61,5	48,5	41,6	57,7
Средняя	42,5	41	44,3	35,9	41,2	41,7	23,1
Низкая	8,4	8,7	8,2	2,6	10,3	16,7	19,2
<i>Функциональное межличностное взаимодействие в коллективе</i>							
Высокая	54,6	57,9	51	61,2	59,2	51	60
Средняя	38,2	36,8	40	32,8	34,1	36,2	24
Низкая	7,2	5,3	9	6	6,7	12,8	16

Составлено автором по материалам исследования

Данные таблицы показывают, что практически все категории персонала высоко оценивают такие аспекты работы в своем коллективе, как «ясность понимания своего места в проекте», «оценка постановки задач», «нацеленность сотрудников на общий конечный результат» и «функциональное межличностное взаимодействие».

В то же время, исходя из ответов на открытые вопросы анкеты, очень много претензий к функциональному взаимодействию между подразделениями института (порядка 20 % из общего количества высказываний). Это противоречие можно трактовать как недостаток в плане организационной культуры института.

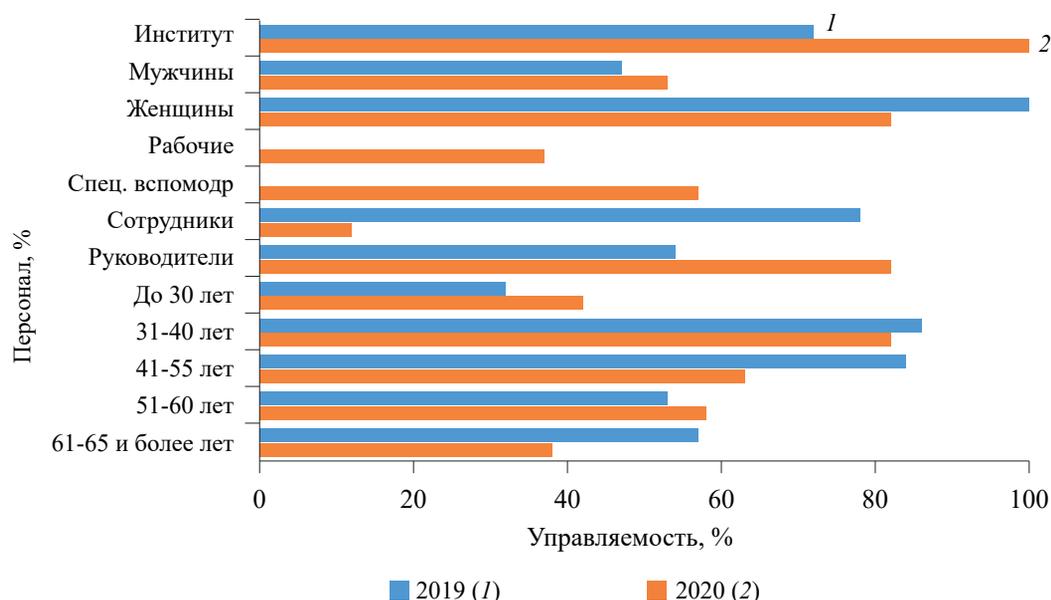
В 2020 г. изменились приоритеты с точки зрения управляемости персонала. Проблема категории управляемости подробно изложена в наших предыдущих работах [3; 5]. Однако, понятие «управляемость», с нашей точки зрения, – неудачное определение применительно для творческих коллективов. Во-первых, этот термин подразумевает пассивность коллектива, долженствовало быть управляемым, ждущим чего-то извне. Во-вторых, он вызывает когнитивный диссонанс с постулатом о том, что для создания нового, для творчества, – необходима инициатива, риск. Но в упомянутых выше работах было показано, что управляемость – это возможность реализации потенциала персонала, потенциала развития, реализуемость коллективом, находящимся на момент исследования в данном социальном состоянии, определенной задаваемым критерием цели.

Методы исследования

Наша методика «Оценки возможности реализации потенциала персонала (оценки управляемости)» принципиально отличается от всех остальных применяемых инструментов. В ней предполагается (дается) ответ о состоянии объекта исследования относительно заданного критерия (например, трудовая отдача, текучесть кадров, доверие руководству и прочее). Предмет исследования соотносится с целями функционирования объекта. Большинство остальных инструментов просто оценивают исследуемую характеристику (например, вовлеченность, заинтересованность, удовлетворенность), как правило, в процентах, долях единицы. А на что она влияет – это не объясняется. Данная констатация в процентах/долях единицы имеет смысл при анализе накопленной динамики исследуемого показателя. Наша оценка диагностирует состояние персонала относительно поставленной цели (производительность труда, текучесть кадров) на момент исследования. Это принципиальное отличие.

Анализ основных результатов

На рисунке 1 представлены полученные значения управляемости по сопоставимым выборкам исследований 2019 г. и 2020 г. .

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Управляемость персонала по критерию МАХ «трудовая отдача»

Управляемость персонала по институту в целом возросла в 2020 г. При этом по социальным группам выявлены следующие различия.

1. Мужчины менее управляемы, чем женщины (47 % и 100 %, соответственно, в 2019 г.; 53 % и 82 % – в 2020 г.).

2. В 2019 г. руководители подразделений были менее управляемы, чем сотрудники (54 % и 78 %). В 2020 г. картина поменялась зеркально (12 % и 82 %).

3. Для социальных групп по возрасту выявилась следующая тенденция:

- наименее управляемый персонал до 30 лет (32 % в 2019 г. и 42 % в 2020 г.);
- наиболее управляемыми группами по возрасту является персонал от 30 до 55 лет (84–86 % в 2019 г. и 82–63 % в 2020 г.);
- для последующих групп от 55 лет и до пенсионного возраста управляемость опять снижается (53 % и 57 % в 2019 г. и 63 % и 38 % в 2020 г.).

В таблице 3 в сравнительном разрезе по годам 2019 г. и 2020 г. представлены группы персонала с низкой управляемостью.

Социальные группы с низкой управляемостью

2019 г.	2020 г.
Мужчины	Рабочие
Руководители научного подразделения (отдела, отделения, центра), группы/сектора/лаборатории в научном подразделении	Сотрудники (инженер/специалист научного подразделения, научные работники)
Возраст до 30 лет	Возраст до 30 лет
Возраст 51–60 лет	Возраст 61–65 и более лет

Составлено автором по материалам исследования

Для более детального анализа уровней управляемости этих социальных групп и поиска условий жизнедеятельности, от которых зависит трудовая отдача, анализировалось влияние на персонал института следующих групп условий жизнедеятельности.

1. Оплата труда (размер заработка, нормирование, распределение, зависимость заработка от усилий).
2. Социально бытовые условия на предприятии. Социальная инфраструктура института (столовая в институте, медицинский пункт, дом отдыха, общежитие, медсанчасть).
3. Эргономические условия на рабочем месте. Организация труда, безопасность труда, технологическая оснащенность и автоматизация, нормативное и информационное обеспечение, содержание труда.
4. Межличностные взаимоотношения по горизонтали и вертикали.
5. Социальная эффективность руководства. Доверие руководству института и оценка внимания руководства к условиям труда работников, быта и отдыха, личным проблемам работников.

Методически для установления факта влияния-невлияния j -группы условий жизнедеятельности на уровень управляемости в матрице исходной информации для факторного анализа убирались параметры, характеризующие эту группу. Определялась управляемость объекта исследования без этой группы параметров. Если управляемость изменялась, то это свидетельствовало о влиянии этой группы условий жизнедеятельности на управляемость персонала.

Направленность изменений управляемости трактуется следующим образом: уменьшение управляемости по сравнению с базовой величиной говорит о положительном, стимулирующем влиянии j -группы условий жизнедеятельности на реализацию трудового потенциала; увеличение управляемости – об отрицательном, сдерживающем влиянии. Это означает, что данная группа условий требует корректировки. В итоге, определяется значимость j -группы условий жизнедеятельности для коллектива, находящегося в текущем социальном состоянии. При этом необходимо указать, что это нельзя выяснить из простого распределения ответов, без анализа всех условий (сторон) жизнедеятельности в их взаимосвязи.

Результаты расчетов влияния групп условий жизнедеятельности персонала на его управляемость по критерию МАХ «трудовая отдача» в 2019 г. и 2020 г. представлены в таблицах 4–7.

Таблица 4

Влияние условий труда на управляемость персонала в 2019 г.

Социальные группы	Базовая управляемость	Оплата труда	Социальная инфраструктура института	Условия на рабочем месте, организация труда	Межличностные взаимоотношения	Социальная эффективность руководства
Институт в целом, %	72	69	56	53	75	49
Мужчины, %	47	51	33	100	94	100

Социальные группы	Базовая управляемость	Оплата труда	Социальная инфраструктура института	Условия на рабочем месте, организация труда	Межличностные взаимоотношения	Социальная эффективность руководства
Женщины, %	100	87	89	93	100	100
Сотрудники научных подразделений, %	78	38	76	77	23	77
Руководители научных подразделений, %	53	55	46	45	52	80
До 30 лет, %	32	39	49	30	35	31
31–40 лет, %	86	83	50	22	33	46
41–55 лет, %	84	85	82	85	79	42
51–60 лет, %	53	53	58	57	45	100
61–65 лет и более, %	56	70	58	41	26	60

Составлено автором по материалам исследования

В 2019 г. неожиданным оказалось то, что оплата труда не оказывала большого влияния на реализацию трудового потенциала. Этот параметр оказался значимым только для групп «до 30 лет» и «61–65 лет и более».

Таблица 5

Группы условий для повышения трудовой отдачи в 2019 г.

Социальные группы с низкой управляемостью	Влияющие группы условий	Группы условий, требующие корректировки
Мужчины	Социальная инфраструктура института Условия на рабочем месте, организация труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Условия на рабочем месте, организация труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства
Руководители научного подразделения	Социальная инфраструктура института Условия на рабочем месте, организация труда Социальная эффективность руководства	Социальная эффективность руководства
Возраст до 30 лет	Оплата труда Социальная инфраструктура института	Оплата труда Социальная инфраструктура института
Возраст 51–60 лет	Социальная инфраструктура института Условия на рабочем месте, организация труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Социальная инфраструктура института Условия на рабочем месте, организация труда Социальная эффективность руководства

Составлено автором по материалам исследования

Влияние условий труда на управляемость персонала в 2020 г.

Социальные группы	Базовая управляемость	Оплата труда	Социальная инфраструктура института	Условия на рабочем месте, организация труда	Межличностные взаимоотношения	Социальная эффективность руководства
Институт в целом без рабочих, %	100	100	80	80	85	100
Мужчины без рабочих, %	53	60	57	48	76	86
Женщины без рабочих, %	82	100	68	51	78	39
Рабочие, %	37	40	84	41	87	73
Специалисты вспомогательных подразделений, %	57	56	56	100	81	75
Сотрудники научных подразделений, %	12	46	12	5	57	29
Руководители научных подразделений, %	82	81	81	81	85	75
До 30 лет без рабочих, %	42	74	42	43	25	31
31–40 лет без рабочих, %	82	11	39	52	37	82
41–55 лет без рабочих, %	63	62	56	48	34	56
51–60 лет без рабочих, %	58	100	52	61	38	31
61–65 лет и более без рабочих, %	38	28	45	42	31	81

Составлено автором по материалам исследования

В 2020 г., как и в 2019 г., оплата труда не оказывала большого влияния на реализацию трудового потенциала. Этот параметр оказался значимым только для женщин, сотрудников научных подразделений и групп «до 30 лет» и «51–60 лет».

Группы условий для повышения трудовой отдачи в 2020 г.

Социальные группы с низкой управляемостью	Влияющие группы условий	Группы условий, требующие корректировки
Рабочие	Социальная инфраструктура института Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Социальная инфраструктура института Межличностные отношения Социальная эффективность руководства
Сотрудники научных подразделений	Оплата труда Условия на рабочем месте, организация труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Оплата труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства
Возраст до 30 лет	Оплата труда Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Оплата труда

Социальные группы с низкой управляемостью	Влияющие группы условий	Группы условий, требующие корректировки
Возраст 61–65 лет и более	Оплата труда Социальная инфраструктура института Межличностные отношения Социальная эффективность руководства	Социальная инфраструктура института Социальная эффективность руководства

Составлено автором по материалам исследования

Исходя из вербальных высказываний респондентов на открытые вопросы анкеты: «Что бы Вы хотели улучшить в работе института?», «Что бы Вы хотели получить от института?», «Что Вам мешает в работе?» было получено множество предложений по совершенствованию условий жизнедеятельности.

Пересечение массива высказанных предложений с перечнем групп условий, требующих корректировки, по сути, представляет собой практические рекомендации для руководства по активизации трудового потенциала персонала института.

Заключение

При помощи цифровой трансформации коллектив института адаптировался к новым условиям работы в ситуации пандемии. Это подтверждается отсутствием значительных изменений в управляемости персонала при переходе в режим удаленной работы. Социальная группа «сотрудники научных подразделений» в 2020 г. является наиболее проблемной с точки зрения реализации трудового потенциала. Исходя из анализа ответов на открытые вопросы, одной из причин уменьшения управляемости сотрудников научных подразделений в условиях удаленной работы является противоречие между необходимостью оперативного доступа к информации с использованием системы электронного документооборота и иных электронных сервисов и требованиями соблюдения режима государственной тайны. В то же время эта социальная группа восприимчива к решениям руководства (расчеты показали 100 % управляемости по критерию МАХ «Доверие руководству института»).

Положительно сказался переход на удаленный формат работы для сотрудников с нерегламентированными функциями, у которых превалирует творческая составляющая. Эти категории работников отмечают повышение эффективности работы в удаленном режиме. Это научные работники и особенно специалисты, принявшие участие в параллельном инжиниринге.

Выявленное противоречие между высокой оценкой функционального взаимодействия внутри первичных коллективов и низкой оценкой функционального взаимодействия между подразделениями института предопределяет необходимость развития организационной культуры в институте.

Организационная культура – понятие многогранное и в настоящее время для ее изучения применяется множество разнообразных подходов [1; 2]. Одним из инструментов развития организационной культуры являются системы OKR (Objectives and Key Results). На рынке услуг существуют компании, предлагающие предприятиям внедрение систем OKR и развития организационной культуры. Например, TSQconsulting, Ecopsy. Главный тезис OKR заключается в том, что сотрудники видят свои цели и осознанно участвуют в целеполагании. В данном случае оценка возможности реализации целей может проводиться по нашей методике оценки управляемости. Пандемия определяет новую реальность на долгий период. С этим приходится жить и адаптироваться к новой реальности. В развитых странах отмечается новая тенденция в управлении персоналом [6]. По данным недавнего исследования McKinsey & Company, с апреля 2021 г. в США уволилось рекордное количество сотрудников – более 15 млн. Если в кризис люди оказывались на улице из-за сокращения, то сейчас специалисты уходят вполне добровольно. «Великое увольнение», как назвали его эксперты, скорее всего, будет набирать обороты. Опросив работников из пяти стран (Австралия, США, Канада, Сингапур, Великобритания), McKinsey выяснила, что 40 % респондентов рассматривают возможность уволиться в ближайшие три–шесть месяцев. Авторы исследования констатируют: работодатели неверно понимают

причины, по которым сотрудники уходят. Компании пытаются удержать их повышением зарплат, но материальная составляющая для специалистов не настолько важна. Три основных фактора, которые упомянули более половины опрошенных: 1) ощущение, что их не ценит начальство, 2) не ценит организация в целом и 3) они не ощущают себя частью компании. Приоритетными для сотрудников оказались отношения, а не деньги. Этот тезис согласуется с результатами наших исследований 2019 г. и 2020 г., приведенных в данной статье.

В Россию этот тренд приходит с запозданием, но избежать его не получится. По мнению управляющего директора Kelly Services по Восточной Европе Е. Гороховой, в 2022 г. работодатели столкнутся с высоким уровнем текучки кадров из-за переориентации потребностей сотрудников.

Библиографический список

1. Грошев, И. В. Менеджмент организационной культуры. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во «МОДЭК», 2010. – 760 с.
2. Грошев, И. В., Краснослободцев, А. А. Организационная культура. – М.: Изд-во «ЮНИТИ-ДАНА», 2013. – 535 с.
3. Коблов, С. В. Анализ производственного потенциала персонала наукоемкого предприятия и поиск социально-экономических детерминант его развития // Вопросы региональной экономики. – 2020. – № 2 (43). – С. 81–89.
4. Коблов, С. В. Вопросы создания цифровой среды головной научно-исследовательской организации госкорпорации «Роскосмос» // Космонавтика и ракетостроение. – 2020. – № 3 (114). – С. 32–37.
5. Коблов, С. В. Методика оценки эффективности цифровой трансформации предприятия на основе анализа изменений производственного потенциала трудового коллектива // Вопросы региональной экономики. – 2019. – № 3 (40). – С. 41–49.
6. Великое увольнение: почему Россию ждет массовый исход сотрудников // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pro.rbc.ru/news/6141adb09a794710b26c3fa1> (дата обращения 07.07.2021).
7. Корпоративная Академия Роскосмоса. Каталог программ 2020-2021 годы. – М.: Издательство «Роскосмос», 2020. – 145 с.

References

1. Groshev I. V. *Management of organisational culture*, Moscow, MPSI Publishing House, Voronezh, “MODEK” Publishing House, 2010, 760 p. (In Russian).
2. Groshev I. V., Krasnoslobodtsev A. A. *Organisational culture*, Moscow, “UNITY-DANA” Publishing House, 2013, 535 p. (In Russian).
3. Koblov S. V. Analysis of the productive capacity of the staff of high-tech enterprises and the search for social and economic determinants of its development, *Voprosy regional'noi ekonomiki*, 2020, no 2 (43), pp. 81–89. (In Russian).
4. Koblov S. V. On digital environment development in lead research organisation of Roscosmos State Corporation, *Cosmonautics and Rocket Engineering*, 2020, no 3 (114), pp. 32–37. (In Russian).
5. Koblov S. V. Methods for assessing the effectiveness of the digital transformation of the enterprise on the basis of the analysis of changes in the production potential of the labor collective, *Voprosy regional'noi ekonomiki*, 2019, no. 3 (40), pp. 41–49. (In Russian).
6. The great dismissal: why Russia is waiting for a mass exodus of employees, *RBC*. Available at: <https://pro.rbc.ru/news/6141adb09a794710b26c3fa1> (accessed 07.07.2021). (In Russian).
7. *Corporate Academy of Roscosmos. Catalog of programs for 2020-2021*, Moscow, Roscosmos Publishing House, 2020, 145 p. (In Russian).

Косинова Марина Ивановна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3517-3484

e-mail: kosimarina@yandex.ru

Гасилина Анастасия Андреевна

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

e-mail: miss.gasilina@mail.ru

Marina I. Kosinova

Cand. Sci. (Philos.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3517-3484

e-mail: kosimarina@yandex.ru

Anastasia A. Gasilina

Student, State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: miss.gasilina@mail.ru

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСФИЛЬМОФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Объектом исследования является Госфильмофонд Российской Федерации, предметом – проект глобальной цифровизации киноархивов Госфильмофонда, стартовавший в конце 2018 г. и реализуемый в настоящее время. Цель исследования – анализ проекта цифровизации Госфильмофонда и выявление возможных проблем, которые могут возникнуть в ходе его реализации. Задачи исследования: анализ проблемы кадрового дефицита, анализ социокультурной и экономической эффективности реализуемого проекта. В исследовании были применены: метод историко-генетического анализа, дескриптивный анализ литературы и материалов средств массовой информации, качественный контент-анализ документов, докладов и других материалов, сравнительный анализ, вторичный анализ статистических данных. Результаты исследования могут быть использованы в процессе оцифровки архивов Госфильмофонда с целью его оптимизации, устранения возможных рисков.

Ключевые слова: Госфильмофонд, цифровизация, оцифровка, киноархив, кинематограф, фильм, фильмовые материалы, риски, экономическая эффективность, социокультурная эффективность

Для цитирования: Косинова М.И., Гасилина А.А. Анализ деятельности Госфильмофонда Российской Федерации в условиях цифровизации // Вестник университета. 2021. № 9. С. 53–59.

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF THE STATE FILMS FUND OF RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF DIGITALISATION

Abstract. The object of the study is the State Films Fund of Russian Federation, the subject is the project of global digitalisation of the film archives of the State Films Fund of Russian Federation, which started at the end of 2018 and is currently being implemented. The purpose of the study is to analyse the digitalization project and identify possible problems that may arise during its implementation. Research objectives: analysis of the problem of personnel shortage, analysis of the socio-cultural and economic efficiency of the project being implemented. The study used the method of historical and genetic analysis, descriptive analysis of literature and media materials, qualitative content analysis of documents, reports and other materials, comparative analysis, and secondary analysis of statistical data. The results of the study can be used in the implementation of the programme of digitalisation of the State Films Fund of Russian Federation archives in order to optimise this process and eliminate possible risks.

Keywords: State Film Fund, digitalisation, film archive, cinema, film, film materials, risks, economic efficiency, socio-cultural efficiency

For citation: Kosinova M.I., Gasilina A.A. (2021) Analysis of the activities of the State Films Fund of Russian Federation in the context of digitalisation. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 53–59. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-53-59

Введение

Вопросы, касающиеся работы Государственного фонда кинофильмов Российской Федерации (далее – Госфильмофонд) в условиях глобальной цифровизации страны, являются очень актуальными в нынешнее время. В период активного развития цифровых технологий и постепенного перехода кинопроизводителей на цифровую съемку встает вопрос сохранения не только имеющихся шедевров отечественного кино

© Косинова М.И., Гасилина А.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kosinova M.I., Gasilina A.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ранних лет, но и нынешних кинокартин. Огромное значение работы отечественного киноархива на протяжении всех этапов истории нашей страны сложно переоценить. Если бы не активная деятельность Госфильмофонда, до нашего времени не дошли бы многие шедевры отечественного и зарубежного кино, начиная с первых в истории человечества «живых картинок» и заканчивая современными фильмами разного художественного уровня. Без этого материала было бы сложно говорить о развитии киноискусства, так как не было бы наглядности предоставленной информации. Актуальность темы данного исследования также связана с проводимой в настоящее время цифровизацией архивов Госфильмофонда и заключается в необходимости разработки рекомендаций, а также рассмотрении организационно-экономических и социокультурных аспектов для успешной реализации глобального проекта цифровизации киноархивов.

Постановка проблемы

Все направления деятельности Госфильмофонда успешно реализовывались благодаря наличию высококвалифицированных кадров. В годы застоя и перестройки по своему техническому оснащению, развитию производственной инфраструктуры и условиям труда Госфильмофонд все больше отставал от мировых стандартов. Из-за большой удаленности киноархива от Москвы большинство работников были вынуждены проживать непосредственно в «Белых Столбах». Но не у всех была такая возможность, поэтому наблюдалась высокая текучка кадров. В 1990-е гг. Госфильмофонд столкнулся с большим количеством проблем. У сотрудников была мизерная заработная плата, многие покидали свои рабочие места [4]. Несмотря на это, в Госфильмофонде остались люди, посвятившие ему всю свою жизнь – рабочие, техники, инженеры и киноведы. Тогда стояла цель объединить этих людей в команду, которая сможет вывести работу Госфильмофонда на качественный уровень. В конце 1990-х гг. руководство Госфильмофонда задумалось о привлечении молодых кадров. Оно понимало, что предоставление качественного образования и квалифицированной подготовки – единственный способ сохранить на местах действующих работников и заинтересовать потенциальных. Непосредственно на территории Госфильмофонда стало возможно проводить обучение молодых сотрудников. Для реализации этой возможности приглашались преподаватели из московского филиала Санкт-Петербургского университета кино и телевидения. Другим важным событием в судьбе Госфильмофонда в 1990-х гг. стало появление фестиваля архивного кино «Белые столбы» [6].

Частая смена руководства, увольнения большого количества сотрудников как с руководящих должностей, так и рядовых, в последние годы негативно сказываются на работе киноархива в целом. Отсутствует единая стратегия работы Госфильмофонда, что снижает эффективность данной организации. У каждого начальника имеется собственная манера управления и общения с персоналом, а также свое понимание приоритетов организации в целом и ее дальнейших стратегических целей. Это приводит к постоянным изменениям в структуре работы и вызывает недоверие к высшему руководству, что провоцирует увольнение по собственному желанию высококвалифицированных сотрудников.

Еще одной причиной кадрового дефицита в Госфильмофонде является место его расположения, а именно серьезная, по нынешним меркам, удаленность от Москвы. Современный ритм жизни, устои и привычки людей не допускают возможности жить в подобной удаленности от Москвы, поэтому привлечь молодые кадры в Госфильмофонде достаточно трудно. Госфильмофонд испытывает дефицит по большей части узкопрофильных специалистов (специалисты информационных технологий, контроллеры по видеоконтролю, колористы (цветоустановщики), реставраторы фильмокопий, контроллеры фильмовых материалов высшей квалификации и др.).

Обзор релевантных научных источников

В конце XX – начале XXI в. началась эпоха электронного изображения. Электронные носители стали неуклонно вытеснять фотографический образ реальности. Они позволили не только тиражировать новую кинопродукцию, но и подарили вторую жизнь архивным кинематографическим раритетам: шедевр немого кино представал в своем первоизданном облике благодаря проведенной цифровой реставрации. Также бесспорным достоинством электронных носителей является удобство их хранения и показа. Это едва ли не решающее преимущество по сравнению с традиционной рулонной киноплёнкой [3].

Появление новейших цифровых технологий породило рассуждения о возможном глобальном кризисе в работе киноархивов, в результате которых стали появляться предложения постепенно перевести архивные фонды на электронные носители и избавиться от устаревших пленочных оригиналов [5].

На сегодняшний день в работе Госфильмофонда задействованы цифровые носители. Такой цифровой архив был создан в Госфильмофонде еще в 2008 г. Создание цифрового архива Госфильмофонда дало возможность, во-первых, предоставлять разного рода материалы в электронном виде; во-вторых, сокращать время при поиске документов; в-третьих, выгружать оцифрованные материалы непосредственно на официальный сайт Госфильмофонда.

Пополнение цифрового архива ведется на протяжении нескольких последних лет. За эти годы система электронного архива была несколько раз модернизирована. Сейчас она удовлетворяет практически всем требованиям к организации хранения бумажных материалов в фонде. С электронным архивом работают практически все отделы и подразделения Госфильмофонда России, занимающиеся хранением и движением кино-материалов. На данный момент электронный архив документов является одним из главных модулей единой информационной системы Госфильмофонда.

Другим проявлением научно-технической революции в Госфильмофонде является оцифровка киноархивов, которая проводится в рамках национального проекта «Культура», паспорт которого был утвержден 24 декабря 2018 г. [1].

Причиной возникновения проекта цифровизации киноархивов Госфильмофонда служит не только неизбежное старение пленочных носителей, на которые были изначально записаны кинофильмы, но и дорогостоящее хранение пленочных материалов, часть которых, как было сказано, являются пожароопасными и требуют особых условий хранения. Постоянное развитие цифровых технологий также сделало неизбежным переход на использование цифровых носителей для хранения огромной коллекции главного киноархива страны. Существенным отличием цифрового носителя от пленочного является подход к хранению исходных материалов фильма, где на цифровом носителе осуществляется непосредственно хранение информации, а не носителя записи.

Переводу на цифровые носители подлежат киноматериалы, снятые на пленку шириной 16 мм, 35 мм, 65 мм и 70 мм. Перед оцифровкой пленка проходит большое количество стадий подготовки. Первым этапом является температурная адаптация пленочного материала, который хранится при определенных температурных условиях. Затем специалисты проводят оценку состояния кинопленки. В зависимости от результатов пленка отправляется либо на ультразвуковую чистку, либо на промывку или реставрацию в профессиональной лаборатории. После всех необходимых процедур пленка отправляется на оцифровку. Сканирование пленки – очень трудоемкий и кропотливый процесс. Оно происходит покадрово, то есть каждый кадр становится самостоятельным файлом статичного изображения. По этой причине требуется дополнительная обработка полученного материала, а именно – цветокоррекция, сбор в секвенцию (последовательность), сведение изображения с фонограммами, транскодирование (прямое цифровое преобразование одной кодировки в другую).

В качестве исходных материалов для осуществления процесса цифровизации служат:

- негатив изображения (негативная пленка, которая предназначена для получения негативного изображения, использующегося в дальнейшем для печати фильмокопий или контратипов);
- контратип-дубльнегатив (иначе – дубликат фильма, который обычно используется для последующего копирования на конечный позитив);
- промежуточный позитив (копия, которую получают в процессе контратипирования при оптической технологии кинопроизводства; предназначен для получения контратипа-дубльнегатива, с которого в свою очередь производится тиражирование фильмокопий);
- фильмокопия (отпечатанная на позитивной кинопленке с оригинального негатива копия фильма).

Полученные сведения о наличии на пленке дефектов вносятся в специальные акты технического состояния. В них также даются сведения о состоянии кинопленки в целом. Составляется заключение, в котором указывается, есть ли необходимость подвергнуть пленку реставрации либо профилактической обработке. Указывается, возможна ли печать копий данной кинопленки. Дается информации об использовании пленки для просмотров в кинозалах и на звукомонтажном столе, отображаются все результаты контроля.

В конце 2019 г. Госфильмофонд закупил и ввел в эксплуатацию профессиональное оборудование для оцифровки киноархивов. Это высокоскоростные сканеры (24–30 кадров в секунду). Ранее Госфильмофонд располагал низкоскоростными сканерами (4 и 12 кадров в секунду). Также в комплект оборудования входит

аппарат звуковой чистки, который необходим для очищения пленки перед ее сканированием, и рабочие столы, на которых специалисты просматривают пленку на наличие повреждений и дефектов. В 2020 г. было закуплено специальное профессиональное оборудование для оцифровки пожароопасной кинопленки (иначе – пленка на нитрооснове, или целлулоидная пленка). Важно отметить, что качество и характеристики оборудования позволяют получить цифровую копию в несжатом формате с разрешением 4К. Принятый в Госфильмофонде процесс оцифровки кинопленки завершается записью цифрового потокового видео на ленточный накопитель с использованием картриджей LTO (стандарт записи на магнитную ленту).

Всего над процессом оцифровки трудится порядка 30 человек. Ранее работа была выстроена в одну смену, сейчас она перешла в трехсменный режим, что позволяет увеличить количество оцифрованного материала. До начала самостоятельной работы сотрудники стажировались в течение месяца.

Для цифрового архива предусмотрено резервное «облачное» хранение. Во-первых, это обеспечивает сохранность материала. Во-вторых, такой тип хранения помогает защитить материал от незаконного копирования.

Ключевым преимуществом цифрового носителя является отсутствие необходимости предварительной подготовки носителя, как в случае с кинопленкой. Также цифровой архив дает возможность провести процесс автоматизации всех производственных процессов. При перемещении пленки из лабораторий она подвергается перепадам температуры и влажности, которые могут привести к химическим реакциям и впоследствии разрушить пленочный материал. Поэтому для частых ознакомительных просмотров оптимальным вариантом является использование цифрового носителя. В то время как для обработки фонда и проведения научных работ используется только пленочный материал.

В конце 2019 г. Министерство культуры Российской Федерации (далее – Минкультуры России) утвердило список золотой коллекции фильмов, которые будут оцифрованы в первую очередь. В будущем оцифрованные кинофильмы планируется показать в кинотеатрах, а также на телевидении. Также Госфильмофонд и портал «Культура.РФ» представили проект «Открытая коллекция», в рамках которого сотрудники киноархива ежемесячно будут публиковать на портале «Культура.РФ» 25 редких отечественных фильмов, а также уникальные и интересные материалы к ним. Данный проект даст возможность зрителю увидеть неизвестные или малоизвестные шедевры отечественного кино, которые ранее были на хранении в Госфильмофонде и не были доступны для широкого просмотра.

В 2020 г. активно расширялись объемы библиотеки, была подготовлена специальная площадка для ее размещения, которая отвечает всем необходимым требованиям. В 2021 г. было запланировано создание так называемой единой цифровой среды, включающей в себя определенный ряд систем, а именно: единая база данных всех материалов, система управления правами, проектами и задачами. На стадии разработки находится решение об оцифровке внутреннего документального архива, так как на данный момент он содержит около 3 млн страниц, в которых подробно описывается состояние и движение всего пленочного фонда. Планируется как сканирование, так и перевод информации в текстовом или числовом виде в единую базу данных.

Помимо процессов цифровизации, на базе Госфильмофонда планируется совместно с Научно-исследовательским кинофотоинститутом (НИКФИ) создать центр исследований, целью которого будет создание нормативной базы по хранению и оцифровке пленочного фонда.

Главный вопрос, который интересует многих профессионалов в области кинематографа, сохранится ли пленка после проведенного процесса цифровизации. Он не поднимался для обсуждения с руководством Госфильмофонда, но если опираться на ближайшие проекты Госфильмофонда, о которых упоминалось выше, то можно сделать вывод о том, что пленка все же продолжит храниться в стенах киноархива.

Методология

Представляется важным проанализировать социокультурную целесообразность проекта цифровизации архивов Госфильмофонда РФ. Цифровизация захватила практически все сферы жизни современного общества: политику, экономику, техническую и общественную деятельность, науку и, конечно, культуру. Цифровая реальность во многих странах уже является важным признаком отбора в социум. Этот процесс происходит также в России, причем ускоренными темпами. Цифровизация стала важным условием технологического прогресса современной цивилизации, включая многие страны и народы. Цифровизация культуры рассматривается многими исследователями как информационный процесс, начавшийся сравнительно недавно

и опирающийся на новые и современные технологии, доступные большей части населения нашей страны. Цифровизация культуры – процесс создания и функционирования общероссийской системы эффективного использования современных информационных платформ для распространения легальной, достоверной и профессиональной информации о количественном и качественном составе объектов культуры и культурных ценностей, осуществляемых путем сплошного непрерывного документального учета на федеральном, региональном и местном уровнях [2].

Цифровизация киноархивов выступает как одна из форм сохранения и использования культурного наследия нашей страны. Благодаря этому процессу, у населения появится возможность познакомиться с кинокартинами, которые так и не вышли на большие экраны.

Цифровизация способствует изучению культурных ценностей, которые в дальнейшем на себе испытывают новейшие технологии оцифровки и архивирования. Происходит создание культурных благ – в данном случае это цифровые образы книг, документов, предметов искусства (кино). Цифровизация также способствует распространению и потреблению культурных ценностей и культурных благ через онлайн-приобретение к ним (доступность оцифрованных фильмов на сайте Госфильмофонда, возможность проведения онлайн-обучения). Она способствует учету организационно-экономических аспектов деятельности организации: различные социологические опросы, учет посетителей, независимая оценка качества предоставляемых услуг. Наконец, цифровизация дает возможность создавать информационные системы для государственного учета объектов культуры и культурных ценностей.

Важно подчеркнуть, что в России в ходе глобальной цифровизации культуры, а также в рамках национального проекта «Культура», внимание акцентируется в большей степени именно на применении цифровых технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям, независимо от места их проживания, то есть на процессах сохранения, распространения и потребления культурных благ.

Рассмотрим возможные риски, с которыми может столкнуться Госфильмофонд в ходе реализации проекта (табл. 1).

Таблица 1

Риски цифровизации архивов Госфильмофонда Российской Федерации

Классификация риска	Наименование риска	Приоритетность риска	Пути минимизации
Экономические риски	Отказ Минкультуры России в инвестировании дальнейшего развития проекта	Высокий	Подготовка презентации данного проекта со всеми его достоинствами
Политические риски	Смена высшего руководства в Минкультуре России, которое не будет заинтересовано в финансировании данного проекта	Средний	Попытка заинтересовать новое руководство путем представления плана проекта, его преимуществ
	Отсутствие возможности привлечения зарубежных специалистов из-за закрытия границ	Низкий	Наем российских специалистов, либо специалистов из стран с открытыми границами
Информационно-технологические риски	Потеря оцифрованных данных из-за сбоя в работе техники	Высокий	Своевременное обновление серверов и применение функции резервного копирования; хранение фильмокопий на пленке
	Закупка некачественного оборудования	Высокий	Проведение контроля ключевых характеристик оборудования на этапе закупки
	Устаревание оборудования в течение долгого процесса цифровизации	Средний	Обновление оборудования после окончания гарантийного срока
	Риск взлома облачного хранилища оцифрованных фильмов	Средний	Применение многофакторной аутентификации

Классификация риска	Наименование риска	Приоритетность риска	Пути минимизации
Информационно-технологические риски	Риск поломки оборудования	Высокий	Своевременное обслуживание и своевременный ремонт
Производственные риски	Риск проведения некачественной оцифровки	Высокий	Проведение контроля специалистом всех стадий подготовки и оцифровки пленки
	Риск халатности сотрудников в работе с пленкой, что может привести к ее порче или утрате	Высокий	Система штрафов для сотрудников за порчу/утрату пленки
	Риск воспламенения пленки из-за несоблюдения условий ее хранения	Высокий	Формирование внутренней службы технической безопасности, которая будет осуществлять ежедневный контроль за условиями хранения
	Привлечение некомпетентных и профессионально не подготовленных сотрудников к работе	Средний	Проведение собеседований с сотрудниками на основе конкурсного отбора; организация обучающих курсов для новых сотрудников
	Риск отклонения от производственного плана по причине различных сложностей в работе	Средний	Составить детальный производственный план по месяцам (неделям, дням) и четко ему следовать
Социальные риски	Риск нарушения сотрудниками профессиональных требований (опоздания, невыход, прогул) из-за большой удаленности Госфильмофонда от Москвы	Средний	Введение системы штрафов и депремирования
	Внутренние конфликты между сотрудниками	Низкий	Поддержание дружелюбной обстановки внутри коллектива посредством применения инструментов корпоративной культуры

Составлено авторами по материалам исследования

Анализ результатов

Для минимизации рисков необходимы следующие действия:

- отказ от найма персонала, чьи профессиональные навыки вызывают сомнения или не подкреплены портфолио;

- разработка внутренней программы по защите оцифрованного контента;

- страхование возможных рисков (страховка оборудования, зданий, хранящих пожароопасную пленку).

Основными рисками являются возможность потери оцифрованных данных из-за сбоя в работе техники и связанный с ним риск взлома облачного хранилища оцифрованных фильмов. Одним из способов уклонения от данных рисков является использование так называемого блокчейна – выстроенной по определенным правилам непрерывной последовательной цепочки блоков, содержащих информацию. Все данные в блокчейне накапливаются и создают непрерывно дополняемую базу данных. Из такой базы данных нельзя что-либо удалить или сделать замену/подмену блока. Также она фактически безгранична – туда есть возможность записать безграничное количество данных, что является одной из основных особенностей блокчейна. Для использования этой технологии Госфильмофонд подписал соглашение о партнерстве с ассоциацией IPChain. Использование данной технологии позволит провести реставрацию и цифровизацию киноматериалов и обеспечить должную защиту всех объектов интеллектуальной собственности Госфильмофонда, которые будут размещены в реестре сети IPChain.

Экономическая целесообразность данного проекта может быть выражена в следующих направлениях. Во-первых, повышается скорость и эффективность работы Госфильмофонда (в результате автоматизации

производственных процессов). Во-вторых, снижается риск повредить пленку, реставрация которой представляет собой дорогой и долгий процесс, за счет использования цифровых материалов. В-третьих, цифровой материал не требует особых затрат на его хранение.

Заключение

Итак, можно сделать выводы, что у цифровизации архивов Госфильмофонда высокий уровень как социокультурной, так и экономической целесообразности. Существуют некоторые риски, с которыми можно столкнуться в процессе реализации, но активно применяя на практике методы их минимизации, уклонения, страхования, цифровизация будет осуществлена с максимальной эффективностью и с оптимизированными затратами на реализацию.

Имеющаяся в данный момент проблема дефицита профессиональных кадров и часто сменяющегося аппарата управления не должна оставаться нерешенной. В случае игнорирования данной ситуации эффективность работы киноархива может быть снижена, что приведет к негативным последствиям (например, отклонение от намеченного графика работ в рамках национального проекта «Культура»). Проблему кадрового дефицита можно частично решить, повысив осведомленность населения о деятельности Госфильмофонда. Это может поспособствовать притоку в Госфильмофонд выпускников киновузов, которые станут сотрудниками данной организации. Введение дополнительных режимов работы (удаленный, вахтовый и др.) также позволит привлечь новых сотрудников.

Библиографический список

1. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 16 от 24.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319207/87ae008a0813cfdaffa2724cf072893f76d7d57e (дата обращения: 12.07.2021).
2. Житенев, С. Ю. Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, 2020. – 205 с.
3. Малышев, В. С. Госфильмофонд России как материальная и гуманитарная основа отечественного киноведения: дис. ... д-ра. искусствоведения: 17.00.03 – М., 2004. – 288 с.
4. Малышев, В. С. Госфильмофонд: земляничная поляна. – М.: Пашков дом, 2005. – 319 с.
5. Малышев, В. С. Социокультурные функции синематек и киноархивов // Вестник ВГИК. – 2012. – № 12-13. – С. 6–19. <https://doi.org/10.17816/VGIK42-36-19>
6. Малышев, В. С. Историко-культурные предпосылки создания фестиваля архивного кино «Белые столбы» // Вестник ВГИК. – 2012. – № 12-13. – С. 50–57. <https://doi.org/10.17816/VGIK42-350-57>

References

1. Passport of the National Project “Culture” (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16, dated on December 24, 2018), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319207/87ae008a0813cfdaffa2724cf072893f76d7d57e (date of request: 12.07.2021).
2. Zhitenev S. Yu. *Digitalization of culture and culture of digitalization: modern problems of information technologies*, Moscow, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 205 p. (In Russian).
3. Malyshev V. S. *Gosfilmofond of Russia as a material and humanitarian basis of Russian film studies*: Dissertation of Doctor of Art History: 17.00.03, Moscow, 2004. (In Russian).
4. Malyshev V. S. *Gosfilmofond: strawberry glade*, Moscow, Pashkov dom, 2005, 319 p. (In Russian).
5. Malyshev V. S. Sociocultural functions of film libraries and archives, *Vestnik VGIK. Journal of Film Arts and Film Studies*, 2012, no. 12-13, pp. 6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17816/VGIK42-36-19>
6. Malyshev V. S. Historic and cultural background of the “Belye Stolby” of archive films, *Vestnik VGIK. Journal of Film Arts and Film Studies*, 2012, no. 12-13, pp. 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.17816/VGIK42-350-57>

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 656.2 JEL R41

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-60-65

Бычкова Анна Андреевна

мл. науч. сотрудник, ФГБУН Институт
экономики Уральского отделения
Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8676-5298

e-mail: bychkova.aa@uiec.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В МАСШТАБАХ СТРАНЫ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье рассмотрены основные мероприятия по созданию условий безопасности на железнодорожном транспорте в зарубежных странах и сопоставлены с методами обеспечения безопасности отечественным перевозчиком ОАО «Российские железные дороги». Отмечено, что сегодня в России существуют собственные практики сохранения уровня безопасности, однако альтернативные зарубежные подходы позволяют повысить степень защиты. Автором проанализированы данные дорожно-транспортных происшествий и предложены дополнительные меры по снижению количества аварий. В качестве метода подбора мероприятий по обеспечению безопасности и улучшению ситуации в сфере железнодорожного транспорта предложены сценарное моделирование, комплексный ситуационный метод.

Ключевые слова: безопасность железной дороги, угрозы, зарубежный опыт, обеспечение безопасности, риск, сценарии развития

Благодарность. Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ для Лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021 г.

Для цитирования: Бычкова А.А. Обеспечение безопасности железной дороги в масштабах страны: отечественный и международный опыт // Вестник университета. 2021. № 9. С. 60–65.

Anna A. Bychkova

Junior Researcher, Institute of Economics
of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0001-8676-5298

e-mail: bychkova.aa@uiec.ru

ENSURING RAILWAY SAFETY ON A NATIONAL SCALE: NATIONAL AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. The article considers the main measures to create safety conditions in railway transport in foreign countries and compares them with the methods of safety provision by the domestic carrier JSC “Russian Railways”. It is noted that today Russia has its own practices for maintaining a level of security, but that alternative foreign approaches would improve the level of protection. The author analyses accident data and proposes additional measures to reduce the number of accidents. Scenario modelling and the integrated situation analysis method have been proposed as a method for selecting measures to ensure safety and improve the situation in the railway transport sector.

Keywords: railway safety, threats, foreign experience, security, risk, development scenarios

Acknowledgement. The article was prepared in accordance with the research plan of the research works for the Laboratory of Modeling of Spatial Development of Territories at the Institute of Economics of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021.

For citation: Bychkova A.A. (2021) Ensuring railway safety on a national scale: national and international experience. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 60–65. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-60-65

© Бычкова А.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Bychkova A.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Российские железнодорожные пути являются составляющей частью евразийской железнодорожной сети, они непосредственно связаны с железнодорожными системами Европы и Восточной Азии. Кроме того, через узлы железной дороги может осуществляться взаимодействие с транспортными системами Северной Америки. К преимуществам железных дорог относятся круглогодичное регулярное движение, возможность транспортировать большую часть крупногабаритных грузов и обеспечивать передвижение трудовых кадров [1; 7]. Целью данного исследования является анализ практики регулирования процесса обеспечения безопасности в зарубежных странах и Российской Федерации на уровне железнодорожных организаций для выявления опыта, возможностей его использования, с целью соответствия мировым тенденциям. Гипотеза исследования заключается в том, что методы и способы обеспечения безопасности на российских железных дорогах должны состоять из нескольких модулей (собственные разработки и положительно зарекомендовавший себя опыт зарубежных стран), что позволит достичь большей эффективности. Объектом исследования выступают железные дороги в разных странах, предметом – процесс обеспечения безопасности на железных дорогах.

Создание надежной инфраструктуры железнодорожного транспорта – одна из основ перспективного долгосрочного развития [9]. Необходимость обеспечения безопасности на российских железных дорогах обусловлена незначительным снижением показателей смертности с участием поездов, случаев перехода населением железнодорожных путей в неположенных, неорганизованных местах. По данным Ространснадзора, в России за 2019 г. – 248 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) на 4 % меньше по сравнению с 2018 г. – 258 ДТП. В 2020 г. в сети дорог допущено 204 ДТП на железнодорожных переездах, из них 34 ДТП с пассажирскими и пригородными поездами, один случай с пассажирским автобусом, допущено пять сходов подвижного состава.

По данным Международного союза железных дорог (International Union of Railways, UIC), в мире в авариях за 2018 г. пострадали 2,6 тыс. человек, в 2019 г. аварийность снизилась на 13 % – 2,2 тыс. человек. Летальные ситуации на железных дорогах в 2019 г. уменьшились на 21 % (337 человек) по сравнению с 2018 г. (428 человек). В исследовании использовались данные о 31 железной дороге Европы, Азии, Ближнего Востока и Африки.

Кроме того, было отмечено, что итоги отчета за аналогичный период 2020 г. будут субъективны, поскольку пандемия коронавируса повлияла на снижение деятельности железнодорожного транспорта.

Под обеспечением безопасности в рамках данной темы понимается осуществление деятельности железнодорожного предприятия без нанесения вреда населению, окружающей среде.

О необходимости комплексной проработки вопроса обеспечения безопасности пишут П. А. Плеханов, А. Е. Красковский и В. Г. Рейнгардт [5; 6; 8]. Мировая и отечественная практика обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте рассматривают угрозу нарушения безопасности через сочетание вероятности нарушения и издержек от него.

Б. Е. Житарь и В. В. Самойлов рассматривают подходы обеспечения безопасности инфраструктурных объектов железной дороги, такие как: «дифференцированный, комплексный, системно-структурный» [4]. В исследовании была отмечена необходимость повышения безопасности в России и за рубежом из-за увеличения аварийности, травматизма, высокой доли износа технических средств.

Вопросы внедрения инноваций в международной безопасности на железных дорогах рассматривает А. Б. Айдарова, акцентируя внимание на условия при пассажироперевозках и грузоотправлениях [2].

Р. Marek описывал в трудах влияние системы управления на безопасность железной дороги, в качестве инструмента безопасности был предложен бортовой и небортовой комплексы сигналов, позволяющий отслеживать неисправность составов, тем самым контролировать скоростной режим [3].

Р. Vukadinović и Z. Šekerevac описали зависимость безопасности от сохранности технических функций железнодорожных составов, состояния дорожного полотна, соблюдения технических норм-правил эксплуатации, построили модель интерпретации аварийности как фактора эксплуатационной безопасности и риска железнодорожных перевозок на примере железных дорог [10].

Многие авторы рассматривают безопасность железнодорожной сети, что важно для отслеживания и систематического мониторинга, анализа вероятностей транспортных катастроф, аварий.

При разработке действий обеспечения безопасности стоит первоначально определить сценарный метод развития:

- оптимистичный – надежда на благоприятное развитие железных дорог с минимальным набором мер;
- пессимистичный – любая деятельность несет за собой угрозы и потери, необходимо применять максимальное количество мер безопасности;
- ситуационный – осуществление деятельности железных дорог с мерами безопасностями, но применение способов сохранения безопасности при проявлении угроз.

Сценарный метод используют в стратегическом планировании в разных областях науки. Сценарии позволяют разработать технологию решений задач в зависимости от возможностей [12]. Реализуя сценарии в конкретной отрасли, предприятия несут ряд расходов, методы развития ситуаций характеризуют этапы решения проблем, чем длиннее сценарий, тем больше издержек (материальных, не материальных) понесет организация. Для железнодорожного транспорта характерен ситуационный подход, так как система безопасности уже использует ряд мер, но в зависимости от выявленных угроз, рекомендуется усилить и ввести дополнительные способы обеспечения безопасности.

Сход пассажирских составов происходит в единичных случаях в отличие от грузовых составов. Нарушение параметров перевозимых объемов, а также габаритных параметров приводит к крушениям. Потери от таких перевозок зачастую являются финансовыми: издержки от повреждения, утери грузов составляют миллионы и миллиарды рублей. Изучив исследования других авторов, можно выделить ряд ошибок, которые приводят к отрицательным последствиям в различных странах: человеческий фактор, технический отказ, климатические катастрофы (землетрясение) [11; 13]. Система международной и внутренней безопасности железных дорог должна охватывать все этапы жизненного цикла транспортных систем (подсистем), включая проектирование, изготовление, строительство, эксплуатацию, обслуживание, модернизацию и снятие с эксплуатации.

Обзор зарубежного и отечественного опыта

Международный опыт

Международный опыт ведения безопасности железнодорожного транспорта можно рассмотреть на примере Швеции. Железнодорожный транспорт в этой стране является самым безопасным из всех видов транспорта. «Шведские железные дороги» в качестве усиления мер безопасности с 2002 г. внедрили досмотр багажа на железнодорожных комплексах по аналогии с проверкой багажа в аэропортах, также было принято решение о сортировке багажа в зависимости от габаритов. Крупногабаритные чемоданы, сумки располагаются на отдельно отведенных полках вне пассажирского пространства, то есть в привагонной секции. Пассажиры защищены как минимум от двух угроз:

- 1) угрозы падения багажа на человека с верхних полок;
- 2) загромождения прохода – в случае возгорания в вагоне граждане смогут своевременно и без препятствий покинуть поезд.

Израильские железные дороги внедрили систему видеорегистрации с целью борьбы с терроризмом. Первоначально видеорегастраторы использовали в терминалах аэропорта, а после положительного результата приняли решение о внедрении на объектах железных дорог.

Из перечисленных ранее примеров зарубежных стран, Американская железная дорога до наступления чрезвычайной ситуации относилась к менее безопасной, пиковой и решающей точкой для введения кардинальных мер обеспечения стал террористический акт. Для обеспечения безопасности впоследствии внедрили систему видеорегистрации с круглосуточным отслеживанием перемещения граждан, прибывающих и уезжающих. Подробное описание разработки стратегии по обеспечению безопасности опубликовано в журнале *International railway Journal*, в Вашингтоне был открыт информационно-аналитический центр, все операции и планирование системы на тот момент строго проводились под контролем «Ассоциацией американских железных дорог». В результате чрезвычайных событий железных дорог в США разработали комплексную систему обеспечения безопасности, созданный аналитический центр перешел в постоянный режим работы с целью сбора данных о всем наземном транспорте, дорогах и объектах железной дороги. Задачей данной организации является не только отслеживание, но и своевременное прогнозирование угроз, корректировка мер безопасности.

Анализ подходов обеспечения безопасности зарубежных стран очень важен для железнодорожного комплекса России, поскольку он в равной мере подвержен различному виду угроз.

Отечественный опыт

В своей деятельности ОАО «Российские железные дороги» (далее – РЖД) по аналогии с шведскими и израильскими железными дорогами внедрили систему СВР (в вагонах, перронах, станциях, зонах ожидания) и пункты досмотра на привокзальных площадях при входе/выходе с территории железной дороги.

В России с целью обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте выделили четыре направления:

- 1) безопасность железной дороги и сохранность окружающей среды (граждан, имущества, окружающей среды, экономических систем других отраслей);
- 2) безопасность от угроз;
- 3) безопасность элементов транспортной системы;
- 4) «служба» безопасности, как мера защиты от возникновения инженерно-технических, природных и иных проблем.

ОАО «РЖД» имеет 349 вокзалов, большинство из них в настоящее время для обеспечения безопасности укомплектованы рентгеновскими установками конвейерного типа (более 600 шт.), 122 вокзала имеют стационарные установки досмотра металлодетекторами (более 1500 шт.), аппаратуру, позволяющую уловить пары взрывчатых веществ, аппаратуру радиационного контроля, видеокамеры.

Помимо перечисленных выше направлений и мер защиты, существует дополнительная услуга, предоставляемая страховыми компаниями клиентам (физическим и юридическим лицам) перед приобретением билета и передачей груза застраховать свою жизнь или объект транспортировки от различной степени травм, повреждений во время движения на железнодорожных путях.

Страхование не является способом избежать неблагоприятных ситуаций, это лишь возможность снизить потери в ряде событий. Воспользоваться услугами страхования могут не только клиенты, но и сам перевозчик: объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта (здания, перрон, привокзальная площадь), которые относятся к собственности ОАО «РЖД», возможно застраховать от пожаров, климатических катастроф и т. д.

Реформы, проводимые РЖД, позволили улучшить парк вагонов, повысить квалификацию сотрудников, в том числе и в сфере транспортной безопасности с помощью повышения квалификации кадров.

Многие способы обеспечения безопасности, существующие в одной стране, могут быть альтернативным решением в определенном случае в другой стране, поскольку риски и угрозы железнодорожного транспорта имеют схожий характер.

Заключение

Анализ отечественного и зарубежного опыта по обеспечению безопасности движения на железнодорожном транспорте в международном сообщении показывает, что управление безопасностью строилось по ситуационному сценарию, необходимо в долгосрочном планировании выстраивать систему безопасности с обеспечением строгой обязательной нормативной базой, которая будет включать в себя главные аспекты защиты пассажиров и грузов. Стоит отметить, что уменьшение или увеличение аварийности за рубежом не должно снижать бдительность внутри государства, необходимо тщательно изучать риски в каждой отдельной ситуации. Уменьшение концентрации внимания в определенном сегменте безопасности способно привести к ухудшению положения как внутри страны, так и на мировом рынке, поскольку железная дорога является связующим звеном перевозок между странами. Российские железные дороги – очень сложная крупная структура, и обеспечить безопасность ее функционирования можно только используя новейшие технологии, опыт зарубежных стран. Подход к обеспечению безопасности должен быть комплексным, включать себя охрану труда, использование новых технологий, повседневный анализ и контроль, внеплановые проверки, обновление вагонного парка, улучшение инфраструктуры и т. п. Комплексные меры, заимствованные за рубежом, возможно использовать в отечественных организациях, но в том случае, если существующие способы обеспечения безопасности не приносят должного эффекта.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.06.2008 № 877-р «О стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года»: (вместе с «Планом мероприятий по реализации в 2008–2015 годах Стратегии развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года») // СЗ РФ. – 2008. – № 29 (ч. II). – Ст. 3537.
2. Айдарова, А. Б. Зарубежный опыт внедрения инноваций в сфере обеспечения эколого-экономической безопасности железнодорожного транспорта // Инновации в науке. – 2012. – № 7. – С. 32–37.
3. Анохина, Ю. А. Метод сценариев в стратегическом управлении // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2010. – № 1-2. – С. 97–101.
4. Житарь, Б. Е., Самойлов, В. В. Исследование подходов к обеспечению безопасности на железнодорожном транспорте // Сборник научных трудов Донецкого института железнодорожного транспорта. – 2020. – № 56. – С. 82–87.
5. Касаткин, В. А., Красковский, А. Е., Плеханов, П. А. Менеджмент безопасности движения поездов на «Пространстве 1520» // Железнодорожный транспорт. – 2011. – № 5. – С. 51–56.
6. Красковский, А. Е., Рейнгардт, В. Г., Плеханов, П. А. Развитие системы управления безопасностью движения на железнодорожном транспорте в международном сообщении // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2010. – № 6 (31). – С. 40–43.
7. Кудьярова, Ж. Т. Транскаспийский международный транспортный маршрут и его влияние на международную логистику // Наука, техника и образование. – 2016. – № 4 (22). – С. 71–75.
8. Плеханов, П. А. Обеспечение комплексной безопасности на железнодорожном транспорте в контексте стратегического развития // Известия Петербургского университета путей сообщения. – 2020. – № 4 (17). – С. 552–565. <https://doi.org/10.20295/1815-588X-2020-4-552-565>
9. Ромашов, И. В. Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года – залог экономического могущества России // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2007. – № 12 (12). – С. 4–6.
10. Шматченко, В. В., Иванов, В. Г., Навойцев, В. В., Зименкова, Т. С., Сеньковский, О. А. Проблемы безопасности высокоскоростных железнодорожных пассажирских транспортных систем // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. – 2019. – № 5 (84). – С. 30–37.
11. Jenkins, B. M., Kozub, C., Butterworth, B. R., Haider, R., Clair, J-F. Formulating a strategy for securing high-speed rail in the United States // MTI Report. – 2013. – No. 12-03. – 109 p.
12. Marek, P. Control command systems impact on the railway operational safety // Science and transport progress. Bulletin of Dnipropetrovsk National University of Railway Transport. – 2015. – No. 2 (56). – Pp. 58–64. <https://doi.org/10.15802/stp2015/42160>
13. Vukadinović, R., Čekerevac, Z. Defining and assessing the level of railway traffic security // Science and Transport Progress. Bulletin of Dnipropetrovsk National University of Railway Transport. – 2006. – No. 12. – Pp. 70–73. <https://doi.org/10.15802/stp2006/18564>

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated on June 17, 2008 No. 877-r “On the Strategy for the Development of Railway Transport in the Russian Federation until 2030” (together with the “Action Plan for the Implementation in 2008–2015 of the Strategy for the Development of Railway Transport in the Russian Federation until 2030 year”), *Svod Zakonov RF*, 2008, No. 29 (part II), Art. 3537.
2. Aidarova A. B. Foreign experience in the implementation of innovations in the field of environmental and economic safety of railway transport, *Innovatsii v nauke*, 2012, no. 7, pp. 32–37. (In Russian).
3. Anokhina Yu. A. Method of scenarios in strategic management, *Modern Tendencies in the Economics and Management: A New Look*, 2010, no. 1-2, pp. 97–101. (In Russian).
4. Zhitar B. E., Samoylov V. V. Research on railway safety approaches, *Collection of Scientific Papers of the Donetsk Institute of Railway Transport*, 2020, no. 56, pp. 82–87. (In Russian).
5. Kasatkin V.A., Kraskovskiy A. E., Plekhanov P. A. Train traffic safety management at 1520 Space, *Railway Transport*, 2011, no. 5, pp. 51–56. (In Russian).
6. Kraskovskiy A. E., Reyngardt V. G., Plekhanov P. A. Development of safety management system on railway transport in international traffic, *Transport Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike*, 2010, no. 6 (31), pp. 40–43. (In Russian).

7. Kudyarova Zh. T. Trans-Caspian international transport route and its impact on international logistics, *Science, Technology and Education*, 2016, no. 4 (22), pp. 71–75. (In Russian).
8. Plekhanov P. A. Ensuring integrated safety in railway transport in the context of strategic development, *Proceedings of Petersburg Transport University*, 2020, no. 4 (17), pp. 552–565. (In Russian). <https://doi.org/10.20295/1815-588X-2020-4-552-565>
9. Romashov I. V. The strategy for the development of railway transport until 2030 is the guarantee of Russia's economic might, *Transport Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike*, 2007, no. 12 (12), pp. 4–6. (In Russian).
10. Shmatchenko V. V., Ivanov V. G., Navoitsev V. V., Zimenkova T. S., Senkovsky O. A. Safety problems of high-speed rail passenger transport systems, *Transport Rossiiskoi Federatsii. Zhurnal o nauke, praktike, ekonomike*, 2019, no. 5 (84), pp. 30–37. (In Russian).
11. Jenkins B. M., Kozub C., Butterworth B. R., Haider R., Clair J-F. Formulating a strategy for securing high-speed rail in the United States, *MTI Report*, 2013, no. 12-03, 109 p.
12. Marek P. Control command systems impact on the railway operational safety, *Science and Progress of Transport. Bulletin of the Dnipropetrovsk National University of Railway Transport*, 2015, no. 2 (56), pp. 58–64. <https://doi.org/10.15802/stp2015/42160>
13. Vukadinović R., Čekerevac Z. Defining and assessing the level of railway traffic security, *Science and Progress of Transport. Bulletin of the Dnipropetrovsk National University of Railway Transport*, 2006, no. 12, pp. 70–73. <https://doi.org/10.15802/stp2006/18564>

УДК 339.138 JEL M31

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-66-73

Окольнишникова Ирина Юрьевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4958-8189
e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Сумарокова Екатерина Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8963-6774
e-mail: sumarokova@bk.ru

Краснов Евгений Владимирович

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4472-2091
e-mail: ev_krasnov@guu.ru

Irina Yu. Okolnishnikova

Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4958-8189
e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Ekaterina V. Sumarokova

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8963-6774
e-mail: sumarokova@bk.ru

Evgenii V. Krasnov

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4472-2091
e-mail: ev_krasnov@guu.ru

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ КОММУНАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация. Представлены результаты маркетингового анализа рынка спецтехники для жилищно-коммунального хозяйства России. Проанализированы тенденции развития рынка, охарактеризована динамика продаж коммунальной техники и выявлены сегменты продуктового портфеля отечественных производителей. Изучены особенности развития двух ключевых продуктовых сегментов: снегоочистителей и снегопогрузчиков, а также мусоровозных машин. Обосновано, что они имеют высокий рыночный потенциал и объективные предпосылки для импортозамещения, однако нуждаются в совершенствовании маркетингового сопровождения. Авторами предложен и обоснован комплекс мер по совершенствованию маркетинговой деятельности, включающий развитие финансовых инструментов поддержки покупателей, расширение ассортиментной линейки, совершенствование стратегий дистрибуции, оптимизацию работы колл-центров и развитие экспорта с использованием инструментов господдержки.

Ключевые слова: маркетинг, маркетинговая деятельность, маркетинговое исследование, маркетинговый анализ, маркетинг в сфере ЖКХ, маркирование коммунальной техники, анализ рынка коммунальной техники, конкурентоспособность коммунальной техники, импортозамещение

Для цитирования: Окольнишникова И.Ю., Сумарокова Е.В., Краснов Е.В. Анализ ключевых тенденций и путей совершенствования маркетинговой деятельности отечественных производителей коммунальной техники//Вестник университета. 2021. № 9. С. 66–73.

ANALYSIS OF KEY TRENDS AND WAYS TO IMPROVE THE MARKETING ACTIVITIES OF DOMESTIC MANUFACTURERS OF MUNICIPAL EQUIPMENT

Abstract. The results of the marketing analysis of the market of special equipment for housing and communal services of Russia are presented. Market trends have been analysed, the sales dynamics of municipal machinery have been characterised and segments of the product portfolio of domestic manufacturers have been identified. The article analyzes the features of the development of two key product segments - the segment of snowplows and snow loaders, as well as the segment of garbage trucks. It is proved that they have a high market potential and objective prerequisites for import substitution, but they need to improve marketing support. The authors proposed and justified a set of measures to improve marketing activities, including development of financial instruments to support customers, expansion of the product line, improvement of distribution strategies, optimisation of call centers and the development of exports using state support tools.

Keywords: marketing, marketing activity, marketing research, marketing analysis, marketing in the field of housing and communal services, marketing of municipal equipment, analysis of the market of municipal equipment, competitiveness of municipal equipment, import substitution

For citation: Okolnishnikova I.Yu., Sumarokova E.V., Krasnov E.V. (2021) Analysis of key trends and ways to improve the marketing activities of domestic manufacturers of municipal equipment. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 66–73. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-66-73

© Окольнишникова И.Ю., Сумарокова Е.В., Краснов Е.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Okolnishnikova I.Yu., Sumarokova E.V., Krasnov E.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Эффективное функционирование коммунального хозяйства невозможно без специализированной техники для уборки улиц, очистки их от снега, вывоза мусора и т. д. Вместе с тем в регионах часто не хватает современных машин, а действующий парк устаревает. Часто отечественная коммунальная техника отстает от требований времени и не может стать элементом интеллектуальных транспортных систем, создание которых является актуальной задачей городов России. Корни обозначенных проблем во многом связаны с отсутствием системного маркетингового сопровождения жилищно-коммунальной техники, включая исследования, анализ и разработку путей ее продвижения.

Постановка проблемы

В настоящее время в региональных жилищно-коммунальных хозяйствах (далее – ЖКХ) чаще всего используется техника, собранная на базе шасси отечественных грузовиков. Вместе с тем данный сегмент машиностроения переживает период упадка в технологическом, инвестиционном и инновационном планах. При этом зарубежные аналоги коммунальной техники в большинстве своем недоступны российским ЖКХ в связи с их дороговизной. Это актуализирует задачу импортозамещения – создания отечественной конкурентоспособной техники, способной быть более экологичной и безопасной, чем импортная продукция. Решение данной задачи должно базироваться на результатах анализа ключевых тенденций и путей совершенствования маркетинговой деятельности отечественных производителей ЖКХ-техники.

Источники и методы исследования

В ходе изучения проблемы авторами проанализированы официальные интернет-ресурсы ведущих российских производителей коммунальной техники, предприятий машиностроения, а также зарубежных производителей машин и оборудования для ЖКХ. Также были изучены данные официальной статистики и показатели социально-экономического развития, представленные на порталах субъектов Российской Федерации – лидеров в сфере реализации программ развития жилищно-коммунального обслуживания населения.

При проведении исследования использованы общенаучные методы системного и сравнительного анализа, обобщения и синтеза.

Анализ результатов исследования

Отечественный рынок коммунальной грузовой автомобильной техники в целом можно охарактеризовать как высокоперспективный, что связано с его большой потенциальной емкостью. Официальная статистика свидетельствует, что в России насчитывается более 1 100 городов, более 1 200 поселков городского типа и свыше 150 тысяч населенных пунктов сельского типа [1]. При этом, согласно действующим в стране нормативам, только для содержания 100 км автодороги требуется от 35 до 43 единиц техники специального назначения [13]. Сюда следует отнести также необходимость регулярного вывоза твердых бытовых отходов и многие другие операции, для которых необходима спецтехника. Поэтому можно считать, что коммунальная техника имеет большое хозяйственное значение и данный рынок следует оценивать как потенциально емкий.

Другим аргументом, косвенно подтверждающим стабильно высокий спрос на рынке коммунальной техники, являются аналитические данные компании «АВТОСТАТ». Согласно им, объем рынка новых грузовых автомобилей в России уже в июле 2020 г. вернулся к докризисному уровню и до настоящего времени продолжает уверенно расти [12].

Устойчивое развитие сегмента коммунальной спецтехники российского производства, ключевым фактором развития которого являются госзакупки, подтверждает проведенный авторами анализ. Согласно статистике, ежегодно объем рынка коммунальной техники в стране увеличивается на 5–7 % В 2018 г. он превысил 4 тысячи единиц, и к 2023 г. ожидается рост данного значения в 2,5 раза [8].

Почти половину рынка (более 49 %) занимают машины, способные выполнять комплекс различных работ по содержанию дорог. Кроме них, в эксплуатации есть коммунальная техника узкого профиля: мусоровозы, ассенизаторы, снегоуборщики, поливочные машины и пр. [11]. При этом большинство муниципальных коммунальных служб укомплектовано устаревшими моделями – износ машинного парка варьируется

в пределах от 50 % до 65 % [13]. Это еще более актуализирует проблему развития ассортиментной линейки машин отечественного производства, их грамотного позиционирования и продвижения.

Как показало проведенное исследование, в разрезе производителей рынок машин для коммунального хозяйства характеризуется доминированием продаж новой техники российского производства. Всего вниманию потребителей на данный момент представлено порядка 40 марок отечественной техники. При этом лидерами продаж являются Арзамасский завод коммунального машиностроения, Смоленский завод Комплексные Дорожные машины имени М. И. Калинина, Мценский завод коммунального машиностроения и Меркатор Калуга.

Вместе с тем на рассматриваемом рынке присутствуют и тревожные тенденции. Более всего, по мнению авторов, настораживает и требует внимания то, что удельный вес продаж техники российского производства демонстрирует тенденцию к постепенному сокращению, а зарубежной – напротив, к росту. Об этом свидетельствуют, в частности, текущие данные и прогнозы исследовательской компании Russian Automotive Market Research [9].

Преодоление выявленной негативной тенденции лежит, по мнению авторов, в плоскости расширения ассортимента техники для ЖКХ, повышения функционала и внедрения маркетинговых подходов к ценообразованию на рынке отечественной коммунальной техники.

Анализ состояния отечественного рынка коммунальной техники в разрезе субъектов Российской Федерации показывает, что более половины (54 %) рынка российских спецмашин приходится на долю Центрального и Приволжского федеральных округов. Пятую часть рынка составляют Москва и Московская область. Третье место в региональном рейтинге и первое среди нестоличных субъектов Российской Федерации занимает Краснодарский край [11].

Рассматривая продуктовый портфель производителей отечественной техники для коммунального хозяйства, авторы выделили четыре основные группы продуктов:

- машины для уборки дорог;
- ассенизаторские и пр. машины;
- снегоочистители и снегопогрузчики;
- мусоровозы.

Исследование показало, что наибольший рыночный потенциал имеют машины для очистки дорог и придомовых территорий от снега, а также мусоровозы. Рассмотрим данные сегменты более подробно.

В настоящее время в России насчитывается 29 тысяч единиц мусоровозов, и их продажи демонстрируют стабильный рост. Агентство «АВТОСТАТ» подсчитало, что за девять месяцев 2019 г. объем рынка мусоровозов достиг 2,6 тысяч единиц, что на 93 % больше, чем в предыдущий период [14].

Три четверти отечественного рынка мусоровозов занимают автомобили трех российских марок. Лидером рынка является КАМАЗ. Второе место занимает белорусский МАЗ, а замыкают тройку лидеров машины компаний группы ГАЗ. Среди иностранных марок лидерами продаж на российском рынке являются MAN, Scania и Isuzu.

Динамичное развитие рынка мусоровозов во многом объясняется стартовавшей в ряде субъектов Российской Федерации «мусорной реформой», которая ставит задачей создание прозрачной системы обращения с отходами и, как следствие, усиление контроля за компаниями, работающими в этой сфере.

Опрошенные авторами эксперты рынка ЖКХ отметили, что в ответ на усиление госконтроля компании, осуществляющие вывоз мусора, стали уделять более пристальное внимание надежности своего автопарка. Как следствие, начался и в настоящее время активно идет переоснащение ключевых «мусорных» операторов. Вслед за ними и остальные транспортировщики мусора начали поэтапно выводить из эксплуатации технику на базе старых ЗИЛов и ГАЗов, включая в перевозки более современные мусоровозы.

Вместе с тем, согласно экспертным оценкам, общая потребность обновления парка мусоровозов в стране составляет 8 тысяч единиц в год, тогда как отечественная автомобильная промышленность производит лишь около 2 тысяч, что еще более актуализирует проблему грамотного, системного маркетингового управления этим сегментом рынка – расширения ассортиментной линейки, увеличения производства, оптимизации ценовой политики.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что производство и реализация мусорных машин – один из сегментов отечественного рынка, где создан хороший задел для развития, наблюдается стабильно положительная динамика продаж, присутствует выраженный спрос на продукцию российского производства и готовность обслуживающих компаний и других операторов рынка ее приобретать. Тем самым, налицо объективные предпосылки для развития импортозамещения.

Еще одним перспективным сегментом является сегмент снегопогрузчиков и снегоуборочных машин. Однако, данный рынок, как показало проведенное авторами исследование, имеет выраженную специфику и существенно отличается от предыдущего.

Прежде всего, российская снегоочистительная техника отличается существенно большим разнообразием. В данном сегменте практически каждый производитель реализует собственные подходы к ассортиментной политике и использует авторские инновационные разработки. При этом крупногабаритная снегоуборочная техника занимает лишь десятую часть рынка, оставляя простор для среднетяжелых и компактных машин. По оценкам специалистов, в настоящее время объем рынка снегоуборочной техники составляет примерно 160 тысяч машин [10].

Как и в предыдущем, в данном сегменте преобладает отечественная техника. Вместе с тем темпы прироста объемов российского рынка в последние годы были весьма скромными, демонстрируя тревожную тенденцию к снижению [10]. По мнению авторов, можно прогнозировать и дальнейшее замедление темпов роста, но при этом объем рынка с высокой степенью вероятности будет увеличиваться.

С нашей точки зрения, в настоящее время основным двигателем роста рынка снегоуборочной техники выступает необходимость модернизации устаревшего парка. При этом, по мнению опрошенных экспертов, тренд рынка – за внедрением многофункциональных машин, которые выполняют различные операции на протяжении всего года, без учета сезонности. Именно на такую технику наблюдается сегодня высокий спрос.

Проведенное исследование показало, что наиболее перспективной на рынке является коммунальная техника, производимая на базе шасси отечественных грузовых автомобилей, двух классов: тяжелая – с полной массой свыше 14 т; среднетоннажная – с массой от 8 т до 14 т [4].

При этом важно подчеркнуть, что в течение последних сегмент тяжелой техники растет на фоне относительной стагнации других ассортиментных предложений. Рассмотрим представленные выше ключевые сегменты рынка с точки зрения особенностей развития конкурентной ситуации на них.

В сегменте тяжелой техники с полной массой свыше 14 т основными конкурентами российских машин, как следует из проведенного анализа, являются производители стран дальнего зарубежья, осуществляющие импорт либо сборку на территории России.

Структура и динамика данного сегмента рынка за последние 10 лет показывает, что около 44 % техники производится гигантом российского автопрома – КАМАЗ. Заметно отстают от него, с годами постепенно теряя свои рыночные доли, МАЗ и УРАЛ (6 % и 5 % соответственно). Среди зарубежной техники высокую, сопоставимую с КАМАЗ популярность имеют европейские марки. Сравнительно небольшая, но стабильная и сопоставимая с УРАЛом, доля рынка занята китайскими производителями (порядка 4 %). Остальная тяжелая техника производства России, стран СНГ и дальнего зарубежья представлена незначительно [8; 15].

Существенно иная динамика выявлена на рынке среднетоннажной коммунальной техники полной массой от 8 т до 14 т. В данном сегменте, как показало исследование, свыше 70 % рынка принадлежит российскому бренду ГАЗ, тогда как отечественный лидер грузового автомобилестроения КАМАЗ занимает лишь немногим более 4%. Кроме того, в последние годы существенно сдал рыночные позиции МАЗ, допустивший падение рыночной доли с 10 % в 2013 г. до 1 % в настоящее время. Кроме того, в отличие от сегмента тяжелой техники, существенная доля рынка (порядка 15 %) принадлежит маркам из Японии и Южной Кореи, тогда как европейские марки занимают малую долю, оцениваемую в 3 % рынка. При этом китайские производители демонстрируют те же 4 % рынка не только в «тяжелой», но и в «среднетяжелой» технике [8; 15].

Таким образом, анализ ключевых тенденций рынка коммунальной техники России позволяет утверждать, что это один из наиболее перспективных сегментов отечественного машиностроения, демонстрирующий внешне стабильное развитие и выраженный спрос на спецтехнику. Вместе с тем авторами выявлены тревожные тенденции, связанные, в первую очередь, с ослаблением рыночных позиций техники отечественных производителей. Это актуализирует важность совершенствования маркетинговой деятельности отечественных производителей техники.

Выводы и рекомендации

Одним из важнейших направлений маркетинга является, по мнению авторов, повышение клиентоориентированности базовых российских автопроизводителей, обеспечение гибкого и оперативного реагирования на запросы клиентов, повышение уровня потребительской удовлетворенности. Для этого, с точки

зрения авторов, необходимо внедрить комплекс услуг, сопутствующих продаже, эксплуатации, обслуживанию и утилизации коммунальной техники.

Формирование конкурентоспособного коммерческого предложения может быть, по мнению авторов, достигнуто за счет развития ассортиментной линейки, в том числе многофункциональной уборочной техники. Благодаря обновленному и расширенному модельному ряду, отечественные производители смогут повысить удовлетворенность потребителей, успешно конкурируя с мировыми производителями и в перспективе завоевывая зарубежные рынки. Кроме того, необходима системная работа по доработке продуктов, основанная на отзывах операторов ЖКХ-рынка.

Важное значение для совершенствования системы продвижения коммунальной техники российского производства имеет, по мнению авторов, развитие финансовых инструментов. Для эффективного маркетинга необходимо сформировать сбалансированный портфель финансовых продуктов, ориентированных на приобретение техники по специальным финансовым предложениям, что повысит комфортность покупок. Основными инструментами маркетинговой политики отечественных производителей коммунальной техники в этой области должны, с точки зрения авторов, стать:

- применение системы стимулирования, в том числе развитой системы скидок в зависимости от объемов продаж и вида оплаты;
- использование взаимозачетных операций через субъекты товаропроводящей сети;
- развитие дилерской сети и создание региональных складов;
- внедрение программ трейд-ин;
- развитие лизинговых продуктов.

Рассмотрим некоторые из перечисленных направлений подробнее.

Важное значение, по мнению авторов, имеет развитие дилерской сети и совершенствование техник прямых продаж. Широкое развитие дилерской и сервисной сети позволит обеспечить максимальный охват регионов, а также повысить качество обслуживания и сервисного сопровождения за счет непрерывного улучшения деятельности и более полного удовлетворения требований ЖКХ [3; 5].

В рамках совершенствования политики дистрибуции важно, по мнению авторов, обеспечить комплексное сопровождение спецтехники для ЖКХ в течение всего срока ее службы посредством предложения спектра необходимых потребителю услуг:

- выгодных условий приобретения машин;
- сервисного обслуживания в гарантийный и послегарантийный периоды;
- консультационной поддержки потребителей;
- круглогодичных тест-драйвов;
- обучения и повышения квалификации обслуживающего ЖКХ-технику персонала;
- предоставления потребителям доступа (или оперативной поставки) к полному ассортименту запасных частей вне зависимости от региона;
- помощи в модернизации либо утилизации автомобиля.

Кроме того, важным преимуществом может стать сближение цен на спецтехнику, запчасти к ней, а также сервисные и лизинговые услуги для покупателей в разных регионах России. Это устраним ценовой дисбаланс и повысит привлекательность машин отечественного производства.

Большую роль в повышении доли рынка отечественной коммунальной техники может, по мнению авторов, сыграть внедрение программы трейд-ин, доступной как для юридических, так и для физических лиц. Считаем, что обмен техники для ЖКХ необходимо развивать как в формате «старый автомобиль в обмен на новый», так и в формате обмена подержанных грузовиков «старый автомобиль на восстановленный» либо «старый автомобиль на старый», что актуально в условиях низкой платежеспособности ЖКХ-операторов российских регионов.

Отметим, что средства, полученные за автомобиль по программе трейд-ин, могут быть направлены на приобретение нового автомобиля как по договору купли-продажи, так и в лизинг в качестве первоначального взноса. Именно лизинг в настоящее время становится все более важным фактором при принятии решения о приобретении спецтехники для нужд ЖКХ. По мнению авторов, лизинговые продукты отечественных производителей коммунальной техники должны включать в себя систему консультаций, льготного финансирования, а также модернизацию, замену и утилизацию автомобиля.

Еще одним инструментом совершенствования маркетинговой деятельности отечественных производителей коммунальной техники является, по мнению авторов, развитие кол-центров. Они, работая постоянно, помимо привычных консультаций, должны давать информацию о наличии техники, необходимых документах, программах трейд-ин. Работа кол-центров в таком формате будет повышать осведомленность клиентов о бренде и экономить их время [6; 7]. А также клиент сможет выбрать подходящую для себя лизинговую программу.

Важное значение в рамках стимулирования продаж отечественных производителей коммунальной техники имеет, по мнению авторов, выход в новые сегменты рынков и, в первую очередь, деятельность по развитию экспорта. Экспортный потенциал спецмашин для ЖКХ российского производства должен базироваться на формировании их имиджа как современной интеллектуальной автотехники, способной быть более экологичной и безопасной, чем импортная продукция.

Вместе с тем необходимо учитывать и препятствующие выходу спецтехники российского производства на международный рынок барьеры. По оценке проекта «Стратегии развития экспорта автомобильной промышленности», барьеры для всех российских автопроизводителей таковы:

- высокая стоимость экспортной логистики;
- значительные удельные затраты на сертификацию продукции;
- таможенные барьеры, приводящие к завышению цен на 15–30 % относительно стран-конкурентов;
- несовершенство налоговой системы для экспортных поставок;
- недостаточное развитие программ клиентского кредитования и страхования и др. [2].

Полностью соглашаясь с приведенным экспертным мнением, подчеркнем, что для развития экспорта коммунальной техники важно, по мнению авторов, активнее использовать инструменты государственной поддержки. В их числе:

- страхование сделок от коммерческих и политических рисков;
- субсидирование процентных ставок при экспортных поставках;
- участие в форумах, конференциях, деловых советах, выставках и т. д.

Заключение

Перечисленные меры позволят актуализировать импортозамещение, создав систему маркетингового управления и продвижения конкурентоспособной спецтехники для обеспечения нужд ЖКХ России.

Библиографический список

1. Информация о количестве населенных пунктов по субъектам Российской Федерации // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=128341-informatsiya_o_kolichestve_naselennykh_punktov_po_subektam_rossiiskoi_federatsii#:~:text=%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0.%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%B0.%20%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.%201%2011.%201%20221 (дата обращения: 01.08.2021).
2. Стратегия развития экспорта продукции автомобильной промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Gm80bGAY20Pj1szROuP3rQVF82r3eJVc.pdf> (дата обращения: 01.08.2021).
3. Барбье, Э.А., Сычев, М.В. Маркетинг в автобизнесе: сущность, значение и современная специфика // Вектор экономики. – 2019. – № 5 (35) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/5/marketingandmanagement/Barbier_Sychev.pdf (дата обращения: 01.08.2021).
4. Воронов, А.А., Овчаренко, Н.А. Конкурентная среда российского грузового автомобилестроения: проблемы и перспективы // Практический маркетинг. – 2011. – № 1 (167). – С. 28–40.
5. Кенис, М.Ю., Сергиенко, Е.С. Особенности построения системы маркетинговых коммуникаций на автомобильном рынке // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 2 (28). – С. 136–141.
6. Писарева, Е.В. Принятие управленческих решений в контексте реализации концепции маркетинга взаимодействия // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 10 (57). – С. 623–625.

7. Федоров, В.А. Модель воздействия на потребителя «AIDA» в системе маркетинговых коммуникаций // Синергия Наук. – 2017. – № 11. – С. 238–242.
8. Анализ российского рынка коммунальной спецтехники // Перевозка 24: поиск грузов и транспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://perevozka24.ru/pages/analiz-rossiyskogo-rynka-kommunalnoy-spectehniki> (дата обращения: 01.08.2021).
9. Бутов, А.М. Рынок дорожно-строительных машин – 2021 год // НИУ ВШЭ; Центр развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2021/08/01/1423579556/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD-2021.pdf (дата обращения: 01.08.2021).
10. Вашкевич, Е. Снегоуборочная техника: рост спроса очевиден // Igrader.ru – обзор рынка спецтехники, грузовиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://igrader.ru/difference/snegoubochnaya-tehnika-rost-sprosa-ocheviden/> (дата обращения: 01.08.2021).
11. Лобода, В., Тихонов, А. На долю Москвы и Подмосквья приходится более 20 % рынка коммунальной техники // Аналитическое агентство Автостат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.autostat.ru/news/38020/> (дата обращения: 01.08.2021).
12. Лузина, М. Российский рынок новых грузовых автомобилей в июле 2020 года // Аналитическое агентство Автостат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.autostat.ru/press-releases/45102/> (дата обращения: 01.08.2021).
13. Раильченко, Ю. Рынок коммунальной техники // Техническое обслуживание гидравлических машин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tgms.ru/pages/rynok-kommunalnoy-tehniki/> (дата обращения: 01.08.2021).
14. Тимерханов, А. Рынок новых мусоровозов в России вырос вдвое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.autostat.ru/news/42154/> (дата обращения: 01.08.2021).
15. Чупров, А. КАМАЗ в 2020 году увеличил продажи в России на 7 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.autostat.ru/news/47510/> (дата обращения: 01.08.2021).

References

1. Information on the number of settlements in the constituent entities of the Russian Federation, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=128341-informatsiya_o_kolichestve_naselennykh_punktov_po_subektam_rossiiskoi_federatsii#:~:text=%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0.%20%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%B%D0%BA%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%B0.%20%D0%A1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.%201%20111.%201%20221 (accessed 01.08.2021).
2. Strategy for the Development of Exports of Automotive Products in the Russian Federation for the Period up to 2025, *The Russian Government*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/Gm80bGAY20Pj1szROuP3rQVF82r3eJVc.pdf> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
3. Barbier E.A., Sychev M.V. Marketing in autobusiness: essence, value and modern specificity, *Vektor ekonomiki*, 2019, no. 5 (35). Available at: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/5/marketingandmanagement/Barbier_Sychev.pdf (accessed 01.08.2021). (In Russian).
4. Voronov A., Ovcharenko N. Competition environment in Russian truck industry: problems and prospects, *Practical Marketing*, 2011, no. 1 (167), pp. 28–40. (In Russian).
5. Kenis M.Yu., Sergienko E.S. Peculiarities of construction of marketing communications system in the automotive market, *Znak: problemnoe pole nediaobrazovanija*, 2018, no. 2 (28), pp. 136–141. (In Russian).
6. Pisareva E.V. Management decision-making in the context of implementing the concept of interaction marketing, *Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technologies*, 2017, № 10 (57), pp. 623–625. (In Russian).
7. Fedorov V.A. The “AIDA” model in the system of marketing communications, *Sinergiya Nauk*, 2017, no. 11, pp. 238–242. (In Russian).
8. Analysis of the Russian market of communal special equipment, *Perevozka 24: Search for Freight and Transport*. Available at: <https://perevozka24.ru/pages/analiz-rossiyskogo-rynka-kommunalnoy-spectehniki> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
9. Butov A.M. Road-building machinery market – 2021, *Higher School of Economics, Centre of Development Institute*. Available at: https://www.hse.ru/data/2021/08/01/1423579556/%D0%A0%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA_%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82%D0%

- B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD-2021.pdf (accessed 01.08.2021). (In Russian).
10. Vashkevich E. Snow removal equipment: demand growth is obvious, *Igrader.ru – Overview of Special Equipment and Trucks Market*. Available at: <https://igrader.ru/difference/snegouborochnaya-tehnika-rost-sprosa-ocheviden/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
 11. Loboda V., Tikhonov A. The share of Moscow and the Moscow region accounts for more than 20% of the market of municipal equipment, *Autostat Analytic Agency*. Available at: <https://www.autostat.ru/news/38020/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
 12. Luzina M. Russian market of new trucks in July 2020, *Autostat Analytic Agency*. Available at: <https://www.autostat.ru/press-releases/45102/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
 13. Railchenko Y. Market of municipal equipment, *Maintenance of Hydraulic Machines*. Available at: <https://www.tgms.ru/pages/rynok-kommunalnoy-tehniki/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
 14. Timerkhanov A. The market of new garbage trucks in Russia has doubled, *Autostat Analytic Agency*. Available at: <https://www.autostat.ru/news/42154/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).
 15. Chuprov A. KAMAZ in 2020 increased sales in Russia by 7 %, *Autostat Analytic Agency*. Available at: <https://www.autostat.ru/news/47510/> (accessed 01.08.2021). (In Russian).

Пудовкина Ольга
Евгеньевна

канд. экон. наук, ФГАОУ ВО
«Самарский государственный
экономический университет»
(Сызранский филиал), г. Сыз-
рань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2993-7131
e-mail: olechkasgeu@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛУБОКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Индустрия 4.0 диктует определенные требования к модернизации технологических процессов и производств. Особенно это актуально для промышленности, доля которой в валовом внутреннем продукте страны достаточно высока. В связи с этим приобретает особую актуальность установление контура будущего стратегического развития сектора промышленности в условиях внешних изменений. Цель исследования – прогнозирование технологических приоритетов и возможных этапов развития передовых производственных технологий в России. Основным методом исследования – форсайт-методология, основанная на долгосрочных моделях комплексной оценки развития мирового производственного и технологического рынка в сценарной форме. Этот метод позволил выявить наиболее функциональные информационные ресурсы, необходимые для данного исследования. В статье представлена методология системного предвидения долгосрочных технологических изменений с целью обновления стратегического вектора развития промышленности, которая согласуется с контекстом и содержанием промышленной политики страны. Результатом исследования стал комплексный прогноз возможных этапов развития передовых производственных технологий и предвидение приоритета технологических изменений по модернизации промышленного комплекса в условиях глубокого проникновения цифровых технологий, основанные на концепции нового индустриального общества.

Ключевые слова: цифровизация, промышленность, технологический реинжиниринг, Индустрия 4.0, цифровая среда, реиндустриализация, умные материалы, форсайт, автоматизация, четвертая промышленная революция, цифровая платформа

Для цитирования: Пудовкина О.Е. Технологические приоритеты развития промышленного сектора России в условиях глубокого проникновения цифровых технологий // Вестник университета. 2021. № 9. С. 74–80.

Olga E. Pudovkina

Cand. Sci. (Econ.), Samara
State University of Economics
(Syzran branch), Syzran,
Russia

ORCID: 0000-0003-2993-7131
e-mail: olechkasgeu@mail.ru

TECHNOLOGICAL PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S INDUSTRIAL SECTOR IN THE CONTEXT OF DEEP DIGITAL PENETRATION

Abstract. Industry 4.0 dictates certain requirements for the modernisation of processes and production facilities. This is especially true for industry, which has a relatively high share of the country's gross domestic product. The outline of the future strategic development of the industry sector in an environment of external change is therefore of particular relevance. The purpose of the study is to forecast technology priorities and possible stages of development of advanced manufacturing technologies in Russia. The main research method is foresight methodology, based on long-term integrated assessment models of global production and technology market development in scenario form. This method has allowed to identify the most functional information resources needed for this study. The article presents a methodology for systemic anticipation of long-term technological change to update the strategic vector of industrial development, which is consistent with the context and content of the country's industrial policy. The study resulted in a comprehensive forecast of possible stages in the development of advanced production technologies and the anticipation of the priority of technological changes to modernise the industrial complex in the context of deep digital penetration, based on the concept of a new industrial society.

Keywords: digitalisation, industry, technological reengineering, Industry 4.0, digital environment, reindustrialisation, smart materials, foresight, automation, fourth industrial revolution, digital platform

For citation: Pudovkina O.E. (2021) Technological priorities for the development of Russia's industrial sector in the context of deep digital penetration. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 74–80. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-74-80

Введение

Промышленность является ключевым и приоритетным направлением развития российской экономики. Назрела необходимость трансформации промышленности – процесс, отражающий переход промышленного сектора из одного технологического уклада в другой с целью повышения эффективности и конкурентоспособности предприятия и в целом российской экономики. В этой связи необходимо разработать долгосрочные прогнозы развития промышленности в сценарном виде и определить стратегические приоритеты в условиях внешних вызовов и угроз, применение которых позволило бы обеспечить устойчивое развитие нашего государства на долгосрочный период, что свидетельствует об актуальности исследования.

Следует отметить, что промышленный приоритет стратегии достаточно широк и охватывает переход к электронной промышленности, реконструкцию и техническое перевооружение производств, создание новых технологических направлений, освоения прорывных электронных промышленных технологий, цифровых интеллектуальных производственных технологий, технологий больших данных, квантовых компьютеров, искусственного интеллекта и другое [1; 2; 3].

Рассмотрим, какие тенденции будут главными в промышленности, что будет определять развитие промышленности, какие технологии являются для страны критически важными.

Промышленному производству в ближайшие 10–15 лет будет необходимо осуществлять комплекс задач, обладающих значением фундаментальных. Промышленность должна справляться с растущей сложностью производства организации технологических цепочек и комплексностью продукции. Чтобы обеспечить управление этой сложностью, необходим качественный скачок в инжиниринге и управлении технологическими процессами.

Постановка проблемы

Форсайт-методология должна помочь определить ключевые перспективные направления технологического роста в промышленности. Поддержать этот вектор призваны два документа: «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период» и «Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 г.» [1; 2].

Анализ показал, что в стратегиях подчеркнуты приоритеты в области промышленности, при этом относительно меньше внимания уделяется разработке комплексного прогноза технологического развития промышленности. Предвидение в области промышленных технологий обеспечит основу для государственной промышленной политики, способствуя достижению стратегических задач государства. Эта цель может быть достигнута путем координации научно-технологической политики Министерства промышленности и торговли Российской Федерации с научно-технологической и социально-экономической системой прогнозирования, созданной в стране.

Статья представляет методологию системного предвидения долгосрочных технологических изменений с целью обновления стратегического вектора развития предприятий промышленности, которая согласуется с контекстом и содержанием промышленной политики страны.

Литературный обзор

Вопросами изучения цифровой трансформации промышленности и ее влиянием на экономику занимались многие ученые и исследователи. С. Fenişer, D. Popescu, и A. Sadeh, считают, что предпосылки возникновения концепции индустрии 4.0 исторически связаны с понятием компьютерно-интегрированного производства, этой точки зрения придерживаются и автор настоящей статьи [6]. Анализ литературы свидетельствует, что в 1960–1980 гг. запускается процесс реинжиниринга, принимается решение оптимизировать и автоматизировать интеллектуальную деятельность, изменить характер проектирования, обеспечить шаблонное проектирование сложных технологических систем [4; 5]. Прорыв наступает в тот момент, когда на рынок выходят рабочие станции, движение идет по наращиванию объема компьютерных программ, обеспечивающих скорость, точность, воспроизводимость, архивирование знаний. В 2010 г. было еще одно ключевое решение – это переход к модульным конструкциям, которые обеспечивали экономию человеческих затрат и времени. В этот момент произошла институализация производства, автоматизация. Ключевой выигрыш состоит

в том, что развивается компьютерный инжиниринг, обеспечивающий управление сложной техникой на скоростях в зоне сложности, превышающий реакцию человека.

Для отраслей, основанных на передовых производственных системах, важнейшими факторами успеха являются глубокое понимание производственных процессов, а также способность адаптироваться и развиваться [7]. Для России это особо актуально, поскольку помимо внешних угроз, российская промышленность должна конкурировать с мировыми европейскими игроками, обладающими более высоким технологическим уровнем.

Индустрия 4.0 трансформирует бизнес-модели фирм-производителей [8]. Авторский подход не ограничивается только процессами, а охватывает широкий спектр Индустрии 4.0. Ключевые процессы, которые, на наш взгляд, будут определять технологическую сферу стратегических направлений развития промышленного сектора, будут связаны с запуском следующего инновационно-технологического цикла, осуществлением трех взаимосвязанных «революций»:

- в течение 5–7 лет одним из доминирующих процессов будет перенос импорта информационных платформ, являющихся основой для проектирования;
- уход в новые материалы. Особенность заключается в том, что революция в проектировании тянет за собой и революцию этих материалов;
- «революция» в инфраструктурах: «умные среды», система «умных вещей», «умные фабрики» как преодоление линейной архитектуры традиционных индустриальных архитектур.

Развитие традиционной промышленной индустрии имеет сильнейшие ограничения, связанные со старой сырьевой базой. При существующих ограничениях промышленность не сможет развиваться. Кроме того, традиционные индустриальные инфраструктуры развернуты под старую индустрию и, как правило, негибки, слишком дороги для радикальных инновационных систем. Эпоха инноваций целых систем требует новых инфраструктур – более гибких, более открытых, более эффективных, чем ранее.

Смена технологической парадигмы требует селекции тех трансформаций, которые распространяются на все отрасли или большинство отраслей и приводят не к оптимизационным, а радикальным переменам в индустрии.

Теория и методы

Для решения исследовательских задач авторы использовали комплекс научных методов. Теоретической и методической основой послужили базовые положения изучения процессов и явлений: системный анализ, абстракция, анализ и синтез. Основным методом выступила форсайт-методология, которая включает в себя широкий спектр способов исследования: сканирование горизонтов, анализ сценариев, перспективы рынка и технологий. Этот метод позволяет выявить наиболее функциональные информационные ресурсы, необходимые для проводимого исследования.

Применяемый в исследовании подход предвидения отличается от стандартных методов. Форсайт-методология основана на долгосрочных моделях комплексной оценки развития мирового производственного и технологического рынка в сценарной форме и определении стратегических позиций участников рынка.

Форсайт-методология не является замещением долгосрочного планирования, это инструмент для повышения качества и точности стратегического планирования. Применение форсайт-методологии дает возможность более четко определить основные направления стратегической модернизации приоритетных отраслей народного хозяйства, в частности предприятий промышленности.

Основные результаты

Сейчас промышленность переживает всеобщий технологический и организационный реинжиниринг, основанный на тотальной цифровизации производственных мощностей. В главенствующих тенденциях цифровизации большинство предприятий, стремящихся к эффективной работе, должны проходить через цифровую трансформацию [8]. В практической деятельности это означает переход от модульной архитектуры к интегрированной цифровой.

Следующий ключевой процесс, который будет определять технологическую сферу стратегического направления развития промышленного сектора, это новые материалы и их интеграция в автоматизированные системы проектирования. При данных материалах проектируется сразу конструкция, а не композиционный материал (см. рис. 1).

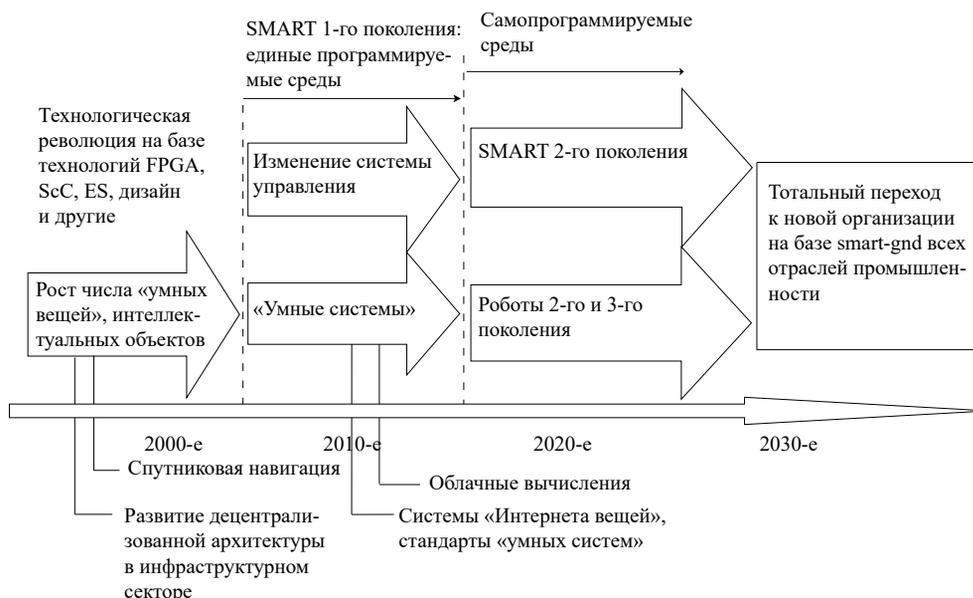

Составлено автором по материалам исследований

Рис. 1. Переход к новым материалам как ключевой технологический прорыв

Переход на новые промышленные материалы имеет две основные цели: получение новых качеств (достижение высокой прочности) и новую экономику продуктов (эффективность всего продукта). Достигаются они в результате применения новых технологий проектирования и производства как самих материалов, так и изделий.

Следующим важным моментом становится внедрение указанных выше процессов в систему цифровых инфраструктур. Форсайт-прогноз позволил сформировать некий горизонт развития технологических систем (рис. 2). Цифровые среды – это архитектуры будущего поколения. За этим находится большой объем разного рода механизмов связывания цифрового и материального мира, задача нетривиальная. На сегодня Россия использует smart-ряды первого поколения, так называемые регулируемые умные системы, SKAD-системы четвертого поколения, которые ставятся на базе умных датчиков. В 2025–2030 гг. мы получим smart-ряды следующего поколения, так называемые самоуправляемые системы. В ближайшем будущем будет развернут пакет инфраструктур под следующий эволюционный шаг развития всех вещей и следующий тип человеческого поведения.

Составлено автором по материалам исследований

Рис. 2. Горизонт развития технологических систем

Технологический прогресс в индустриально развитых странах был поддержан тремя поколениями государственных программ в сфере передовых производственных технологий. Перспективные передовые промышленные технологии представляют собой комплекс нетрадиционной обработки материалов, автоматизации и интеллектуализации производственных технологических процессов и систем. В 1990-е гг. технологические программы были ориентированы на оборудование (КТУ, роботы, цифровые контроллеры, сенсоры и т.п.). В 2000-е гг. вышли на процессы и системы инженерного труда, проектирование и управление производственными процессами начали моделировать производственно-технологические процессы, в 2010-е гг. это саморегулируемые производственно-технологические системы. На наш взгляд, в ближайшее время нас ждет появление интегрированных проектных цифровых платформ, умных материалов, обладающих специальными свойствами (самопроектирование, самовосстановление, генерацию информационных сигналов); объем использования умных материалов будет возрастать.

Поскольку сейчас вся система инжиниринга цифровых технологических систем импортируется, России потребуется 5–7 лет для того, чтобы стать поставщиком инженерного программного оборудования. Сегодняшнее положение не обеспечивает конкурентоспособности среди других поставщиков данных систем. Основные два вопроса, стоящие сейчас для многих компаний: как выйти на единую информационную и проектную платформу и как обеспечить ее жизнеспособность и эффективность.

Что касается умных материалов, то уже есть цифровые глобальные каталоги, дающие возможность получить доступ к цифровому образу, описанию. В России такого каталога нет, хотя ведется много новых работ. Проблема заключается в том, что придется соединять разработку материала и конструкций, а мы не имеем общего представления о вариативности инструментов использования этих новых материалов – до конца эта система не разработана во всем мире. Умные материалы для России – это период 2025–2030 гг.

На основе проанализированной информации автором разработаны возможные прогнозы передовых производственных технологий для России (рис. 3).

Составлено авторами на основе исследований

Рис. 3. Возможные этапы развития передовых производственных технологий

Технология Smart-рядов пока еще находится в зоне коммерциализации или в зоне демонстрационных проектов. Однако, Россия уже может поучаствовать в передовом технологическом процессе: вопросах принятия стандартов, вопросах распространения соответствующей практики на работу российских компаний.

Образ промышленности ближайших 10–15 лет это сверхточность, сверхскорость, сверхсложность на базе автоматизации и интеллектуализации, на базе формирования комплексов информационных средств, инфраструктур.

Заключение

Анализ ключевых процессов технологического рывка позволил сформировать ряд выводов и рекомендаций.

Технологический взрыв 1970–1980 гг. был связан с применением компьютерных технологий, которые позволяли копировать сложность технологических процессов не в бумажной документации, а в виде записи числовых моделей. Была по-разному использована технология борьбы с растущей сложностью. В начале 2010-х гг. стало очевидно, что необходим следующий технологический рывок и вовлечение в процесс передовых производственных технологий, в котором рост должен идти не за счет рабочих рук и капитала, а в результате применения новых масштабированных электронных систем. Поэтому переход к четвертой промышленной революции – неизбежный инновационный процесс, результатом которого станет полностью автоматизированное цифровое производство с перспективой объединения в глобальную промышленную экосистему [8].

Результаты исследования имеют важное экономическое значение, которое заключается в установлении прогноза развития производственно-технологических положений по модернизации промышленного комплекса в условиях реиндустриализации, реализация которых может послужить фактором повышения конкурентоспособности России на мировом уровне. В статье проанализированы ключевые процессы, которые будут определять технологическую сферу стратегических направлений развития промышленного сектора, связанного с запуском следующего инновационно-технологического цикла и осуществлением трех взаимосвязанных «революций».

В условиях реиндустриализации и для осуществления прорывного развития российской экономики целесообразно использовать сценарные модели образа промышленности. Сформированные выводы по имплементации результатов форсайта будут способствовать научным исследованиям, направленным на реализацию программ структурных изменений в промышленности.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» от 29 марта 2019 г. № 377 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/ (дата обращения: 15.06.2021).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 20-р «О Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 г. и плане мероприятий по ее реализации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW322380/ (дата обращения: 15.06.2021).
3. Волобуев, Н. А., Гайдамашко, И. В., Логинов, Е. Л., Абрамов, В. И., Эриашвили, Н. Д., Грошев, И. В. Развитие интеллектуальных механизмов повышения эффективности образовательных технологий в процессе становления цифрового образования в России // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. – 2021. – № 1. – С.20–26
4. Bai, Ch., Dallasega, P., Orzes, G., Sarkis, J. Industry 4.0 technologies assessment: A sustainability perspective // International Journal of Production Economics. – 2020. – Vol. 229. – Art. 107776. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107776>
5. Faskhutdinov, A. Innovation and business management modernization of the Russian economy in terms of innovative development // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 210. – Pp. 188–192. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.358>
6. Fenişer, C., Popescu, D., Sadeh, A. 25th International strategic elements in product innovation in industrial firms // Procedia Manufacturing. – Vol. 39. – Pp. 1363–1368. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.01.321>
7. Proskuryakova, L. Foresight for the ‘energy’ priority of the Russian Science and Technology Strategy // Energy Strategy Reviews. – 2019. – Vol. 26. – Art. 100378. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100378>
8. Pudovkina, O.E., Ivanova, E. Industrial digital transformation and ecosystem formation based on advanced digital platforms // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy. – 2021. – Pp. 507–518. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47458-4_60

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 377 dated on March 29, 2019 “On the Approval of the State Program of the Russian Federation “Scientific and Technological Development of the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322380/ (accessed 15.06.2021).
2. Order of the Government of the Russian Federation No. 20-r dated on January 17, 2020 “On the Strategy of Development of Electronic Industry of the Russian Federation for the Period till 2030 and the Plan of Measures on its Implementation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW322380/ (accessed 15.06.2021).
3. Volobuev N.A., Gaidamashko I.V., Loginov E.L., Abramov V.I., Eriashvili N.D., Groshev I.V. Development of intellectual mechanisms for improving the effectiveness of educational technologies in the process of digital education formation in Russia, *International Journal Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2021, no.1, pp. 20–26. (In Russian).
4. Bai Ch., Dallasega P., Orzes G., Sarkis J. Industry 4.0 technologies assessment: A sustainability perspective, *International Journal of Production Economics*, 2020, vol. 229, article 107776. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107776>
5. Faskhutdinov A. Innovation and business management modernization of the Russian economy in terms of innovative development, *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 210, pp. 188–192. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.358>
6. Fenişer C., Popescu D., Sadeh A. 25th International strategic elements in product innovation in industrial firms, *Procedia Manufacturing*, vol. 39, pp. 1363–1368. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.01.321>
7. Proskuryakova L. Foresight for the “energy” priority of the Russian Science and Technology Strategy, *Energy Strategy Reviews*, 2019, vol. 26, article 100378. <https://doi.org/10.1016/j.esr.2019.100378>
8. Pudovkina O. E., Ivanova E. Industrial digital transformation and ecosystem formation based on advanced digital platforms, *Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy*, 2021, pp. 507–518. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47458-4_60

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 65 JEL A19

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-81-86

Залихина Ксения

Александровна

студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: ksu-zal7@yandex.ru

Сакульева Татьяна

Николаевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7052-9725

e-mail: sakulyeva_tn@mail.ru

РАЗВИТИЕ КЛИЕНТСКОГО СЕРВИСА КАК ОСНОВА ЗАРОЖДЕНИЯ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

Аннотация. Целью данного исследования является изучение развития клиентского сервиса как основы зарождения системы электронной коммерции. Задачи исследования: изучение аспектов зарождения клиентского сервиса, анализ развития маркетплейсов за рубежом и в России, структуризация расходов при продаже товаров через маркетплейс. Методология исследования маркетплейсов основывается на глубоком и тщательном изучении потребностей и настроения покупателей. Информатизация современного общества заставляет адаптировать бизнес-процессы под запросы потребителя, в связи различными факторами XXI в. ориентирующие на интернет-пространство, которое не обеспечивает клиента полным спектром информации о продукте посредством органов чувств. Соответственно необходимо создавать такой уровень сервиса, который олицетворял бы доверие потребителя к покупке товара онлайн.

Ключевые слова: клиентский сервис, маркетплейс, электронная коммерция, информатизация, развитие бизнеса, продажи, малый и средний бизнес, клиентоориентированный подход, логистика

Для цитирования: Залихина К.А., Сакульева Т.Н. Развитие клиентского сервиса как основа зарождения системы электронной коммерции//Вестник университета. 2021. № 9. С. 81–86.

Ksenia A. Zalihina

Graduate Student, State University
of Management, Moscow, Russia

e-mail: ksu-zal7@yandex.ru

Tatyana N. Sakulyeva

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7052-9725

e-mail: sakulyeva_tn@mail.ru

DEVELOPMENT OF CLIENT SERVICE AS A BASIS FOR BIRTH OF THE ELECTRONIC COMMERCE SYSTEM

Abstract. The purpose of this study is to study the development of customer service as the basis for the emergence of an e-commerce system. Research objectives: to study the aspects of the origin of customer service, to analyse the development of marketplaces abroad and in Russia, to structure expenses when selling goods through the marketplace. The methodology of marketplaces research is based on a deep and thorough study of the needs and moods of customers. The informatization of modern society makes it necessary to adapt business processes to the needs of the consumer, who, due to various factors of the 21st century, are guided by the Internet space, which does not provide the client with a full range of information about the product through the senses. Accordingly, it is necessary to create a level of service that embodies the consumer's trust in buying goods online.

Keywords: customer service, marketplace, e-commerce, informatization, business development, sales, small and medium-sized businesses, customer-oriented approach, logistics

For citation: Zalihina K.A., Sakulyeva T.N. (2021) Development of client service as a basis for birth of the electronic commerce system. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 81–86. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-81-86

© Залихина К.А., Сакульева Т.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zalihina K.A., Sakulyeva T.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Любое взаимодействие между двумя и более субъектами всегда сопряжено с различными факторами: экономическими, социальными, культурными, политическими и другими. Зачастую взаимодействие происходит посредством общения, которое, в свою очередь, включает в себя использование дополнительных средств передачи информации, эмоций, чувств и иных возможностей человеческой натуры.

Исторические аспекты

Рассматривая развитие торговли в связке с понятием о сервисе, как неотъемлемой части любых торгово-экономических отношений, важно отметить качественные изменения в общей идеологии, поведении, стереотипах общества, которые активно происходили в период раннего нового времени (с середины XV в. вплоть до середины XVI в.). В этот период формировалась капиталистическая цивилизация. В экономическом плане этот период характеризуется эволюцией товарно-денежных отношений и расцветом мировой торговли. Росли города, образовывались экономические центры, которые закрепляли за собой эти звания. В экономике и торговле стали принимать участие все слои населения: от дворян до лично свободных крестьян. Буржуазия, наемные работники и даже интеллигенция стали полноценными участниками торговых отношений со своими разными потребностями в отношении, качестве товара, манере общения при осуществлении сделки и многом другом. Получается, что именно в этот период начинают формироваться основы сервисного подхода именно к клиенту, к клиентам разных социальных групп. Приходит понимание того, что нельзя продавать всем потребителям одинаково, что, во-первых, для продавца выгодно иметь возможность регулировать цену товара, а во-вторых, создавать вокруг себя свой круг клиентов, которые преданы. До сих пор аграрный труд преобладал над промышленным, и осознание ценности труда приходило и к покупателем тоже, ведь сервис, как клиентоориентированный подход, это всегда обоюдный процесс, где доверительные отношения складываются взаимно. Затем торгово-экономические отношения в мире настиг кризис – революция цен. Этот период принято считать деградацией экономики и, как следствие, отсутствием особенных отличий в развитии сервиса. Постепенное осознание необходимости изменений привели к переходу от феодальных отношений к капиталистическим. Все эти процессы означали начало модернизации как в экономическом плане, так и в плане развития понятия о сервисе. Вся Западная Европа, Ганза, а точнее люди, представлявшие эти территории, почувствовали на себе спад экономического развития. Рост зарплат и приток денежных средств в общество не повысился вслед за ростом цен, что привело к упадку уровня жизни населения и, как следствие, снижению потребностей. Общество снова стало покупать товар, а не выбирать его. Революция цен в этот период не затронула Россию, так как она была изолирована от Европы вплоть до прихода к власти Петра I. Собственно, развитие новых европейских понятий о сервисе, отношении к потребителю начало развиваться в России именно во время правления Петра Великого. Несмотря на европейскую ориентацию России во время Петра I, нельзя отрицать тот факт, что все-таки Россия развивалась обособленно.

Описанное выше историческое развитие нашей страны повлияло на менталитет населения. Соборность, негативизм, излишняя вера в чудеса, ориентация части населения исключительно на материальные ценности, а другой – на искренность и доверие, – все это стало почвой для превращения сервиса в нечто похожее на «маркетинговый обман» или иллюзию. Сложившиеся настроения о жизни в страданиях и одновременно доверии, создали нездоровое состояние сферы клиентского сервиса, в котором продавец в первую очередь думает о своих потребностях, навязывая их клиенту. Таким образом, переход к электронной коммерции в России был «заморожен» ввиду невозможности создания активного поля доверия для потребителей. Тем временем в Америке уже в 1994 г. появляется крупнейший в мире маркетплейс Amazon. Интересным фактом является то, что изначально основным товаром для продажи на маркетплейсе в США были книги. Основной причиной такого выбора стало отсутствие необходимости дополнительной проверки/примерки/исследования товара. На момент открытия площадки в перечне возможных категорий товаров было около 20 позиций, в то время как сейчас данный показатель исчисляется тысячами. Переходный период от отсутствия маркетплейсов в России до их активного развития был заполнен популяризацией товаров через каталоги. Люди все-таки осязали определенные вещи через призму картинки. Безусловно, это основная связующая нить торговли в традиционном варианте и электронной коммерции. Именно каталог, как олицетворение

данного переходного периода, позволил людям выстраивать доверительные отношения с брендами и поставителями товаров или услуг. В любом развитии есть как положительные аспекты, так и отрицательные, точно также, как и в любом правиле есть исключения.

Развитие маркетплейсов

Прослеживая цепочку налаживания связи между потребителями и производителями, отметим новое направление – сетевой маркетинг. Он не имеет общих каналов связи с маркетплейсами, однако является звеном, подрывающим доверие потребителей к структурам онлайн-торговли и электронной коммерции. В связи с этим маркетплейсам стало быть необходимо более глубоко и тщательно изучать потребности и настроения потребителей, включая:

- изучение желаний, нужд и страхов потребителя;
- обработку собранной о клиентах информации, сегментацию клиентов и предложение определенного товара на каждую из групп;
- выявление потребительских предпочтений по каждому из сегментов;
- определение платежеспособности каждого сегмента;
- определение адресных услуг (товаров с определенными характеристиками) непосредственно по каждому из сегментов;
- разработку новых услуг, интересных потребителям, отличным от конкурентов в любой из сфер коммерции;
- привлечение клиентов на маркетплейс путем перенесения трафика из других источников (например, социальные сети);
- выявление степени спроса каждого сегмента на товары, предназначенные для иной целевой аудитории в рамках продаж позиций одного направления.

Электронная коммерция становится неотъемлемой частью жизни каждого человека, даже если тот об этом не подозревает. Любая финансовая или торговая транзакция, осуществленная через Интернет, является элементом электронной коммерции [1]. Несколько лет назад информатизация процессов касалась лишь внутренней части работы организаций, сейчас же она является ключевым фактором развития коммерческой деятельности, в особенности сферы торговли. Основной площадкой для успешных продаж на сегодняшний день являются маркетплейсы. Маркетплейс – как площадка, где собраны различные товары, а также информационные услуги, служит крупнейшим кластером в работе организаций через Интернет. Именно такой системный подход, включающий оценку услуги по соотношению цены и качества, является важнейшим критерием развития онлайн-продаж. В рамках исследуемой темы актуальны обе составляющие e-commerce (от англ. *electronic commerce* – электронная торговля) в разрезе рассмотрения предпринимательской деятельности на маркетплейсе: B2B (от англ. *business-to-business* – бизнес для бизнеса) и B2C (от англ. *business-to-consumer* – бизнес для клиента).

Рассмотрим маркетплейс как двигатель продаж B2C-сегмента, а также преимущества развития продаж через данную площадку. Пандемия COVID-19 в 2020 г. стала переломным моментом в сфере электронной коммерции. Рост рынка онлайн-торговли в России в 2020 г. составил 45 %. Маркетплейс в данном случае выступает как крупная платформа – посредник между продавцом товара и конечным потребителем, на которой собраны товары, а также информационные услуги. Безусловно, ведение бизнеса через маркетплейс подразумевает, что это не бизнес продавца, а бизнес-площадки, так как основные процессы (складирование, логистика и пр.), тарифы на продажу, установка скидок и промокодов, проверка и модерация фото- и видеоконтента принадлежит полностью маркетплейсу. Для продавца изучаемая платформа – лишь способ увеличить продажи. Однако, наряду с перечисленными выше особенностями работы с маркетплейсом, есть множество преимуществ. Во-первых, интернет-площадка предоставляет полноценный склад для товаров с учетом особенностей хранения; маркетплейс полностью берет на себя организацию логистики, определяя максимально выгодные условия. Например, стоимость логистики в одну сторону (от склада до пункта выдачи товара в одном из крупнейших маркетплейсов России) и хранения товара (категория «Продукты», примет «Кофе в капсулах» составляет 30 руб. и 0,05 руб./день соответственно. Важно отметить, что стоимость логистики не изменяется относительно дальности маршрута: товар может быть доставлен со склада

в Подмоскowie в Москву или с этого же склада до пункта выдачи заказов в Казахстане за фиксированную стоимость [4; 5; 7]. Важнейшим преимуществом работы с маркетплейсом является маркетинговая составляющая, ведь основная цель изучаемой системы управления взаимоотношениями с клиентами (конечными потребителями) – популяризация маркетплейса путем рекламы товара, который на нем представлен. Таким образом, размещая товар для продажи на изучаемом интернет-ресурсе мы оптимизируем следующие затраты: аренда или содержание собственного складского помещения, таргетированная реклама товаров, доставка на дальние расстояния, а также упаковка изделия. В работе современных маркетплейсов используются умные технологии, например, уникальные самообучающиеся поисковые системы, автоматическое создание необходимых запросов исходя из поведения клиента в онлайн-пространстве, применение больших данных для дальнейшего взаимодействия с клиентом и повышения конверсии. Маркетплейс обеспечивает поставщиков необходимой ежедневной статистикой: оборачиваемость товаров, еженедельная динамика и анализ продаж, доля бренда в продажах, территориальное распределение заказов, отчеты с перечнем номенклатуры и прочая аналитика. Следующим преимуществом работы через маркетплейс является упрощение процессов и ускорение внедрения новых продуктов в ассортимент бренда без необходимости воспроизведения целой системы создания, рекламы и логистики, что позволяет агрегатору по продажам различных товаров через Интернет обеспечивать рост географии бизнеса без нанесения вреда экологии, а также стремительное ускорение или упрощение бизнес-процессов [6]. Таким образом, основной причиной, почему конечный потребитель выбирает маркетплейс, в первую очередь, является возможность оперативного выбора и заказа товара с бесплатной для клиента доставкой.

Следующее направление электронной коммерции, которое находит свое отражение в работе с маркетплейсами – это B2B-сегмент. С одной стороны, изучаемая интернет-площадка рассчитана на розничную продажу товаров, однако также является удобным способом выбора оптового поставщика, так как образцы товара можно оперативно заказать в любой регион России [2; 3]. К тому же, маркетплейс – целая площадка для развития новых рабочих мест. Компании производители товаров обращаются к специалистам в работе с интернет-магазинами для грамотного продвижения товаров. За каждой карточкой на сайте стоит целая группа специалистов от дизайнеров до маркетологов, грамотная работа которых обеспечивает высокие результаты продаж. Кроме преимуществ в развитии работы организаций в сегменте B2B, интернет-площадки обеспечивают системное развитие экономики в целом. Именно поэтому маркетплейс в современном мире можно рассматривать как место, обеспечивающее рабочие места для разных специальностей: кладовщики, мерчендайзеры, управляющие, водители, логисты, маркетологи и пр. Обращаясь к современной тенденции экологизации производственных процессов, важно отметить, что благодаря возможности продажи части товаров через исследуемую интернет-площадку, многие организации сокращают количество магазинов, собственных складов, тем самым освобождая занимаемую площадь земли без ущерба для бизнеса.

Важным замечанием в изучении данного вопроса является разбор издержек, которые несет поставщик при работе с маркетплейсом. Выделяются следующие основные расходы обязательные при продаже через маркетплейс:

- процент комиссии;
- стоимость логистики;
- стоимость хранения, руб./день;
- платная приемка, руб./ед. товара.

Помимо вышеперечисленных статей затрат можно выделить:

- сертификацию товара;
- рекламу товара и привлечение трафика с других интернет-площадок;
- упаковку товара;
- транспортировку;
- риск потери или порчи товара.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что e-commerce – лидер цифровой трансформации ритейла на сегодняшний день. Маркетплейс решает проблемы классических продаж, такие как демпинг как вариант ценовой конкуренции, постоянный рост расходов на рекламные кампании, высокий процент отказов, содержание офисов и штата сотрудников. Интернет-портал берет на себя весь процесс организации сделки

от рекламы, до совершения транзакции и получения конечным потребителем товара. На данный момент большинство российских маркетплейсов снизило барьеры входа, что позволяет многим начать свое дело именно с продаж через уже отлаженную систему сбыта.

Заключение

Развитие маркетплейсов сменило вектор развития традиционной торговли. Однако существующие ранее законы выкладки товара на полки или дизайн упаковки все также являются важнейшим инструментом торговли, ведь общий интерфейс маркетплейса и есть та самая витрина магазина. Преимуществом работы онлайн является возможность показать товар без упаковки, в том числе используя 3D-инструменты. Именно поэтому упаковка на маркетплейсе носит не только защитный характер при транспортировке, но и выполняет свою первоначальную функцию – привлечь клиента. К тому же время сосредоточения взгляда потребителя на упаковке товара в магазине составляет около шести секунд, а на маркетплейсе у поставщика есть всего одна секунда, чтобы задержать внимание потребителя именно на своем товаре.

При продвижении товара на маркетплейсе существует определенный базовый алгоритм, который позволяет выделяться на фоне конкурентов, в то время как при продаже товара в магазине поставщик не может влиять на многие из таких факторов, как, например, расположение товара на полке или конкуренция с другими товарами в зоне досягаемости. В алгоритм привлечения клиента на маркетплейсе входит:

- яркая и информативная обложка (первое фото);
- использование изображений только высокого качества;
- сюжет – ситуации использования и прогнозирование как положительных, так и отрицательных эмоций покупателя;
- заполнение карточки товара;
- влияние на нужды и потребности клиента при покупке товара определенной категории;
- конкурентоспособная цена и наличие гибкой системы бонусов;
- создание рекомендаций на карточки-аналоги с прочими артикулами одного бренда;
- доступность товара на разных складах для снижения сроков доставки.

Таким образом, развитие электронной коммерции стало беспрецедентным прорывом в сфере торговли, однако основные постулаты продаж все так же остаются неизменными. Именно поэтому маркетплейс – это большая возможность для расширения текущего бизнеса или создания дела с нуля при условии грамотно построенной системы взаимодействия с клиентами, начиная от качества товара, и заканчивая работой с обратной связью на порталах маркетплейсов.

Библиографический список

1. Мохов, А.И., Душкин, Р.В. Функциональный подход к интеллектуализации объектов на основе комплексотехники. // E-Management. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 13–25. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-13-25>
2. Терелянский, П.В. Российские компании, формирующие информационно-коммуникационные технологические заделы // Управление. – 2020. – № 8(3). – С. 103–111. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-3-103-111>
3. Berg, M., Nordlindh, M. Implementing Internet of Things in the Swedish railroad sector // Department of Informatics and Media Uppsala University Sweden. – 2012. – Pp. 37–45.
4. Chunling, S. Application of RFID technology for logistics on Internet of Things // AASRI Procedia. – 2012. – Pp. 106–111. <https://doi.org/10.1016/j.aasri.2012.06.019>
5. Rifkin, J. The Third Industrial Revolution: How the Internet, green electricity, and 3-D printing are ushering in a sustainable era distributed capitalism // The World Financial Review. – 2012. – March-April. – Pp. 8–12.
6. Smirnov, A. et al. Infomobility for personal trip management // Intelligent Information Technologies, Mathematical Modeling, System Analysis and Automation. – 2015. – Pp. 430–434.
7. Sundmaeker, H., et al. Vision and challenges for realising the Internet of Things // CERP-IoT. – 2010. – Pp. 43–47. <https://doi.org/10.2759/26127>

References

1. Mokhov A.I., Dushkin R.V. Functional approach to object intellectualization based on complex engineering, *E-Management*, 2020, vol. 3, no. 4, pp. 13–25. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2020-3-4-13-25>
2. Tereliansky P.V. Russian companies forming information and communication technology groundworks, *Upravlenie*, 2020, no. 8(3), pp. 103–111. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-3-103-111>
3. Berg M., Nordlindh M. Implementing Internet of Things in the Swedish railroad sector, *Department of Informatics and Media Uppsala University Sweden*, 2012, pp. 37–45.
4. Chunling S. Application of RFID technology for logistics on Internet of Things, *AASRI Procedia*, 2012, pp. 105–109. <https://doi.org/10.1016/j.aasri.2012.06.019>
5. Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How the Internet, green electricity, and 3-D printing are ushering in a sustainable era distributed capitalism, *The World Financial Review*, 2012, March-April, pp. 8–12.
6. Smirnov A. et al. Infomobility for personal trip management, *Intelligent Information Technologies, Mathematical Modeling, System Analysis and Automation*, 2015, pp. 430–434.
7. Sundmaeker H., et al. Vision and challenges for realising the Internet of Things, *CERP-IoT*, 2010, pp. 43–47. <https://doi.org/10.2759/26127>

Красных Сергей Сергеевич
мл. науч. сотрудник, ФГБУН
«Институт экономики Уральского
отделения Российской академии
наук», г. Екатеринбург, Российская
Федерация
e-mail: krasnykh.ss@uieec.ru
ORCID: 0000-0002-2692-5656

ИМПОРТ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19

Аннотация. В статье рассмотрена импортная деятельность субъектов Российской Федерации в условиях распространения коронавирусной инфекции, проанализирована динамика импорта за 2019–2021 гг., а также построена регрессионная модель панельных данных, подтверждающая зависимость между импортом и количеством заболевших COVID-19. Выявлено, что количество заболевших напрямую влияет на уровень импорта. Объемы импорта в стоимостном выражении за период 2019–2021 гг., показывают стабильный рост, что может быть объяснено ростом смертности в России, социально-экономическими последствиями, связанными с распространением COVID-19, а также антиковидными санитарно-эпидемиологическими ограничениями.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, COVID-19, коронавирус, экспорт, регионы России, внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговая деятельность, регрессионный анализ, панельные данные

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ для лаборатории моделирования пространственного развития территорий ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук», на 2021 г.

Для цитирования: Красных С.С. Импорт регионов России в условиях распространения COVID-19// Вестник университета. 2021. № 9. С. 87–93.

Sergey S. Krasnykh
Junior researcher, Institute
of Economics, Urals Branch
of Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
e-mail: krasnykh.ss@uieec.ru
ORCID: 0000-0002-2692-5656

IMPORT OF RUSSIAN REGIONS UNDER CONDITIONS OF COVID-19

Abstract. The article examines the import activities of the subjects of the Russian Federation in the context of the coronavirus infection spread, analyses the import dynamics for 2019–2021, and constructs a regression model of panel data confirming the relationship between imports and the number of COVID-19 cases. It has been found that the number of cases of COVID-19 is directly impact on the import. Import volumes, in value terms, for the period 2019–2021, show a steady increase, which can be explained by an increase in mortality in the Russia, socio-economic consequences associated with the spread of COVID-19, and anticovidal sanitary and epidemiological restrictions.

Keywords: coronavirus infection, COVID-19, coronavirus, export, Russian regions, foreign economic activity, foreign trade activity, regression analysis, panel data

Acknowledgements: The article was prepared in accordance with the research work plan for the Laboratory of Spatial Development Modeling of Territories of Institute of Economics of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, 2021.

For citation: Krasnykh S.S. (2021) Import of Russian regions under conditions of COVID-19. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 87–93. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-87-93

Введение

Коронавирусная инфекция, получившая свое распространение в 2020 г., оказала существенное, негативное влияние на множество сфер экономики. Большой удар ощутили на себе сферы здравоохранения, туризма, значительно снизился экспорт из регионов Российской Федерации (далее – РФ). Эти последствия затронули практически всю мировую экономику.

Политика импортозамещения начала активно внедряться в российскую экономику с 2014 г. после введения западными странами санкций в отношении России. В частности, есть Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 30 июня 2021 г. № 2362 «Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации на период до 2024 года», Приказ

© Красных С.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Krasnykh S.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Министерства промышленности и торговли России от 02.08.2021 № 2915 «Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в социально значимых отраслях промышленности Российской Федерации на период до 2024 года» и другие программы, направленные на снижение доли импортируемой продукции [1; 2].

Целью статьи является анализ динамики импорта в регионах РФ в условиях распространения коронавирусной инфекции, построение регрессионной модели на основе панельных данных за период с марта 2020 г. по июль 2021 г., определение связи между импортом в регионах РФ и количеством заболевших COVID-19.

Обзор литературы

Проблемам развития импорта посвящено достаточно большое количество исследований. В работе [7] выполнена оценка уровня импорта продовольствия из стран Евразийского экономического союза, а также его товарную структуру и состав, и сделан вывод, что в РФ снизился платежеспособный потребительский спрос, из-за чего произошло снижение потребления товаров длительного пользования. В работе [5], посвященной анализу экспорта и импорта РФ, выявлена положительная динамика импорта за период с сентября 2019 г. по август 2020 г. и отмечено увеличение доли экспорта пшеницы. В [4] исследовано влияние пандемии коронавирусной инфекции на политику импортозамещения в РФ. Автор приходит к выводу, что необходима актуализация программ импортозамещения и разработка новых инструментов поддержки наиболее пострадавших отраслей. В статье [6] рассмотрено влияние распространения COVID-19 на мировую и российскую экономики, в частности, проанализирован импорт продовольственных товаров и сырья в РФ. Авторы отмечают снижение темпов роста импорта из стран дальнего зарубежья. Экспортный и импортный потенциалы российской фармацевтической отрасли в условиях пандемии рассмотрены в [3]. Авторы отмечают необходимость развития собственной фармацевтической промышленности и покрытия дефицита за счет импорта продукции фармацевтической промышленности других государств.

Таким образом, в достаточно большом количестве исследований выполнена оценка импорта различных отраслей РФ в условиях распространения COVID-19, однако недостаточно раскрытой оказалась проблематика оценки зависимости между объемами импорта товаров и услуг на территорию РФ и количеством заболевших коронавирусной инфекцией.

Импорт регионов России в условиях распространения COVID-19

Совокупный импорт регионов РФ в 2020 г. составил 230 598 млн долл., что на 6 % меньше, чем в 2019 г. (244 348 млн долл.). Анализируя товарную структуру импорта в стоимостном выражении, можно сделать следующий вывод: среди всех товарных групп наблюдается уменьшение доли импорта (рис. 1). Наибольший спад в 2020 г. заметен в товарной группе «продукция химической промышленности, каучук» (разница с 2019 г. – 5 467 млн долл.), «металлы и изделия из них» (разница с 2019 г. – 2 078 млн долл.) и «машины, оборудование и транспортные средства» (разница с 2019 г. – 2 425 млн долл.) [8].

Среди субъектов РФ наибольший спад импорта замечен в центральных регионах: г. Москве (разница между 2019 и 2020 гг. – 5 384 млн долл.) и Московской области (разница между 2019 и 2020 гг. – 2 301 млн долл.), г. Санкт-Петербурге (разница между 2019 и 2020 гг. – 1 706 млн долл.), Калининградской области (разница между 2019 и 2020 гг. – 1 239 млн долл.), Калужской области (разница между 2019 и 2020 гг. – 631 млн долл.). Наибольший рост импорта обнаружен в Новосибирской области (разница между 2019 и 2020 гг. 740 млн долл.), Татарстане (разница между 2019 и 2020 гг. 466 млн долл.), Краснодарском крае (разница между 2019 и 2020 гг. 240 млн долл.), Астраханской области (разница между 2019 и 2020 гг. 204 млн долл.) и Башкортостане (разница между 2019 и 2020 гг. – 177 млн долл.) [8]. Подавляющее большинство регионов ощутило на себе снижение импорта между 2020 и 2019 гг. – 55 регионов, положительная динамика обнаружена только в 30 регионах.

Проанализируем динамику квартальных данных для сравнения наиболее актуальных показателей со значениями 2019, 2020 и 2021 гг. (рис. 2).

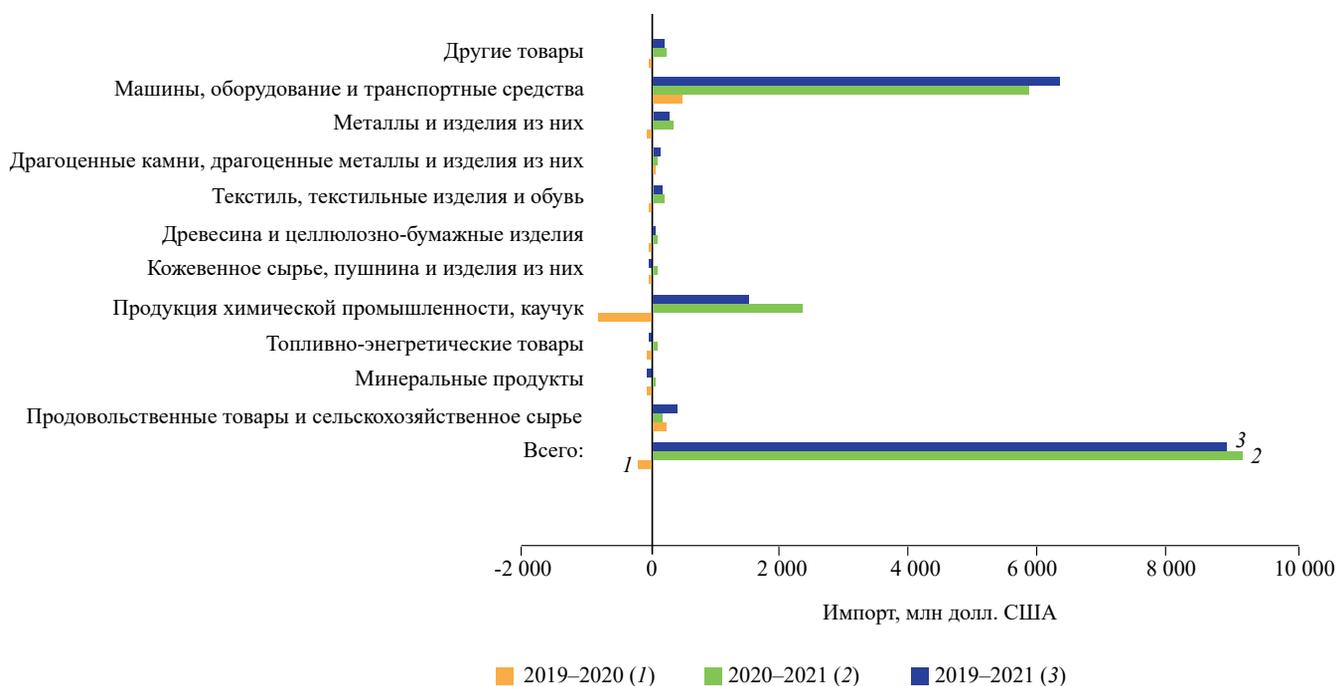
Сравнение динамики импорта за первый квартал 2021 г. с показателями 2020 и 2019 гг., свидетельствует о том, что показатели выросли значительно, динамика по всем товарным группам к 2020 г. увеличилась на 9 140 млн долл., а к 2019 г. на 8 926 млн долл., когда разница между первым кварталом 2020 г. и первым кварталом 2019 г. составила всего лишь 214 млн долл. Наибольший рост показали товарные группы машины, оборудование и транспортные средства (разница между первыми кварталами 2021 и 2020 гг.

составила 5 860 млн долл., разница между первыми кварталами 2021 и 2019 гг. – 6 346 млн долл.) и товарная группа – продукция химической промышленности, каучук (разница между первыми кварталами 2021 и 2020 гг. составила 2 333 млн долл., разница между первыми кварталами 2021 и 2019 гг. – 1 521 млн долл.). В первом квартале 2021 г. все основные товарные группы показали рост по сравнению с первым кварталом 2020 г. Снижение импорта, по сравнению с первым кварталом 2019 г. обнаружено только в товарных группах «минеральные продукты», «топливно-энергетические товары» и «кожевенное сырье» [8].

Источник: [8]

Рис. 1 Импорт продукции в Российскую Федерацию за 2019–2020 гг.

Источник: [8]

Рис. 2. Динамика импорта продукции в Российскую Федерацию за первые кварталы 2019–2021 гг.

Таким образом, можно предположить, что значительный рост импорта товаров в первом квартале 2021 г. продолжится и дальше, тем самым увеличивая долю импорта зарубежной продукции в российской экономике.

Зависимость импорта регионов от количества заболевших COVID-19

Следующей задачей исследования является определение зависимости между объемами импорта регионов РФ, и количеством заболевших в каждом регионе. Для этого применен метод регрессионного анализа панельных данных. В качестве исходных данных использованы официальные данные по распространению коронавирусной инфекции, представленные сайтом Yandex Datalens, за период с марта 2020 г. по апрель 2021 г., а также данные по объемам импорта по каждому региону за этот период, представленные Федеральной таможенной службой [8; 9]. В модели рассмотрено 85 пространственных объектов за 14 периодов, и таким образом проанализировано 1 190 наблюдений. В качестве зависимой переменной применялся объем импорта, а в качестве независимой – количество заболевших коронавирусной инфекцией Z .

Для выбора наиболее адекватной регрессионной модели панельных данных построено три модели:

- объединенный метод наименьших квадратов (ОМНК);
- модель со случайными эффектами;
- модель с фиксированными эффектами.

Статистика первой построенной модели представлена в таблице 1.

Таблица 1

Модель ОМНК зависимости импорта от количества заболевших в Российской Федерации

Показатель	Коэффициент	Статистическая ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	-27,7492	18,6894	-1,485	0,1379
Z (заболевшие)	0,0110668	0,000241979	45,73	<0,0001
Показатель	Значение	Показатель	Значение	
Среднее зависимой переменной	239,1007	Выборочное стандартное отклонение	1 017,237	
Сумма квадратичных остатков	$4,46 \cdot 10^8$	Статистика ошибка модели	612,4914	
Коэффициент детерминации	0,637765	Исправленный коэффициент детерминации	0,637460	
F (1; 1188)	2 091,641	Значимость теста Фишера	0,0000	
Логарифм правдоподобия	-9 324,402	Критерий Акаике	18 652,80	
Критерий Шварца	18 662,97	Критерий Хеннана-Куинна	18 656,63	
Коэффициент авторегрессии первого порядка	0,261088	Статистика Дарбина-Вотсона	1,449748	
Тест Рамсея	Нулевая гипотеза: спецификация адекватна Тестовая статистика: $F(2; 1186) = 31,6489$ $p = P(F(2; 1186) > 31,6489) = 0,0000$			
Тест на нормальное распределение ошибок	Нулевая гипотеза: ошибки распределены по нормальному закону Тестовая статистика: $\chi^2(2) = 13 590,9$ $p = 0$			
Тест Вулдриджа на автокорреляцию	Нулевая гипотеза: Нет автокорреляции первого порядка ($\rho = 0$) Тестовая статистика: $t(84) = 23,8178$ $p = P(t > 23,8178) = 0,00000$			

Составлено автором по материалам исследования

Проанализировав полученные результаты, автор пришел к заключению, что коэффициент детерминации является достаточно высоким. Рассматриваемая модель объясняет полученную зависимость в 63 % случаев, коэффициент регрессии является значимым, как и значима F-статистика. Спецификация модели

является адекватной на основе теста Рамсея, остатки распределены нормально, и автокорреляция отсутствует. Статистика Дарбина-Вотсона также является значимой. Однако для выбора наиболее адекватной модели необходимо провести панельную диагностику с использованием теста Бройша-Пэгана, теста Хаусмана и совместной значимости различий в групповых средних (табл. 2).

Таблица 2

Результаты панельной диагностики

Панельная диагностика	Результаты
Совместная значимость различий в групповых средних	$F(84; 1104) = 2,9728$ $p = 0,0000000$
Тест Бройша-Пэгана	$LM = 100,821, p = \text{prob}(\chi^2(1) > 100,821) = 0,0000000$
Тест Хаусмана	$H = 33,272, p = \text{prob}(\chi^2(1) > 33,272) = 0,0000000$

Составлено автором по материалам исследования

На основе данных тестов можно заключить: так как тест на совместную значимость в групповых средних является значимым, как и тест Хаусмана, то стоит отдать предпочтение модели с фиксированными эффектами. Результаты построения модели с фиксированными эффектами представлены в таблице 3.

Таблица 3

Модель с фиксированными эффектами

Показатель	Коэффициент	Статистическая ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	-45,9389	17,6479	-2,603	0,0094
Z (заболевшие)	0,0118212	0,000244621	48,32	0,00000000
Показатель	Значение	Показатель	Значение	
Среднее зависимой переменной	239,1007	Выборочное стандартное отклонение	1 017,237	
Сумма квадратичных остатков	$3,63 \cdot 10^8$	Стандартная ошибка модели	573,7788	
Коэффициент детерминации	0,704585	Исправленный коэффициент детерминации	0,678999	
Фиктивные переменные F(85; 1104)	30,97790	Значимость теста Фишера	0,0000000000	
Логарифм правдоподобия	-9 324,402	Критерий Акаике	18 578,15	
Критерий Шварца	19 015,18	Критерий Хеннана-Куинна	18 742,84	
Параметр rho	0,092338	Статистика Дарбина-Вотсона	1,770821	
Тест Вальда на гетероскедастичность	Нулевая гипотеза: наблюдения имеют общую дисперсию ошибки Асимптотическая тестовая статистика: $\chi^2(85) = 2,65304 \cdot 10^6$ $p = 0$			
Тест на нормальное распределение ошибок	Нулевая гипотеза: ошибки распределены по нормальному закону Тестовая статистика: $\chi^2(2) = 7 222,95$ $p = 0$			
Тест Вулдриджа на автокорреляцию	Нулевая гипотеза: Автокорреляция отсутствует ($\rho = -0,5$) Тестовая статистика: $F(1; 84) = 3,9035$ $p = P(F(1;84) > 3,9035) = 0,00514685$ Статистика Дарбина-Вотсона: 1,77082 $p = 3,93247 \cdot 10^{-5}$			

Составлено автором по результатам исследования

Проанализировав полученную модель, авторы пришли к выводам: зависимость между импортом и количеством заболевших наблюдается в модели с фиксированными эффектами, коэффициент детерминации свидетельствует о том, что рассматриваемая модель корректно работает в 70 % случаев. *F*-статистика также является статистически значимой, как и статистика Дарбина-Уотсона, автокорреляция в модели отсутствует, ошибки распределены по нормальному закону. Тест Вальда говорит о том, что в этой модели отсутствует гетероскедастичность.

Таким образом, можно заключить, что полученная модель является адекватной, и на ее основе заключить, что чем выше количество заболевших, тем выше объемы импорта в РФ.

Заключение

В результате анализа импорта регионов Российской Федерации выявлено значительное снижение импорта в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на фоне пандемии COVID-19. Снижение импорта затронуло все товарные группы, однако анализ данных за первые кварталы 2019–2021 гг. позволил сделать вывод, что объем импорта начинает увеличиваться, и значение за первый квартал 2021 г. даже выше, чем в первом квартале «доковидного» 2019 г. Рост импорта в 2021 г. может свидетельствовать о необходимости актуализации программ, связанных с импортозамещением, необходимости развития производственных мощностей для развития экспорта регионов РФ. Полученная регрессионная модель подтвердила прямую, положительную зависимость между количеством заболевших и увеличением объемов импорта в регионах страны. Следуя логике этой модели, при грамотных, оперативных мерах, направленных на снижение распространения коронавирусной инфекции, произойдет снижение нагрузки на экономику страны, что положительно повлияет на снижение импорта регионов.

Библиографический список

1. Приказ Минпромторга России от 30.06.2021 № 2362 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391278/ (дата обращения: 10.08.2021).
2. Приказ Минпромторга России от 02.08.2021 № 2915 «Об утверждении Плана мероприятий по импортозамещению в социально значимых отраслях промышленности Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392628/ (дата обращения: 10.08.2021).
3. Березовская, Н. Ю., Гатиятулин, Ш. Н. Экспортный и импортный потенциал российской фармацевтической отрасли в условиях пандемии COVID-19 // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2020. – № 3 (19). – С. 195–200.
4. Бородаенко, А. А. Влияние пандемии коронавирусной инфекции на политику импортозамещения в РФ // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 3-1 (73). – С. 93–96.
5. Мондонен, А. Р., Очеретяная, К. Ю. Экспорт и импорт в России. Проблемы экспорта пшеницы // В сборнике: Актуальные вопросы экономики. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 233–236.
6. Пивоваров, В. Ф., Мещерякова, Р. А., Сурихина, Т. Н., Разин, О. А., Тареева, А. А. Мировая экономика и овощеводство России в условиях пандемии COVID-19 (Итоги 2020 г. и перспективы восстановления) // Овощи России. – 2021. – № 3. – С. 5–14.
7. Саитова, Р.З. Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья из стран Евразийского экономического союза в связи с пандемией COVID-19 // Сборник статей Уфимского гуманитарного научного форума «Гуманитарная миссия обществознания на пороге нового индустриального общества». Под ред. А. Н. Дегтярева, А. Р. Кузнецовой. – Уфа, 2020. – С. 565–573.
8. Документы ТСВТ // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (дата обращения: 10.08.2021).
9. Коронавирус. Дашборд и данные // Яндекс Облако [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cloud.yandex.ru/marketplace/products/f2eb8io515q4rp84fe01> (дата обращения: 10.08.2021).

References

1. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia No. 2362 dated on June 30, 2021 “On Approval of the Action Plan for Import Substitution in the Oil and Gas Engineering Industry of the Russian Federation for the Period up to 2024”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*, Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391278/ (accessed 10.08.2021).

2. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia No. 2915 dated on August 2, 2021 “On Approval of the Action Plan for Import Substitution in Socially Significant Industries of the Russian Federation for the Period up to 2024”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392628 (accessed 10.08.2021).
3. Berezovskaya N. Yu., Gatiyatulin Sh. N. Export and import potential of the Russian pharmaceutical industry in the context of the COVID-19 pandemic, *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ekonomicheskie nauki*, 2020, no. 3 (19), pp. 195–200. (In Russian).
4. Borodaenko A. A. The impact of the pandemic of coronavirus infection on import substitution policy in the Russian Federation, *Economy and Business: Theory and Practice*, 2021, no. 3-1 (73), pp. 93–96. (In Russian).
5. Mondonen A. R., Ocheretyanaya K. Yu. Export and import in Russia. Wheat export problems, *Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference “Topical Issues of the Economy”*, Penza, 2020, pp. 233–236. (In Russian).
6. Pivovarov V. F., Meshcheryakova R. A., Surikhina T. N., Razin O. A., Tareeva A. A. The global economy and vegetable growing in Russia in the context of the COVID-19 pandemic (Results of 2020 and prospects for recovery), *Vegetable Crops of Russia*, 2021, no. 3, pp. 5–14. (In Russian).
7. Saitova R. Z. Import of food products and agricultural raw materials from the countries of the Eurasian Economic Union in connection with the COVID-19 pandemic, *Proceedings of the Ufa Humanitarian Scientific Forum “The Humanitarian Mission of Social Science on the Threshold of a New Industrial Society”*, edited by A. N. Degtyarev, A. R. Kuznetsova, Ufa, 2020, pp. 565–573. (In Russian).
8. TSVT documents, *Federal Customs Service*. Available at: <http://stat.customs.gov.ru/documents> (accessed 10.08.2021).
9. Coronavirus. Dashboard and data, *Yandex Cloud*. Available at: <https://cloud.yandex.ru/marketplace/products/f2eb8io515q4rp-84fe01> (accessed 10.08.2021).

УДК 334.78 JEL P41

Пустынникова Екатерина Васильевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1254-2707

e-mail: ebrezneva@list.ru

Баклушинский Вадим Валентинович

Соискатель, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1254-2708

e-mail: vbaklushinskiy@mail.ru

Ekaterina V. Pustynnikova

Dr. Sci. (Econ.), Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

ORCID: 0000-0003-1254-2707

e-mail: ebrezneva@list.ru

Vadim V. Baklushinsky

Applicant, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

ORCID: 0000-0003-1254-2708

e-mail: vbaklushinskiy@mail.ru

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-94-102

ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ КОРПОРАЦИЙ

Аннотация. Формирование, функционирование и развитие организаций в условиях современных реалий ориентирует на поиск наиболее конструктивных и результативных направлений их развития, способствующих усилению конкурентных преимуществ. В данном направлении, как правило, реализуются мероприятия, ориентированные на адаптацию к внешним и внутренним условиям дальнейшего развития. Зачастую, мероприятия, реализуемые на уровне микросреды, ориентированы на оптимизацию затрат, а на уровне макросреды, основное внимание уделяется усилению устойчивости межкорпоративных связей. Одним из современных подходов в данном направлении, достаточно распространенном в хозяйственной практике, является интеграционный процесс, направленный на получение синергетического эффекта, как дополнительного ресурса, способствующий усилению конкурентоспособности корпоративных структур в условиях рынка. В свою очередь, интеграционные процессы определяют необходимость разработки системного подхода управления не только в формате конкретной корпоративной структуры, а в целом, в формате экономической системы, состоящей из нескольких экономических субъектов, взаимосвязанных между собой. Цель данного исследования заключается в систематизации процессов управления корпоративными структурами, взаимосвязанных между собой условиями взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: экономическая система, корпоративные структуры, управление ресурсами, анализ внутренней среды, интеграция, кооперация, внутренняя среда, управленческие решения, экономико-математическое моделирование, оптимизация затрат, вектор развития, синергетический эффект, усиление конкурентных преимуществ

Для цитирования: Пустынникова Е.В., Баклушинский В.В. Интеграция как способ усиления конкурентных преимуществ корпораций // Вестник университета. 2021. № 9. С. 94–102.

INTEGRATION AS A WAY TO STRENGTHEN THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF CORPORATIONS

Abstract. The formation, functioning and development of organisations in the conditions of modern realities focuses on the search for the most constructive and effective directions of their development, contributing to the strengthening of competitive advantages. In this direction, as a rule, measures are implemented aimed at adapting to the external and internal conditions of further development. Often, the activities implemented at the micro environment level are focused on cost optimisation, and at the macro environment level, the main attention is paid to strengthening the stability of inter-corporate relations. One of the modern approaches in this direction, which is quite common in economic practice, is the integration process aimed at obtaining a synergetic effect as an additional resource that contributes to strengthening the competitiveness of corporate structures in market conditions. In turn, integration processes determine the need to develop a systematic approach to management not only in the format of a specific corporate structure, but in general, in the format of an economic system consisting of several economic entities interconnected with each other. The purpose of this study is to systematise the management processes of corporate structures that are interconnected by the conditions of mutually beneficial cooperation.

Keywords: economic system, corporate structures, resource management, analysis of the internal environment, integration, cooperation, internal environment, management decisions, economic and mathematical modeling, cost optimisation, development vector, synergetic effect, strengthening of competitive advantages

For citation: Pustynnikova E.V., Baklushinsky V.V. (2021) Integration as a way to strengthen the competitive advantages of corporations. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 94–102. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-94-102

© Пустынникова Е.В., Баклушинский В.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Pustynnikova E.V., Baklushinsky V.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

«Экономическая система» является весьма многозначным термином и употребляется в нескольких значениях: корпорация, союз, ассоциация, кластер. В отечественной трактовке зачастую экономическая система определяется как совокупность лиц (физических или юридических), объединяющихся для совместной деятельности в форме юридического лица [3]. Рассмотрим теоретические аспекты более подробно.

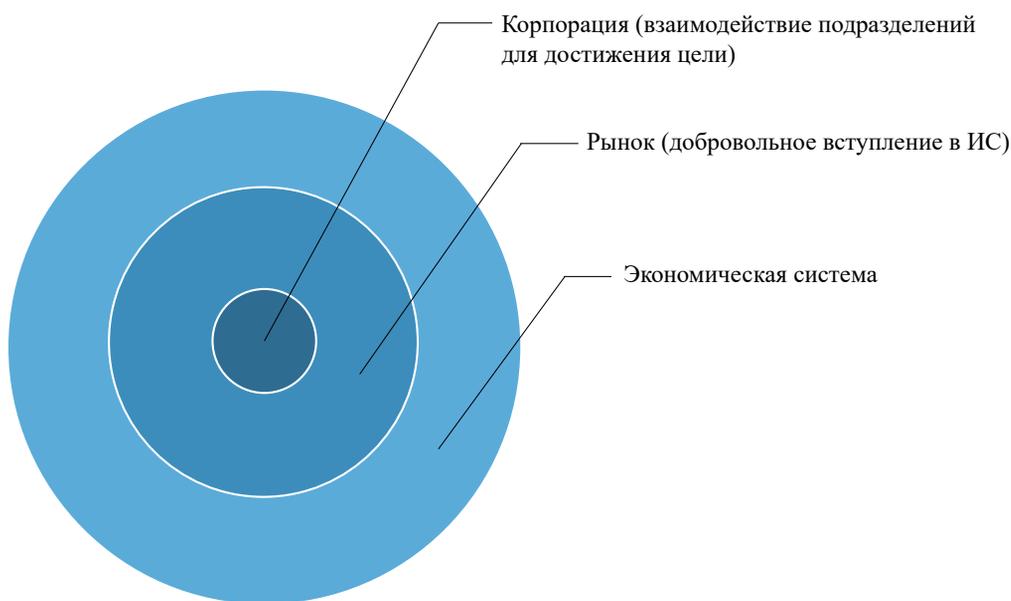
В основе формирования экономической системы находятся корпоративные структуры. Экономическая система формируется и в дальнейшем развивается на основании договорных отношений и контрактов, формируемых корпоративными структурами, условия которых соблюдаются всеми участниками. Именно условия договоренности, компромисс, согласование изменений и обеспечивают взаимовыгодное партнерство, позволяющее получить синергетический эффект, что в свою очередь способствует усилению конкурентных преимуществ.

Теория и методы

В правовом аспекте корпоративное управление промышленными предприятиями и финансовыми организациями формируется в соответствии с федеральным законом «О финансово-промышленных группах» [1].

Ряд исследователей определяет корпорацию как форму организации предпринимательской деятельности, предусматривающая долевую собственность, юридический статус и сосредоточение функций управления в руках верхнего эшелона профессиональных управляющих (менеджеров), работающих по найму [2].

Рассмотрим классификацию экономической системы с точки зрения процессного подхода (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Уровень взаимодействий в экономической системе

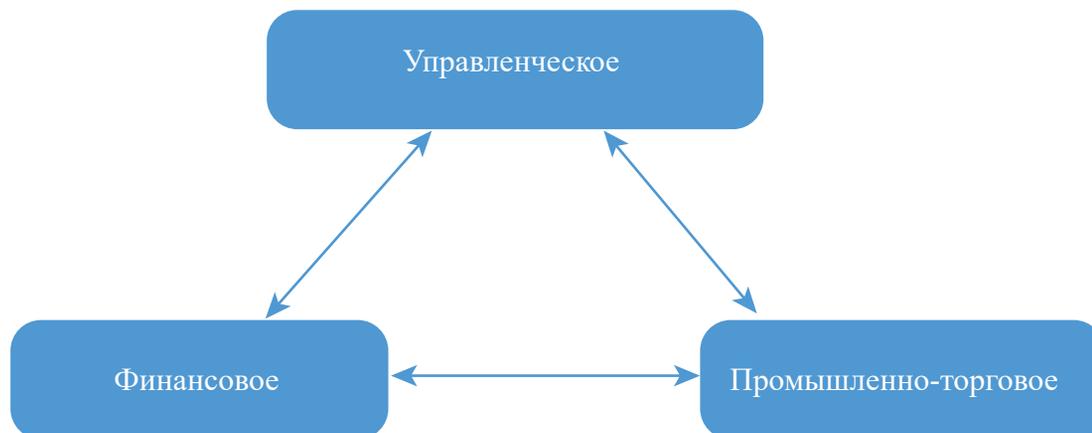
Современный механизм управления экономическими системами базируется, прежде всего, на стратегиях, учитывающих экономическую ситуацию. Управление решает такого рода задачи, как выбор перспективных направлений развития бизнеса [8].

Основой эффективности управления становится достижение сбалансированности корпорации как бизнес-системы, которая помимо акционеров, менеджеров, работников, включает потребителей, поставщиков и прочих субъектов, с которыми имеет дело корпорация в процессе своего функционирования [6].

Все механизмы и процессы, происходящие в корпорации, структурированы и подлежат четкой регламентации законом и внутренними нормативными актами. Поэтому взаимоотношения, возникающие в процессе корпоративного управления, носят системный характер [5].

Внутренняя среда корпорации – это среда, которая определяет технические и организационные условия работы организации и является результатом управленческих решений в области использования ресурсов.

Хозяйственная система корпоративной структуры включает в себя три звена – финансовое, промышленно-торговое и управленческое (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Составные элементы корпоративной структуры

Формат внутренней среды отражает процессы управления ресурсами и результаты управленческих решений (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3 Элементы внутренней среды корпоративной структуры

Очевидно, что сила внутриорганизационного взаимодействия достаточно велика, управленческие решения принимаются в соответствии с распоряжением топ-менеджмента, при этом действия исполнителей согласовываются и контролируются, что в свою очередь обеспечивает сбалансированную работу всего функционала и эффективное использование имеющихся ресурсов. В качестве примера можно привести

совместное использование ресурсов или взаимовыгодное партнерство во внешней среде, например, при выполнении совместных снабженческо-сбытовых, логистических мероприятий, реализации инвестиционных, инновационных проектов и др.

Отметим, что в настоящее время процессы интеграции развиваются достаточно активно, поскольку взаимовыгодное партнерство доказало свою состоятельность, в отличие от локального позиционирования.

Обоснование участия в интеграционных процессах содержит многокритериальную оценку, предусматривающую широкий диапазон преимуществ:

- 1) аккумулярование ресурсов и снижение издержек;
- 2) формирование между субъектами более устойчивых взаимодействий с участием координатора;
- 3) активное вовлечение в деятельность корпорации инфраструктуры: транспортного, информационно-сервиса, консалтинга, рекламы, страхования и других на условиях аутсорсинга, существенно расширяет диапазон позиционирования корпорации и оптимизирует общехозяйственные расходы;
- 4) целевая коммерциализация инновационных продуктов в соответствии с конкретными специфическими потребностями корпоративных структур ускоряет процесс их внедрения в производственный и логистический функционал организаций;
- 5) государственная поддержка «смягчает» воздействие негативных факторов на макро- и мезоуровне корпорации.

Следует заметить, что ни один из подходов интеграции не является альтернативным, взаимоисключающим. Экономические субъекты могут одновременно находиться в нескольких экономических системах, при этом каждый вид интеграции позволяет получить определенные конкурентные преимущества субъектам интеграции:

- отраслевой – установление производственных взаимосвязей, оптимизацию затрат;
- корпоративный (холдинговый) – централизацию факторов производства и капитала;
- корпоративный (ассоциативный) – гибкость реагирования;
- кластерный – административную, финансовую, кадровую, инфраструктурную и прочие виды поддержек [7].

Очевидно, что рыночной среде характерны изменения и подвижность, что в свою очередь предусматривает необходимость адаптации субъектов открытой системы к данной особенности рынка. Таким образом, конкурентоспособность экономической системы зависит от возможности адаптации и быстроты приспособления к изменяющимся внутренним и внешним факторам.

Конкурентное преимущество – система, обладающая эксклюзивной ценностью, превосходящей конкурентов в экономической, технической и организационной сферах деятельности, более эффективное распоряжение ресурсами [4].

В механизме рыночного взаимодействия конкурентоспособность и конкурентоустойчивость являются основой эффективной деятельности субъектов хозяйствования. Современные предприятия должны сохранять возможность противостоять конкуренции под угрозой увеличения конкурентного давления со стороны конкурентных сил, то есть быть конкурентоспособными [4].

Для оценки конкурентных преимуществ корпоративных структур и разработки рекомендаций дальнейшего развития в условиях интеграции, рассмотрим особенности их состава, внутрикорпоративное и межкорпоративное взаимодействие и ключевые аспекты системы управления.

Рассмотрим на примере экономико-математического моделирования возможность получения эффекта в результате интеграции, основанной на взаимовыгодном партнерстве промышленных предприятий.

В качестве субъектов интеграционных процессов рассмотрим промышленные предприятия (машиностроения) $k = 1, 2, 3$, которые в результате интеграции образуют N_k – экономическую систему. Вектор управления учитывает диапазон совместных интересов i сотрудничества на предмет:

- совместного технического обслуживания основных средств;
- проведение совместного логистического обеспечения;
- выполнение договорных обязательств на основе кооперации.

Таким образом, в расчет оценки эффективности включается несколько параметров $if(i_m; i_u; i_z)$, где m – величина постоянных издержек для одного участника при использовании ресурсов, u – объем произведенной продукции; z – уровень переменных издержек.

На основании изложенного выше следует, что управление интегрированной системой принадлежит допустимой области получения эффекта [8]:

$$I = \{U_i^k, k \in N_k, i^n \int (i_M; i_U; i_Z) \in I\}. \quad (1)$$

Расчет частных критериев эффективности включает следующее.

1. Оптимизация затрат на сервисное обеспечение в результате межкорпоративной интеграции.

$$i_M = \frac{M_k, k \in N_k}{\sum M_k} - 1 < 0, \quad (2)$$

где $M_k, k \in N_k$ – условно-постоянные затраты на основании согласованных действий по сервисному обслуживанию основных средств; $\sum M_n^n$ – условно-постоянные затраты каждой организации при индивидуальном техническом обслуживании основных средств.

Например, для бесперебойного функционирования основных средств каждому промышленному предприятию необходима ремонтная бригада, осуществляющая техническое обслуживание оборудования, что предполагает значительные средства на их содержание. Например, для двух организаций в составе ремонтных бригад укомплектовано по 4 рабочих (1 – бригадир; 1 – слесарь; 2 наладчика). Затраты на оплату труда из расчета среднемесячной заработной платы в 30 тыс. руб. составляют 1 440 тыс. руб.; 1 370 тыс. руб. – затраты на техническое обеспечение ремонтной бригады. Итого, затраты на ремонтное обслуживание 2 810 тыс. руб. в год по каждому предприятию.

В формате интеграции данные производственные предприятия имеют возможность на условии реструктуризации вывести ремонтные бригады из состава предприятий, что позволит организовать новую сервисную структуру. Для выполнения ремонтных работ в том же объеме потребуется 6 рабочих (1 – бригадир; 1 слесарь и 4 наладчика). Затраты на проведение ремонтных работ составят: на оплату труда 2 160 тыс. руб. (при среднемесячной заработной плате одного рабочего 30 тыс. руб.) и затраты на материально-техническое обеспечение ремонтной структуры составят 2 040 тыс. руб.

Итого совокупных затрат на ремонтное обслуживание двух организаций: 4 200 тыс. руб. При условии равного часового фонда и объема работ соответствующего первоначальному, каждое предприятие будет осуществлять оплату в сумме 2 100 тыс. руб. в год. Ведение ремонтного технического обслуживания оборудования в данной ситуации предусматривает аутсорсинг и в соответствии с хозяйственными отношениями подлежит согласованию трехсторонний график по техническому обслуживанию основных средств.

Данная структура по техническому обслуживанию целесообразна при обслуживании нескольких предприятий, что в свою очередь предполагает взаимовыгодное партнерство не только между промышленным предприятием и сервисной службой, но и между промышленными предприятиями, которые привлекают услуги сервисной службы. В формате данного партнерства, очевидно, что индивидуальные затраты по проведению сервисного обеспечения сокращаются, в данном случае, на сумму 690 тыс. руб.: 2 810 – 2 100 = 690 тыс. руб.

2. Увеличение объема производства и реализации готовой продукции в результате межпроизводственной кооперации.

$$i_U = \frac{U_k, k \in N_k}{\sum U_k} - 1 > 0, \quad (3)$$

где $U_k, k \in N_k$ – объем услуг на основании согласованных действий между субъектами интегрированной структуры в результате совместной деятельности в области: инвестиционной, ценовой, кадровой, логистической политик, маркетинга, технологии производства и пр.; $\sum U_k$ – уровень спроса при «локальном» позиционировании на рынке.

Например, на товарном рынке возникают сложности в плане неравномерного спроса на производимую продукцию, что существенно затрудняет адаптацию предприятия к данным условиям. Кроме того, производственный процесс сопровождаются так называемые «узкие места», которые возникают в результате разной

продолжительности производственных операций. В данной ситуации принцип кооперации между предприятиями достаточно распространен в формате корпоративного взаимодействия.

Например, предприятие № 1 получает заказ, при том что производственная программа соответствует производственной мощности. Таким образом, предприятие в рамках межкорпоративной кооперации может перераспределить данный заказ партнеру, предприятию № 2, таким образом, в формате интеграционного взаимодействия появляется возможность дополнительного объема производства продукции.

Например, предприятие № 2 работает по замкнутому принципу и сочетает разные типы производств: тип массового производства (литье, прокат, штамповка), крупносерийный тип производства (механосборочное производство) и единичный тип производства на этапе окончательной сборки продукции. Данная специфика отражается на неравномерности продолжительности этапов производств, что в свою очередь создает ситуации с ростом запасов незавершенного производства, тем самым, увеличивается затратно-производственная и ограничивается реальный объем выпуска готовой продукции. В данном случае, в соответствии с принципом кооперации, который является неотъемлемым условием интеграции, при условии сопряженной технологии производства, возможна организация совместного трудового и производственного процесса между промышленными предприятиями, что позволяет увеличить объем производства.

Примеры вышеописанного интеграционного процесса промышленных предприятий широко применяются на практике, на пример, в таких корпоративных структурах, как: АО «Автоваз», АО «УАЗ», ОА «Авиастар – СП» и других предприятиях машиностроения. Вышеописанный интеграционный подход управления позволяет увеличить объем производства продукции до 30 %. На основе вышеизложенного, предположим, что интеграционный процесс в совокупности с приведенными примерами отразится на росте производства продукции на 20 %.

3. Оптимизация условно-переменных затрат (косвенных издержек) в результате организации совместного логистического обеспечения организаций.

$$i_z = \frac{Z_k, k \in N_k}{\sum Z_k} - 1 < 0, \quad (4)$$

где $Z_k, k \in N_k$ – логистические издержки организаций при условии логистической интеграции и совместной транспортировки и хранении грузов, а также получение скидки при совместной оптовой поставке товарно-материальных ценностей;

$\sum Z_k$ – переменные издержки организаций при «локальном» функционировании, например, при совместной доставке, хранении и информационном сопровождении грузов.

В среднем, логистические затраты (на перевозку, хранение грузов и информационное сопровождение) составляют до 20 % от стоимости груза. При этом, складские помещения загружены менее, чем на 50 %, а транспортные средства имеют резервные грузоподъемность и грузоемкость до 30 %. Таким образом, при совместном использовании логистической мощности (транспортной и складской) экономия очевидна, снижение логистических затрат на транспортировку, хранение и информационное оценивается в 16 % от стоимости товарно-материальных ценностей.

Для организаций, участвующих в интеграции, на основе представленного выше рассуждения, систематизируем запись в виде системы уравнений:

$$I = \begin{cases} i_{M_n}^k, i_M \in i, k \in N_k; \text{ при } (i_M < 0); \\ i_{U_n}^k, i_U \in i, k \in N_k; \text{ при } (i_U > 0); \\ i_{Z_n}^k, i_Z \in i, k \in N_k; \text{ при } (i_Z < 0), \end{cases} \quad (5)$$

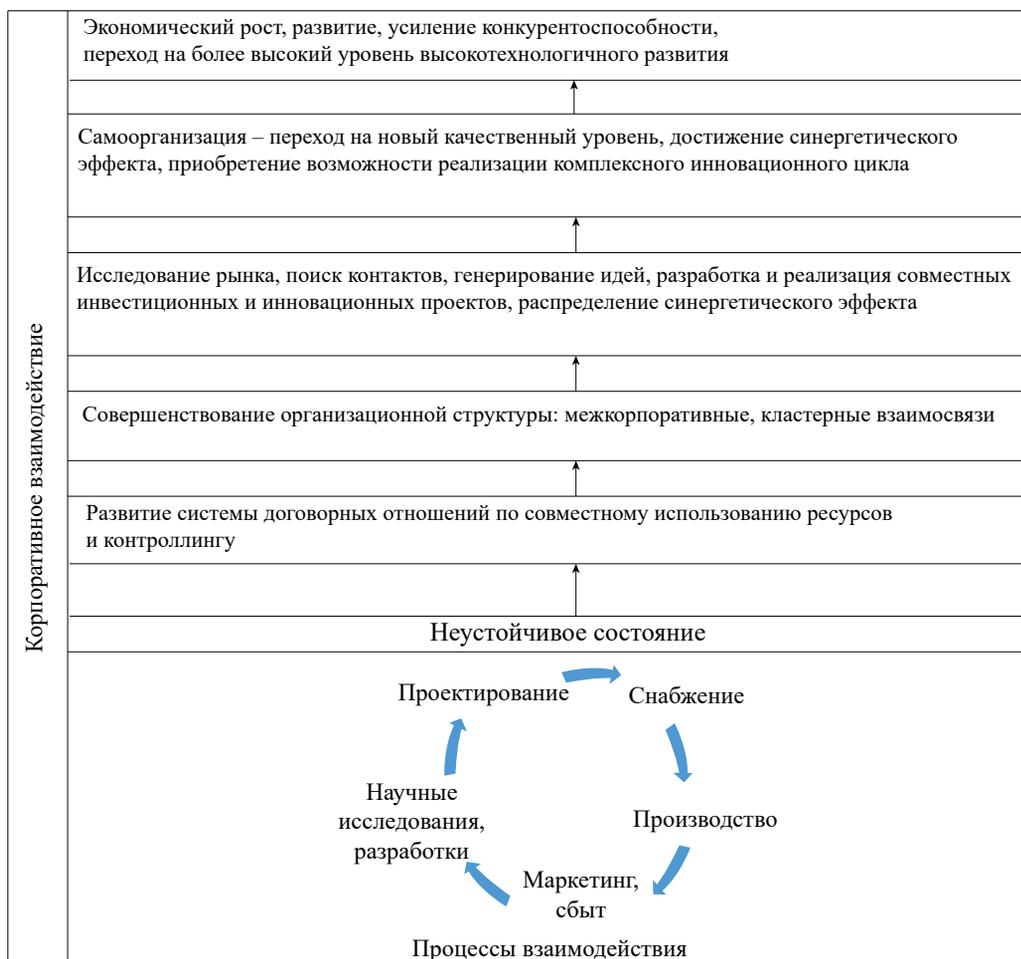
В соответствии с приведенными примерами очевидно, что при совместном использовании ресурсов и реализации хозяйственных функций, экономические субъекты могут получить дополнительный эффект. Кроме того, согласование действий всех субъектов интегрированной структуры способствует слаженности действий и быстрому реагированию на факторы внешней среды. Весь диапазон преимуществ при совместной деятельности субъектов экономической системы на условиях взаимовыгодного партнерства в свою очередь

свидетельствует о синергетическом эффекте, как дополнительного ресурса, который отражается на преимуществах всех субъектов интеграции в сравнении с субъектами, функционирующими локально.

Для комплексной оценки деятельности организаций зачастую используют широкий спектр показателей оценки эффективности использования ресурсов, выступающих индикаторами управления корпораций. При управлении экономическими субъектами необходимо определять уровень достижения плановых или нормативных показателей, а также тенденции их дальнейшего развития. Для оценки эффективности управления корпорацией необходим мониторинг показателей и приоритетных направлений ее развития.

Управление организацией и ее ресурсами осуществляется на основании таких инструментов управления, как: планирование, снабжение, производство, продвижение произведенной продукции (услуг), контроль. Этот процесс управленческих действий цикличен, то есть повторяется и, как правило, универсален в формате корпоративного управления. Последовательность этих действий возможна непосредственно через контакт должностных лиц, уполномоченных соответствующими управленческими компетенциями. Как правило, эти функции характерны для управления внутренней структурой организации. Однако в условиях рынка, неотъемлемым признаком которого является конкурентная борьба, экономические субъекты сталкиваются с изменением условий, рисками, что влияет на их неустойчивое положение. В связи с этим важным аспектом является формирование и поддержание устойчивых взаимодействий с контрагентами, что, в свою очередь, создает бесперебойную деятельность организации.

Очевидно, что конкурентная борьба ориентирует экономических субъектов на разработку новых, более прогрессивных форм развития, как на уровне микросреды при совершенствовании организационной структуры, так и на уровне макросреды посредством развития межорганизационных (межкорпоративных) связей.

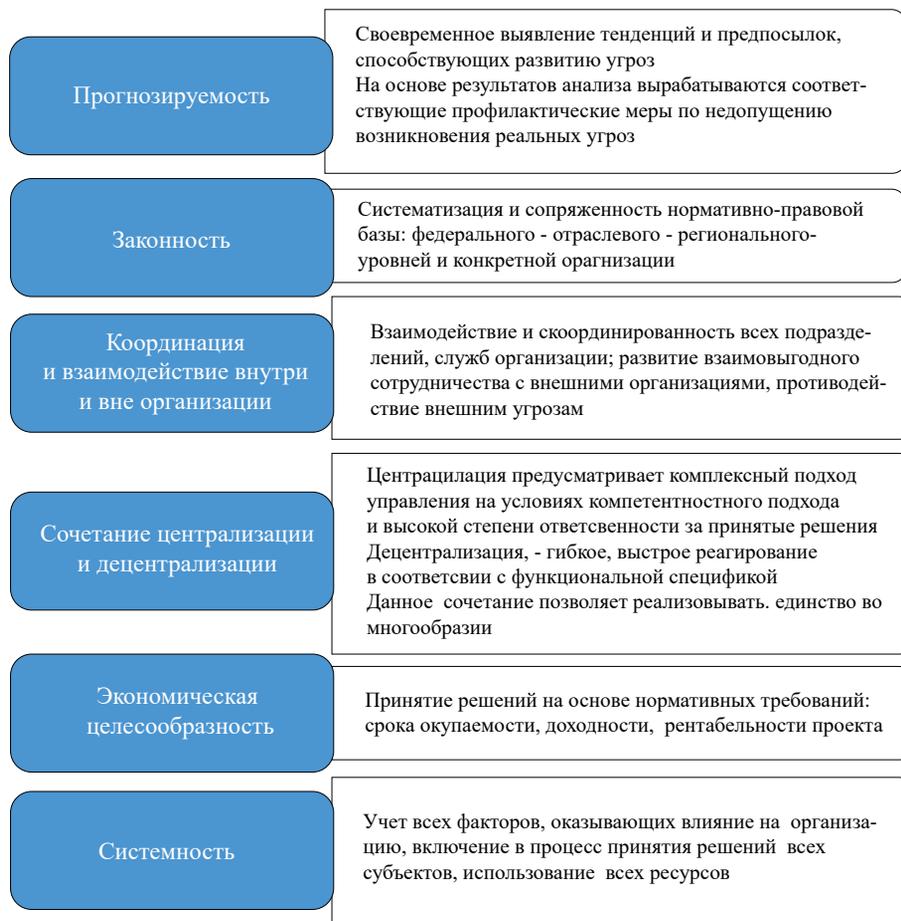
Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Этапы интеграционного развития корпоративных структур

В свою очередь, ключевые преобразования в результате реализации интеграционных, инновационных, инвестиционных и других проектов позволяют субъектам получить дополнительный эффект, который является индикатором усиления их конкурентных преимуществ на региональном и отраслевом рынках. В дальнейшем эта отличительная особенность позволит организациям перейти на более высокий уровень экономического развития, развиваться по новой, более высокой траектории жизненного цикла.

Алгоритм интеграционного развития корпоративных структур представлен на рисунке 4 [7].

Для обеспечения устойчивых позиций бизнеса, противодействия негативному влиянию факторов и угроз в ходе проектирования и управления корпоративными структурами, интегрированными в экономические системы, важно учитывать и брать во внимание принципы, в соответствии с которыми принимаются управленческие решения корпоративных структур (рис. 5).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Принципы построения и управления корпоративными структурами в условиях интеграции

Основные результаты

Очевидно, что экономическая система, осуществляющая свое развитие по принципам прогнозируемости, законности, координации и взаимодействия, централизации и децентрализации, экономической целесообразности и системности во взаимодействии с подразделениями организации и субъектами внешней среды, имеет нам более благоприятные условия для усиления конкурентных преимуществ как системы в целом, так каждого ее звена в сравнении с локальным, децентрализованным положением.

На основе предложенных направлений развития корпоративных структур с целью усиления их конкурентных преимуществ, происходит положительный сдвиг их дальнейшего развития, что, в свою очередь, положительно влияет на уровень конкурентных преимуществ, как отдельной корпорации, так и экономической системы, образованной из корпоративных структур в результате интеграции.

Заключение

На основании сравнительного анализа показано, что в результате рационализации управления, в рассмотренном случае – интеграции, удается достичь повышения уровня показателей, характеризующих усиление конкурентных преимуществ корпоративных структур. Это указывает на положительные преобразования в системе управления корпорацией. Интеграционные процессы в управлении корпоративными структурами способствуют определению вектора дальнейшего их развития, выявлению потенциальных возможностей бизнеса.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30.11.1995 г., № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8476/ (дата обращения: 23.07.2021).
2. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – Изд. 6-е, доп. – М.: Институт новой экономики, 2004. – 1376 с.
3. Акопян, Д. В., Суворов, И. А. Сравнительный анализ понятий «Конкурентоустойчивость» и «Конкурентоспособность» организаций сферы услуг // Вестник университета. – 2019. – № 4. – С. 50–54. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-50-54>
4. Лавренова, Г. А., Сысоев, С. И. Формирование конкурентных преимуществ современного предприятия // Экономинфо. – 2018. – Т. 15, № 4. – С. 34–39.
5. Лозовая, И. С. Корпоративное управление: понятие и основные подходы к его определению // Вестник АГТУ. – 2010. – № 1. – С. 84–88.
6. Марков, С. Н. Особенности управления корпорацией в Российской практике // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2015. – № 3 (15). – С. 44–49.
7. Пустынникова, Е. В. Процессы эффективного управления корпоративными структурами в экономических кластерах: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 – Ульяновск, 2012. – 365 с.
8. Родионов, М. Г., Сергущкина, А. И. Методика формирования финансовой стратегии социальной среды хозяйствующих субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2015. – № 3 (15). – С. 50–54.

References

1. Federal Law No. 190-FZ dated on November 30, 1995 “On Financial and Industrial Groups”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8476/ (accessed 23.07.2021).
2. *Big Economic Dictionary*, edited by A. N. Azriliyan, Edition 6th, added, Moscow, Institute of New Economics, 2004, 1376 p. (In Russian).
3. Akopyan D. V., Suvorov I. A. Comparative analysis of the concepts of “Competitive Stability” and “Competitiveness” of service organizations, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 4, pp. 50–54. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-50-54>
4. Lavrenova G. A., Sysoev S. I. Formation of competitive advantages of modern enterprise, *Ekonominfo*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 34–39 (In Russian).
5. Lozovaya I. S. Corporative management: concept and the basic approaches to its definition, *Vestnik of Astrakhan State Technical University*, 2010, no. 1, pp. 84–88. (In Russian).
6. Markov S. N. Features of management Corporation in the Russian practice, *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2015, no. 3 (15), pp. 44–49. (In Russian).
7. Pustynnikova E. V. *The process of effective management of corporate structures in economic clusters*: Dissertation of Doctor of Economic Sciences: 08.00.05, Ulyanovsk, 2012, 365 p. (In Russian).
8. Rodionov M. G., Sergushkina A. I. Methods formation of financial strategy social protection of economic units, *Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2015, no. 3 (15), pp. 50–54. (In Russian).

**Шинкевич Алексей
Иванович**

д-р экон. наук, д-р техн. наук,
ФГБОУ ВО «Казанский на-
циональный исследователь-
ский технологический универ-
ситет», г. Казань, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-1881-4630

e-mail: ashinkevich@mail.ru

**Антипова Ольга
Валерьевна**

канд. экон. наук, Альметьев-
ский государственный нефтя-
ной институт г. Альметьевск,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-1238-2897

e-mail: antipova01@yandex.ru

Aleksey I. Shinkevich

Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci.
(Tech.), Kazan National
Research Technological
University, Kazan, Russia

ORCID: 0000-0002-1881-4630

e-mail: ashinkevich@mail.ru

Olga V. Antipova

Cand. Sci. (Econ.), State Oil
Institute, Almet'yevsk, Russia

ORCID: 0000-0002-1881-4630

e-mail: ashinkevich@mail.ru

**УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ С УЧЕТОМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ
РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЯ**

Аннотация. Важнейшим фактором сохранения позиций российских нефтяных компаний на мировом уровне становится учет факторов изменения внешней среды и активизация внутренних резервов. Для разработки эффективных систем поддержки принятия управленческих решений необходимы новые управленческие концепции, основанные на современных достижениях теории и практики управления производством. В статье предложен подход, основанный на определении оптимальной комбинации применяемых ресурсов в производственном процессе и оценке их влияния на формирование затрат производства. Концепция управления затратами базируется на анализе, включающем специфику внутренней среды предприятия, и оценку влияния на него внешней среды. Разработана методика управления затратами, позволяющая снизить трудоемкость принятия решения и вероятность технической ошибки выбора, повысить эффективность использования ресурсов и управления затратами. Предложенный подход к формированию модели управления затратами рекомендован к использованию на предприятиях нефтяной отрасли. Он применим также для предприятий других отраслей промышленности при разработке ключевых показателей эффективности, влияющих на основные статьи затрат рассматриваемого технологического процесса.

Ключевые слова: нефтедобывающая промышленность, технологические процессы нефтедобычи, ресурсосбережение, управление затратами, инвестиционная политика, финансовые ресурсы, управленческий учет, факторы производства, структура затрат, управление ресурсами

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-010-00655.

Для цитирования: Шинкевич А.И., Антипова О.В. Управление затратами в технологических процессах с учетом реализации политики ресурсосбережения // Вестник университета. 2021. № 9. С. 103–111.

**COST MANAGEMENT IN TECHNOLOGICAL PROCESSES
TAKING INTO ACCOUNT THE IMPLEMENTATION
OF THE RESOURCE SAVING POLICY**

Abstract. The most important factor in maintaining the positions of Russian oil companies at the global level is taking into account the factors of changes in the external environment and the activation of internal reserves. The development of effective management decision support systems requires new management concepts based on current advances in production management theory and practice. The article proposes an approach based on determining the optimal combination of resources used in the production process and assessing their impact on the formation of production costs. The concept of cost management is based on an analysis, included the specifics of the enterprise's internal environment and an assessment of the external environment impact on it. A cost management methodology has been developed to reduce the labour intensity of decision-making and the likelihood of technical selection errors, and to increase the efficiency of resource use and cost management. The proposed approach to cost management model formation has been recommended for using at oil industry enterprises. It can also be applied to enterprises in other industries by developing key performance indicators that affect the main cost items of the technological process under consideration.

Keywords: petroleum industry, oil production technological processes, resource conservation, cost management, investment policy, financial resources, management accounting, production factors, cost structure, resource management

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-010-00655.

For citation: Shinkevich M.L., Antipova O.V. (2021) Cost management in technological processes taking into account the implementation of the resource saving policy. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 103–111. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-103-111

Введение

Текущее состояние рынка может создавать условия для нефтяных компаний, влияющих на снижение его итоговых показателей, поэтому необходимо исследовать новые возможности для эффективного использования всех видов ресурсов. В связи с этим важнейшим фактором сохранения позиций российских нефтяных компаний на мировом уровне становится учет факторов изменения внешней среды и активизация внутренних резервов. Постоянно меняющиеся потребности рынка, направление производства товаров и услуг в соответствии с потребностями клиентов, постоянное совершенствование технических возможностей и острая конкуренция требуют от руководства предприятий больше внимания к управлению процессами – от управления сырьевыми активами до разработки новых месторождений и ввода в эксплуатацию новых производственных мощностей. Все это находит отражение в определении формирования и управления инвестиционной политикой, финансовым положением и потенциалом компании. Следовательно, существует острая потребность в новых инструментах и технологиях, которые помогут более эффективно вести свой бизнес. Требуется более комплексный и систематический анализ эффективности всех производственных процессов и потребления ресурсов с учетом всех затрат и мер по их оптимизации.

Вопросам эффективности управления затратами предприятий особое внимание уделено в научных трудах [1; 5; 8; 17]. Классификация затрат, инновационные методы управления затратами на промышленных предприятиях находят отражение в исследованиях отечественных и зарубежных авторов [2; 7; 8; 10; 12]. Проблема реализации политики ресурсосбережения в условиях «Индустрии 4.0» стала предметом исследования работ [3; 8; 13–16].

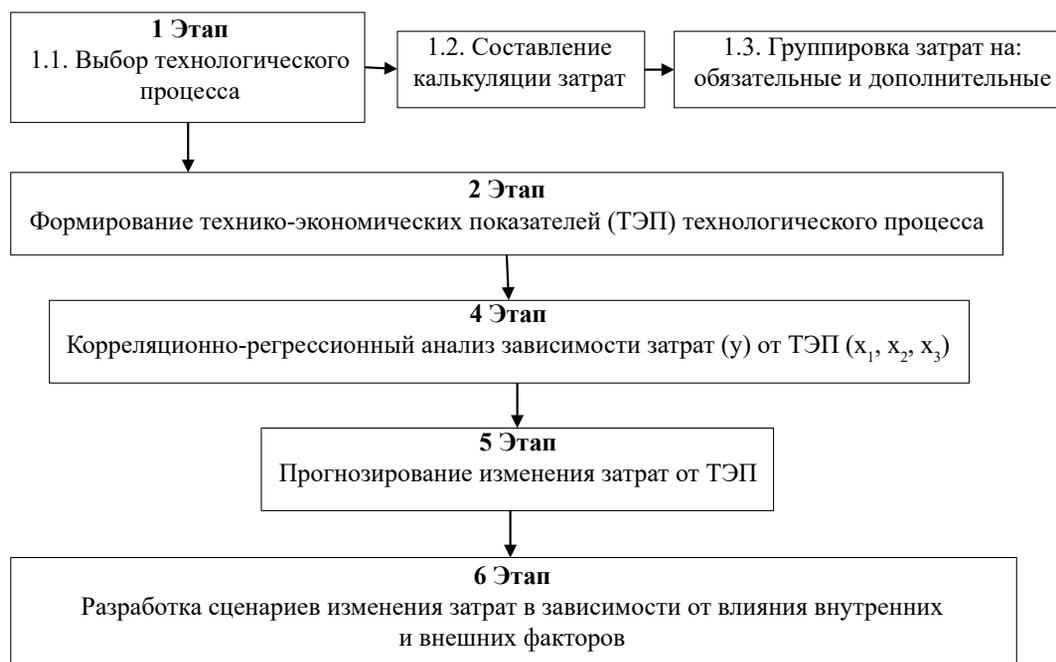
В системе управленческого учета наиболее популярными являются концепции учета затрат полной абсорбции (англ. absorption costing), расчет по переменным затратам (англ. direct-costing); ABC-костинг (англ. Activity Based Costing) – метод П. Б. Б. Терни, концепция стратегического управления затратами предприятия (SMA) и целевой расчет (англ. target costing) [4]. Исследователями в этом вопросе предлагались свои механизмы управления затратами, но при этом многие аспекты этой проблемы на сегодняшний день остаются изученными недостаточно, что подтверждает актуальность поиска наиболее точного и функционального инструментария ее оценки и эффективных механизмов ее повышения.

Роль затрат в повышении эффективности реализации политики ресурсосбережения

Инвестиционная политика компании определяет приоритетные направления инвестирования свободных денежных средств, влияя на эффективность предпринимательской деятельности и распределение затрат. Инвестиционная деятельность компании направлена на обеспечение необходимым объемом инвестиций компании, оснащения ее материально-технической базы, увеличения объемов производства, освоение новых видов деятельности. В долгосрочной стратегии развития компании необходимо контролировать инвестиционные процессы, особенно в направлении прогнозирования предполагаемых затрат и доходов, так как все это может привести к значительным рискам и потерям.

При анализе эффективности намечаемых капиталовложений, необходимо учесть множество факторов, принимая решения в принятии решения относительно альтернативных или взаимно независимых проектов. Инвестиционная политика компании определяет приоритетные направления инвестирования свободных денежных средств, влияя на эффективность компании. Внедрение различных моделей по оптимизации затрат на проведения геолого-технических мероприятий, обеспечивают устойчивое развитие вертикально-интегрированной нефтяной компании и рост ее технико-экономических показателей. В модели по управлению затратами учитываются особенности внутренней и внешней среды предприятия. Данные предоставляют информационную базу для реализации управленческих решений при разработке необходимой стратегии развития бизнеса и выработке необходимых решений. Программы управления затратами включают системы прогнозирования, планирования, анализ деятельности компании по достижению результативных показателей, устранения негативных аспектов, выявления причин их возникновения и принятия соответствующих мер для их устранения.

С целью повышения эффективности управления затратами на проведения различных видов работ, была составлена схема, дающая возможность составить методический подход, на основе которого формируются программы моделирования затрат по выбранному виду работ (рис. 1).

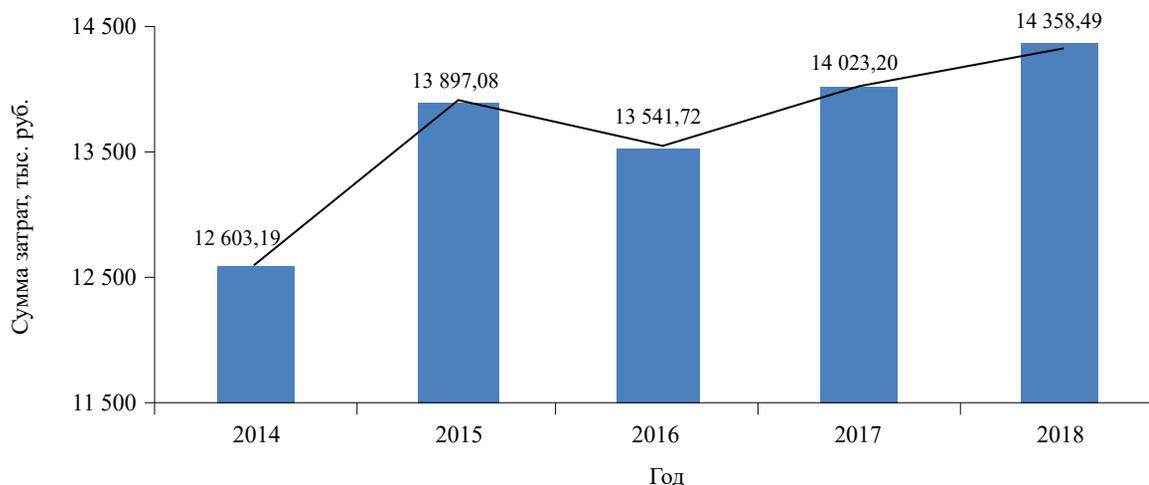

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Схема формирования методического подхода по управлению затратами

На каждом этапе идет последовательная работа по выбору ключевых параметров оценки в отношении группы затрат, что дает возможность разработать прогнозные варианты уровня затрат и технико-экономических показателей, а в завершении (6-й этап) сформировать сценарии по реализации процесса управления затратами, учитывая стратегию компании.

Рассмотрим методику управления затратами на примере процесса гидравлического разрыва пласта (далее – ГРП) в нефтяной компании ПАО «Татнефть» (на основе данных отчетов компании). Это «метод, заключающийся в создании высокопроводимого канала (трещины) в целевом пласте для обеспечения притока добываемого флюида (газ, вода, конденсат, нефть, либо их смесь) к забою скважины», увеличивает производительность скважин, однако, его эффективность не всегда высокая [6; 9]. Следовательно, управлять процессом ГРП необходимо, опираясь на сложнейшие математические и численные модели. На рисунке 2 представлена динамика затрат на проведения ГРП.

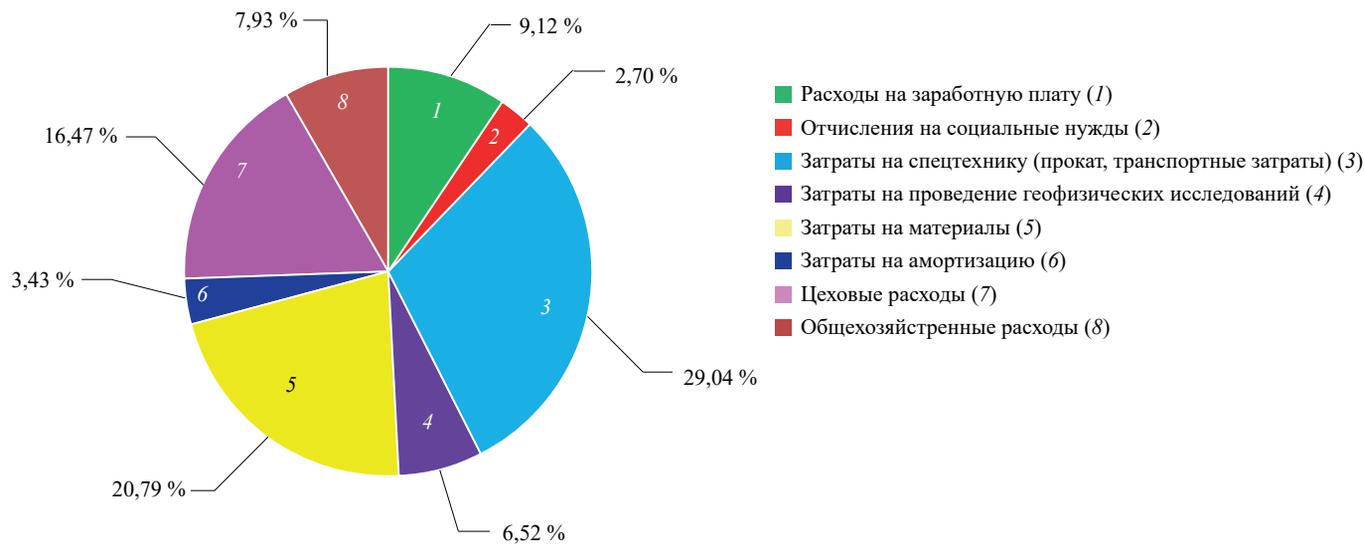

Источник: [12]

Рис. 2. Динамика затрат на гидравлический разрыв пласта в ПАО «Татнефть» за 2014–2018 гг.

Согласно предложенному графику, происходит увеличение стоимости ГРП, что обуславливает проведение мониторинга и анализ причин их повышения.

На первом этапе рассчитывают затраты на ГРП и разделяют их на обязательные и дополнительные. В компании ПАО «Татнефть» структура затрат на проведение ГРП строится по общему принципу (рис. 3).

Источник: [12]

Рис. 3. Структура затрат на гидравлический разрыв пласта в ПАО «Татнефть» за 2018 г.

Из рисунка 3 можно увидеть, что нефтяная промышленность отличается большой сложностью в проведении каждой категории видов необходимых работ по добыче нефти, где задействованы очень дорогие материалы и технологии, а также применяется специальная техника, которая может быть использована только при определенных видах работ (низкий коэффициент загрузки спецтехники и обуславливает большие транспортные затраты на ее обслуживание и использование).

На втором этапе выделяют технические и финансовых метрики оценки по выполняемой работе (табл. 1).

Таблица 1

Технико-экономические показатели по гидравлическому разрыву пласта

Технические показатели		Экономические показатели	
X_1	Дебит нефти, т	X_9	Объем жидкости разрыва, м ³
X_2	Обводненность, %	X_{10}	Толщина пласта, м
X_3	Закачка рабочего агента, м ³	X_{11}	Глубина залегания пласта, м
X_4	Проницаемость трещин призабойной зоны, мкм ²	X_{12}	Стоимость обработки, тыс. руб.
X_5	Пластовое давление, атм	X_{13}	Время эффекта, сут.
X_6	Забойное давление, атм	X_{14}	Цена 1 тонны нефти, долл./баррель
X_7	Эффективная мощность пласта, м	X_{15}	Чистый дисконтированный доход, тыс. руб.
X_8	Объем проппанта, т		

Составлено авторами по материалам исследования

На третьем этапе между всеми представленными метриками проведен корреляционно-регрессионный анализ, который дает возможность оценить зависимость всех показателей и выделить наиболее значимые для формирования затрат на выполняемые работы по ГРП (табл. 2).

Таблица 2

Значения коэффициента вариации показателей, %

Y, Y_i	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}	X_{11}	X_{12}	X_{13}	X_{14}	X_{15}
Y	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_1	0,81	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_2	0,63	0,48	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_3	0,65	0,24	0,65	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_4	0,68	0,15	0,32	0,45	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_5	0,16	0,25	0,20	0,32	0,11	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_6	0,52	0,50	0,29	0,35	0,31	0,80	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-	-
X_7	0,19	0,26	0,45	0,32	0,23	0,39	0,11	1,00	-	-	-	-	-	-	-	-
X_8	0,28	0,14	0,43	0,75	0,26	0,01	0,12	0,53	1,00	-	-	-	-	-	-	-
X_9	0,10	0,31	0,51	0,58	0,31	0,57	0,56	0,13	0,11	1,00	-	-	-	-	-	-
X_{10}	0,04	0,20	0,07	0,09	0,15	0,03	0,19	0,17	0,12	0,03	1,00	-	-	-	-	-
X_{11}	0,57	0,68	0,53	0,33	0,11	0,45	0,80	0,20	0,21	0,48	0,09	1,00	-	-	-	-
X_{12}	0,21	0,42	0,35	0,06	0,46	0,07	0,04	0,01	0,26	0,26	0,34	0,35	1,00	-	-	-
X_{13}	0,23	0,44	0,77	0,47	0,29	0,20	0,06	0,48	0,48	0,18	0,29	0,38	0,08	1,00	-	-
X_{14}	0,14	0,16	0,30	0,38	0,19	0,10	0,11	0,4	0,67	0,23	0,74	0,34	0,01	0,19	1,00	-
X_{15}	0,83	0,13	0,10	0,02	0,48	0,32	0,12	0,04	0,25	0,09	0,22	0,21	0,14	0,31	0,29	1,00

Составлено авторами по материалам исследования

На четвертом этапе были выделены метрики, имеющие самые высокие показатели влияния (более 0,80) на формируемые затраты – дебита нефти X_1 и чистый дисконтированный доход X_{15} и составлена формула, для вычисления прогнозных значений на будущий период:

$$Y = 2525,485X_1 + 0,15471X_{15}. \quad (1)$$

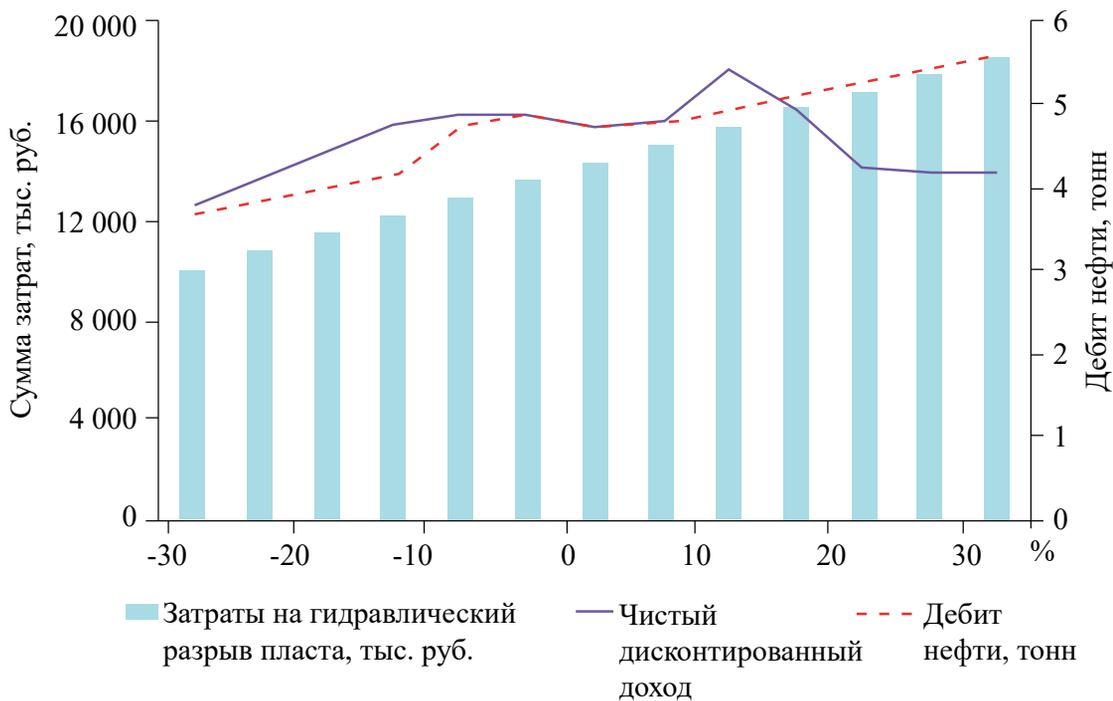
На пятом этапе была составлена прогнозная модель в программе Excel при помощи статистического инструмента «Предсказ». Эта модель дает возможность наглядно показать различные варианты сочетания трех параметров: затрат на ГРП, дебита нефти и чистого дисконтированного дохода (рис. 4).

Надо отметить, что для формирования прогнозных значений на будущий период устанавливались технико-экономические показатели за предыдущий период и шаг для сценарных вариантов – 5 %.

Результаты построенной графической модели показывают:

- снижение затрат на проведение работ по ГРП на 15 % приведет и к сокращению добычи на 11,8 % и чистого дисконтированного дохода на 0,1 %;
- увеличение затрат на проведение работ по ГРП на 15 % приведет к увеличению добыча нефти на 8,3 % и росту чистой приведенной прибыли на 4,3 %;
- если стоимость гидроразрыва увеличивается более чем на 15 %, можно ожидать снижение доходности, поэтому необходимо более тщательно разработать программы по увеличению добычи. Что касается полученных результатов, лучше всего для компании запланировать изменение стоимости в интервале от -15 % до 15 %.

Такой подход дает возможность разработать комбинацию сочетания используемых ресурсов и определить предельную норму замещения одного применяемого ресурса другим (при сохранении или, возможно, повышении эффективности проекта, выбор происходит в пользу ресурса, который, при прочих равных обстоятельствах, демонстрирует более высокую экономическую отдачу, что определяет принятие решения). В результате могут быть созданы условия для реализации стратегии устойчивого развития компании.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Варианты соотношения показателей затрат и результирующих показателей

Обобщение приведенных выше результатов, места затрат в управлении ресурсами в аспекте ресурсосбережения представлены на рисунке 5.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Место затрат в управлении ресурсами в аспекте ресурсосбережения

С нашей точки зрения, в производственном процессе, особенно для предприятия, работающего по принципу «бережливости», рассматриваются не только затраты/потери, имеющие за собой экономическую оценку, но и иные виды потерь, которые не всегда имеют стоимость, но учитываются при создании ценности продукта. Авторы предлагают рассматривать ресурсосбережение как:

- мероприятия по повышению эффективности использования факторов производства. В результате этого в компаниях разрабатывают мероприятия, направленные на управление затратами с целью максимизации возможностей по получению экономической выгоды от задействованных в производстве (производственные ресурсы) и потреблении (потребительские ресурсы);
- процесс сокращения объемов потребления ресурсов. В этом контексте под ресурсосбережением понимают «ресурсоемкость», то есть процесс снижения потребления производственных ресурсов – это только одна его функция;
- деятельность менеджмента компании, направленную на рациональное потребление всех видов ресурсов. Такую позицию в отношении ресурсосбережения приравнивают к комплексу мероприятий по управлению затратами, то есть ресурсы рассматривают только экономические и, следовательно, управление возможно только теми ресурсами, которые имеют стоимостную оценку, иные их виды в этом случае не подпадают под управление из-за невозможности рассчитать экономический эффект.

Заключение

Таким образом, создание эффективной управленческой системы предприятия, обеспечивающей достижение экономических целей и позволяющей своевременно выявлять негативные тенденции, определять причины их появления и принимать меры по их устранению, основывается на грамотном управлении затратами, что становится возможным посредством формирования единого информационного пространства и создания системы поддержки принятия решений.

Разработанная методика управления затратами позволяет снизить трудоемкость принятия решения и вероятность технической ошибки выбора, повысить эффективность управления затратами, что в целом приводит к повышению эффективности использования ресурсов. Предложенный подход к формированию модели управления затратами рекомендован к использованию на предприятиях нефтяной отрасли, а также может применяться для предприятий других отраслей промышленности при разработке ключевых показателей эффективности, влияющих на основные статьи затрат рассматриваемого технологического процесса.

Библиографический список

1. Арсеньева, Н. В., Путятин, Л. М., Углова, Л. А. Эффективность управления затратами предприятия в современных условиях // Вестник университета. – 2020. – № 6. – С. 5–10. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-5-10>
2. Барина, О. И., Юренина, Т. Г. Классификация затрат: управленческий подход // Молочно-хозяйственный вестник. – 2014. – № 1 (13). – С. 91–97.
3. Барсегян, Н. В. Специфика бережливой организации структуры управления нефтехимическим предприятием // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2020. – № 2 (94). – С. 100–106.
4. Быстров, В. А., Дьяков, П. К., Уманец, А. Г. Управление затратами – реальный рост прибыли // Вестник Сибирского государственного индустриального университета. – 2013. – № 1 (3). – С. 53–57.
5. Клейман, А. В., Чернявская, Н. В. Проблемы управления затратами промышленных предприятий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 3 (288). – С. 50–63
6. Колесов, В. И. Влияние геолого-технологических факторов на эффективность применения технологии ГРП // Научное сообщество студентов XXI столетия. – 2017. – С. 47–49.
7. Лозовская, Я. Н., Грабская, Е. П., Богдан, И. М. Оценка эффективности применения концепции стратегического управления затратами предприятия // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2017. – № 11. – С. 158–167.
8. Польшалина, Н. Б., Польшалин, В. В. Инновационные методы управления затратами на производственных предприятиях // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 352–363.
9. Свидло, А. И. Последовательность этапов управления затратами предприятия в нестабильных рыночных условиях // Современные технологии управления. – 2015. – № 6 (54). – С. 55–60.

10. Степанова, Г. С. Газовые и водогазовые методы воздействия на нефтяные пласты. – М.: ГАЗОИЛ ПРЕСС, 2013. – 199 с.
11. Хвостикова, В. А. Модель выбора метода управления затратами промышленного предприятия // Организатор производства. – 2017. – Т. 25, № 4. – С. 44–56.
12. Официальный сайт ПАО «Татнефть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tatneft.ru/> (дата обращения: 22.07.2021).
13. Henriques, J., Catarino, J. Sustainable value – An energy efficiency indicator in wastewater treatment plants // *Journal of Cleaner Production*. – 2017. – V. 142. – Pp. 323–330. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.173>
14. Shepvalova, O. V. Energy saving, implementation of solar energy and other renewable energy sources for energy supply in rural areas of Russia // *Energy Procedia*. – 2015. – V. 74. – Pp. 1551–1560.
15. Shinkevich, A. I., Barsegyan, N. V., Shinkevich, M. V., Ostanina, S. S., Galimulina F. F., M. E. Nadezhdina, M. E. Reserves for improving the efficiency of petrochemical production on the basis of “Industry 4.0” // *E3 Web of Conferences. International Scientific and Technical Conference Smart Energy Systems*. – 2019. – V. 124, No. 10. – Pp. 04006. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201912404006>
16. Shinkevich, A. I., Barsegyan, N. V., Petrov, V. I., Klimenko, T. I. Transformation of the management model of a petrochemical enterprise in the context of industry 4.0 challenges // *E3S Web of Conferences*. – 2021. – 296. – 06008. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129606008>
17. Woods, M., Taylor, L., G. Ch. Ge Fang, G. Ch. Electronics: A case study of economic value added in target costing // *Management Accounting Research*. – 2012. – V. 23, No. 4. – Pp. 261–277. <https://doi.org/10.1016/j.mar.2012.09.002>
18. Zhu, W., Zhuang, Y., Zhang, L. A three-dimensional virtual resource scheduling method for energy saving in cloud computing // *Future Generation Computer Systems*. – 2017. – V. 69. – Pp. 66–74. <https://doi.org/10.1016/j.future.2016.10.034>

References

1. Arsenieva N. V., Putyatina L. M., Uglova L. A. Efficiency of enterprise cost management in modern conditions, *Vestnik universiteta*, 2020, no. 6, pp. 5–10. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-5-10>
2. Barinova O. I., Yureneva T. G. Costs classification: management approach, *Molochnokhoziystvenny Vestnik*, 2014, no. 1 (13), pp. 91–97. (In Russian).
3. Barsegyan N. V. Specifics of lean organization of the petrochemical enterprise management structure, *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Science*, 2020, no. 2 (94), pp. 100–106. (In Russian).
4. Bystrov V. A., Diakov P. K., Umanets A. G. Cost management – real profit growth, *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo industrialnogo universiteta*, 2013, no. 1 (3), pp. 53–57. (In Russian).
5. Kleiman A. V., Chernyavskaya N. V. Problems of cost management of industrial enterprises, *National Interests: Priorities and Security*, 2015, vol. 288, no. 3, pp. 50–63. (In Russian).
6. Kolesov V. I. The influence of geological and technological factors on the effectiveness of the use of hydraulic fracturing technology, *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya*, 2017, pp. 47–49. (In Russian).
7. Lozovskaya Ya. N., Grabskaya E. P., Bogdan I. M. Evaluation of efficiency of strategic cost management control concept in industry, *Mining Informational Analytical Bulletin*, 2017, no. 11, pp. 158–167. (In Russian).
8. Polygalina N. B., Polygalin V. V. Innovative methods of costs control management at manufacturing companies, *Perm National Research Polytechnic University Sociology and Economics Bulletin*, 2016, no. 4, pp. 352–363. (In Russian).
9. Svidlo A. I. The sequence of stages of enterprise cost management in unstable market conditions, *Modern Management Technology*, 2015, vol. 54, no. 6, pp. 55–60. (In Russian).
10. Stepanova G. S. *Gas and water-gas methods of influence on oil reservoirs*, Moscow, GAZOIL PRESS, 2013, 199 p. (In Russian).
11. Khvostikova V. A. The model of selecting the method of cost management at an industrial enterprise, *Organizer of Production*, 2017, vol. 25, no. 4, pp. 44–56. (In Russian).
12. Official website of PJSC Tatneft'. Available at: <https://www.tatneft.ru/> (accessed 22.07.2021).
13. Henriques J., Catarino J. Sustainable value – An energy efficiency indicator in wastewater treatment plants, *Journal of Cleaner Production*, 2017, vol. 142, pp. 323–330. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.173>
14. Shepvalova O. V. Energy saving, implementation of solar energy and other renewable energy sources for energy supply in rural areas of Russia, *Energy Procedia*, 2015, vol. 74, pp. 1551–1560.
15. Shinkevich A. I., Barsegyan N. V., Shinkevich M. V., Ostanina S. S., Galimulina F. F., Nadezhdina M. E. Reserves for improving the efficiency of petrochemical production on the basis of “Industry 4.0”, *E3 Web of Conferences. International Scientific and Technical Conference Smart Energy Systems*, 2019, 04006. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201912404006>

16. Shinkevich A. I., Barsegyan N. V., Petrov V. I., Klimenko T. I. Transformation of the management model of a petrochemical enterprise in the context of industry 4.0 challenges, *E3S Web of Conferences*, 2021, 296, 06008. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202129606008>
17. Woods M., Taylor L., Fang Ge G. Ch. Electronics: A case study of economic value added in target costing, *Management Accounting Research*, 2012, vol. 23, no. 4, pp. 261–277. <https://doi.org/10.1016/j.mar.2012.09.002>
18. Zhu W., Zhuang Y., Zhang L. A three-dimensional virtual resource scheduling method for energy saving in cloud computing, *Future Generation Computer Systems*, 2017, vol. 69, pp. 66–74. <https://doi.org/10.1016/j.future.2016.10.034>

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

УДК 338.48 - 027.31

JEL L83

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-112-121

Замятина Наталья

Александровна

канд. филол. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8184-6304

e-mail: na_zamyatina@guu.ru

Збарская Анна Владимировна

ст. преп., ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7380-2977

e-mail: av_zbarskaya@guu.ru

СПЕЦИФИКА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТУРИЗМЕ ЭПОХИ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Постоянное обновление данных о современных тенденциях и перспективах развития, потребительских предпочтениях и инновационных решениях в сфере туристических услуг требует гибкости и комплексного комбинированного подхода по agile-методологии с двусторонней разработкой контента и его вербальной составляющей и компактной упаковки новых знаний. При этом выбор прецедентных источников профессионально-тематического аспекта лингвистического знания подчиняется принципам интеграционного обучения и функциональной обусловленности для последующей реализации деятельностно-коммуникативных потребностей будущих специалистов сферы международного гостинично-туристического бизнеса. Результаты исследования динамических изменений бизнес-моделей и терминологии в туризме представлены в виде матрицы, учитывающей факторы влияния, появление новых групп потребителей и бизнес-моделей.

Ключевые слова: инновации в туризме, agile-методология, управление знаниями, потребительские предпочтения в туризме, тенденции развития туризма, туристская терминология, новые виды туризма, новые бизнес-модели в туризме, импакт-факторы в туризме, новая реальность

Для цитирования: Замятина Н.А., Збарская А.В. Специфика инновационной деятельности в туризме эпохи новой реальности // Вестник университета. 2021. № 2. С. 112–121.

Natalya A. Zamyatina

Cand. Sci. (Philol.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-8184-6304

e-mail: na_zamyatina@guu.ru

Anna V. Zbarskaya

Senior lecturer, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7380-2977

e-mail: av_zbarskaya@guu.ru

THE SPECIFICS OF INNOVATION IN TOURISM IN THE NEW NORMAL

Abstract. Continuous data update on current trends and development perspectives, consumer preferences and innovative solutions in Travel & Tourism requires flexibility and a complex integrity-based approach using Agile and simultaneous development of the content and its verbal component, and compact packaging of new knowledge. The choice of precedent sources of professional and thematic aspect of linguistic knowledge is subject to the principles of integration teaching and functional conditionality for further realisation of activity-communicative needs of future specialists in international hotel-tourism business. The research findings in changing tourism business models and terminology are packed in a cumulative matrix of impact factors, newly formed customer segments and emerging business models.

Keywords: innovations in tourism, agile, knowledge management, consumer preferences in tourism, tourism development trends, tourism terminology, new types of tourism, new business models in tourism, impact factors in tourism, new normal

For citation: Zamyatina N.A., Zbarskaya A.V. (2021) The specifics of innovation in tourism in the new normal era. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 112–121. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-112-121

Введение

Несмотря на сокращение оборота из-за пандемии COVID-19 с 2020 г., туризм остается одной из активно развивающихся отраслей, привлекая к сотрудничеству организации микро, малого, среднего и крупного бизнеса, правительства разных стран, академические институты, стартапы, бизнес-акселераторы и инкубаторы и остро нуждаясь в постоянном обновлении. Для мониторинга происходящих изменений и компактной

© Замятина Н.А., Збарская А.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zamyatina N.A., Zbarskaya A.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

упаковки новых знаний в процессе подготовки специалистов сферы международного гостинично-туристического бизнеса применим комплексный подход с построением матрицы факторов, оказывающих влияние на развитие туризма, перемен в предпочтениях потребителей и инновационных решений в сфере туристических услуг. Особенностью источников по инновационному развитию туризма является обилие непереводаемых материалов на иностранном языке и неразработанность терминологии на русском языке, что требует билингвального подхода. Помимо этого, иностранные источники содержат прогнозирование тенденций развития отрасли с опорой на анализ данных интернет-запросов и бронирований с неравномерным географическим охватом потребителей туристических услуг, и таким образом регулируют изучение страноведческого аспекта вокруг центрального понятия. Выбор прецедентных источников для образовательных целей подчиняется принципу функциональной обусловленности для последующей реализации деятельностно-коммуникативных потребностей будущих специалистов [2; 3]. Все указанные особенности источников профессионально-тематического аспекта лингвистического знания обуславливают необходимость особого подхода – двусторонней разработки контента и его вербальной составляющей на основе учебно-методической литературы, научных статей, специализированных профессиональных отчетов, информационно-познавательного контента веб-сайтов и цифровых медиа и его реализации с использованием интерактивных методов, среди которых наиболее важное место занимают case-метод и проектное обучение.

Целью настоящей публикации является исследование методологии мониторинга инновационной деятельности и формирование профессиональной терминологии в туризме. В задачи исследования входит разработка рабочей схемы для использования в образовательном процессе международных программ по гостеприимству.

Материалы исследования

Типология инноваций

С момента зарождения туризм постоянно эволюционирует и усложняется вслед за изменениями технологий и потребностей человеческого общества, оставаясь при этом мощным средством влияния на формирование и самоопределение личности. В основе изменений с точки зрения рынка и технологий, согласно теории менеджмента, находятся четыре основных типа инноваций, которые:

- вносят постепенные изменения в существующий продукт, сервис или процесс (англ. incremental innovation);
- производят замену существующего продукта, сервиса или процесса (англ. disruptive innovation);
- представляют собой новый способ получения дохода, основанный на передовых технологиях (англ. radical innovation);
- заимствуют готовую структуру бизнес-модели для применения на новом рынке (англ. architectural innovation) [1; 4; 9–12].

Матрица инноваций, впервые предложенная в 1990 г. [9], адаптируется под особенности эволюции бизнес-моделей в туризме (рис. 1).

К инновациям относятся новые идеи или устройства, методы управления (стратегии, системы и структуры), а также открытые инновации (англ. open innovation), подразумевающие межотраслевой характер проектов или международное сотрудничество. Для управления инновациями применяется модель 4П (англ. 4P model of innovation):

- парадигма, или бизнес-модель (англ. paradigm);
- процессы управления (англ. process);
- позиционирование продукта (англ. position);
- продукт (англ. product) [12].

Открытые инновации являются наиболее перспективными, так как открывают возможности дальнейшего развития задействованных отраслей, и, по наблюдениям за деятельностью международных компаний, включают:

- сбор средств на создание продукта/услуги на специальной платформе;
- коллаборацию брендов;
- участие сообщества конечных потребителей в создании продукта/услуги;
- акселерацию идей;

- создание нового продукта по идеям сообщества конечных потребителей;
- мотивацию конечных потребителей;
- проведение хакатонов для генерации новых идей;
- привлечение молодежи;
- обмен идеями в большом сообществе;
- привлечение потребителей к созданию новых продуктов/услуг;
- создание открытых платформ для извлечения выгоды.

Бизнес-модели	Новые	Структурные (<i>Architectural innovation</i>)	Радикальные (<i>Radical innovation</i>)
	Существующие	Постепенные (<i>Incremental innovation</i>)	Прорывные (<i>Disruptive innovation</i>)
		Существующие	Новые
		Технологии	

Источник: [9]

Рис. 1. Двухмерная матрица инноваций

Факторы, оказывающие влияние на развитие туризма

Многие тенденции в туризме последних лет основаны на общих изменениях в поведении клиентов в эпоху цифровизации, перехода к экономике осознанного потребления, устойчивого развития и экономике впечатлений. К ним относятся, в частности, растущий спрос на использование цифровых технологий и персонализацию обслуживания. Применение инноваций помогает поддерживать репутацию туристического сектора во многих странах, продвигать идею путешествий, увеличивая спрос туристов на нишевой туристический продукт и качество получаемых во время поездки впечатлений.

К решающим факторам, оказывающим влияние на развитие туризма в XXI в., согласно прогнозу признанного в мировом сообществе футуролога Р. Хаммонда, относятся:

- взрывной асимметричный рост населения планеты, который по прогнозам к 2040 г. достигнет 8,5 млрд человек;
- изменения климата и связанные с ним глобальное потепление и природные аномалии;
- революция в энергетике в связи с использованием возобновляемых источников энергии;
- глобализация;
- быстрое экспоненциальное развитие информационных технологий;
- бедность почти 25 % населения планеты;
- революционное развитие медицины [8].

Помимо смены поколений и выхода на рынок smart-поколения – так называемых цифровых мигрантов (поколения X, Y) и цифровых аборигенов (поколение Z), происходит учащение природных катастроф (в их числе пандемия COVID-19) и формируется экологичное мышление с постепенным отказом от потребительства в пользу так называемой экономики впечатлений (англ. *experience economy*). В связи с тем, что последствия пандемии COVID-19 затронули все сферы социальной и экономической жизни и наступила эпоха непредсказуемой, неожиданной, кардинально отличающейся от прежних условий существования ситуации, которая, ве-

роятно, продлится неопределенно долгое время и станет со временем обычной или типовой, было актуализировано понятие о новой реальности. Термин «новая реальность» (англ. new normal), уже применявшийся для описания социально-экономических установок после кризиса Первой мировой войны, атак 11 сентября 2001 г., финансового кризиса 2008 г. и мировой рецессии 2008–2012 гг., вновь прозвучал на Всемирном экономическом форуме в Давосе в период пандемии COVID-19 26 сентября 2020 г. [13]. Для уточнения парадигмы действий эпоха социальной напряженности и быстрых технологических изменений последних лет получила обозначение через военный термин времен конца холодной войны – «мир VUCA» (от англ. volatility – «изменчивость», uncertainty – «неопределенность», complexity – «сложность», ambiguity – «неоднозначность») [14]. Для времени VUCA характерен высокий риск эмоционального выгорания и синдрома хронической усталости у работников из-за увеличения нагрузки, работы под давлением, постоянного стресса, суеты и отсутствия креативности на рабочем месте. В 2021 г. отмечается резкая реакция социума на кардинальные изменения в демографии, экологии, экономике и технологиях: происходит объединение людей в сообщества по принципу религиозной, этнической и культурной принадлежности и группы по интересам на фоне общего распада общества, роста напряженности в отношениях человек-государство из-за ограниченных возможностей последнего противостоять нарастающим изменениям и отсутствия единого лидера при увеличении числа влиятельных игроков на международном уровне [7].

Варианты инноваций в туризме

Путешествие является высокоэффективным средством эмоциональной перезагрузки: выход из зоны комфорта, поиск новых знаний и впечатлений, преодоление препятствий и совершение непривычных действий, которые воспринимаются, как настоящий подвиг, принятие быстрых решений в непредвиденных ситуациях, осуществление контактов с внешним миром – все это приводит к трансформации личности и формированию новой идентичности, помогает человеку лучше понять свою и другие культуры. С точки зрения философии, развитие научного знания в XIX в. привело к утрате в европейской культуре четкой системы мифологических и религиозных ориентиров и в итоге – к кризису идентичности. Отсюда происходит стремление к движению в современной западной культуре. Путешествие становится не только признаком статуса, но и частью процесса самообразования и самоопределения.

Расчетный рост годового оборота в туризме до 1,8 млрд туристов к 2040 г. предполагает повышение интереса к путешествиям и необходимость разработки концепта «человек путешествующий». Глобализация туризма выражается в постепенном переходе к формату мировой техно-экосистемы с единым информационным пространством и борьбой с негативными последствиями массового туризма – овертуризмом (англ. overtourism).

Изменение климата и его последствия – глобальное потепление и природные аномалии, энергетическая революция (англ. energy revolution) в связи с переходом на возобновляемые источники энергии и формирование концепта экологичного мышления (англ. sustainability) привели к трансформации потребителей редкой и дорогой эко-продукции в потребителей, учитывающих способы производства, транспортировки и дистрибуции продуктов и услуг (англ. green pressure, eco interventionists) и появлению движения осознанного туризма (англ. sustainable tourism), для которого характерно ощущение вины вследствие пользования неэкологичными средствами для путешествий и стремление к минимализму и мудрой трате денежных средств с целью оказать положительное влияние на местное сообщество. Актуализация поговорки «Лучше меньше, да лучше» приводит к отказу от роскоши и запросу на минималистичные виды туризма.

Переход к дистанционным видам деятельности в связи с развитием мобильного интернета, а также ограничения в передвижении и нестабильность рынка занятости из-за пандемии вызвали изменения в поведенческих моделях путешественников и рост потребности в гибком подходе к предложению туристических услуг. Помимо уже сложившихся категорий – all-inclusive – клиентов массового туризма, участников группового экскурсионного туризма и активного отдыха, а также самостоятельных путешественников индивидуального туризма появились одиночные путешественники (англ. solo travellers) и «цифровые кочевники» (англ. digital nomads). Новые форматы путешествий отвечают современным потребностям в быстрой перезагрузке и свободе комбинирования – отпуск недалеко от дома (англ. staycation), микроотпуск (англ. microcation) и гибкий отпуск (англ. flexcation).

Если у привычных категорий путешественников получает распространение идея более частых, чем раньше, коротких поездок недалеко от дома для отвлечения от рутины, перезагрузки и исследования чего-то нового за непродолжительное время без большого ущерба для кошелька, то специфика требований

со стороны цифровых кочевников требует более детальной разработки и создания гибкой бизнес-модели для организации путешествий, получившей наименование flexcation (англ. flexcation – «гибкий отпуск»). Еще в 2018 г. исследование ведущего онлайн турагентства Expedia показало, что путешествующие с деловой целью совершают в среднем 6 поездок в год и что 60 % деловых поездок были продлены с намерением отдохнуть [6]. Сочетание деловой поездки и отдыха получило специфическое непереводаемое наименование bleisure (от англ. business + leisure – «бизнес» + «досуг»). Обладающие свободой передвижения благодаря дистанционной форме профессиональной деятельности, цифровые кочевники сочетают работу с путешествием и испытывают потребность в гостиничных услугах на длительный срок. Помимо аренды апартаментов или бронирования проживания в хостеле или отеле их может заинтересовать коливинг (от англ. coliving – «совместное проживание»), который отличается от хостела наличием индивидуального номера (спальни) для кратко- или долгосрочного проживания и общего пространства для приготовления и приема пищи, общения, игр или работы, с наличием всех необходимых аксессуаров, оборудования и выхода в интернет, и при этом имеет интересное дизайнерское решение.

Выход на рынок smart-поколения потребителей, свободно использующего цифровые технологии и демонстрирующего экологичное и толерантное мышление, стремление к индивидуальности, уникальности приобретенного товара или услуги и безразличие к статусности покупки, требует новых стандартов обслуживания в туризме:

- физической и информационной доступности туристических объектов (англ. accessibility);
- персонализации туристических услуг (англ. personalization; от лат. persona – «маска», «личность» и facere – «делать», то есть «создавать свое лицо»);
- внимания к проблематике молодежного рынка (англ. young markets, youth travel);
- обеспечения возможностей для самовыражения потребителей и поддержки стремления потребителей быть самими собой (англ. self-creations): выстраивании индивидуальной идентичности и соответствующего стиля жизни, в котором потребительские модели не определяются стереотипами – возрастом, полом, местонахождением, семейным статусом и др.

Изменение климата и пандемия COVID-19 явились причиной смены приоритетов и постепенного отхода от материального потребительства к модели осознанного потребления (англ. sustainable consumption). «Экономика впечатлений» (англ. experience economy) оказывает влияние на формирование предложений по замене материальных статусных показателей путешествия на получение ярких нематериальных впечатлений и их фото- и видео-фиксацию, зачастую с использованием дополнительных услуг профессионального фотографа. Во времена нестабильности и неопределенности возрастает потребность в:

- переключении внимания на уникальное яркое впечатление от посещения необычных мест – «подземного туризма» и «темного туризма» (англ. underground tourism, dark tourism);
- личном необычном положительном эмоциональном переживании, возможном при полном погружении, или иммерсивности, в непривычных обстоятельствах, что вызывает изменения в модели приключенческого туризма (англ. motion based travel, adventure travel), основанного на активном передвижении и испытании физических возможностей участников (англ. experiential travel, immersion travel);
- возможности успеть воспользоваться моментом получить все здесь и сейчас. Стремление к экономии всегда выражалось в максимальном наполнении программы путешествия и жестком графике передвижения между объектами. Эта тенденция актуализируется с изменениями: путешествие становится короче, в одной поездке совмещаются два и более географических пункта (англ. multi-location travel) и разные виды отдыха, например, экскурсионный и пляжный/походный;
- отрешении от суеты и погружении в тишину (англ. quiet getaway);
- неспешном погружении в быт и реальность новой местности (англ. slow travel);
- принятии спонтанное решение о путешествии (англ. last-minute travel);
- получении ярких впечатлений из сферы культуры. Сотрудничество музеев с туристическими компаниями выливается в поездки на фестивали, выставки, археологические раскопки (англ. art-tourism). Сложным проектом сотрудничества является воссоздание древних паломнических маршрутов (Via Dolorosa, «Путь святого Иакова») и маршрутов путешествий по следам литературных героев («Путешествие по следам Одиссея»);

– возможности для самовыражения (англ. self-creations) – выстраивания собственной индивидуальной идентичности и соответствующего стиля жизни, в котором потребительские модели не определяются стереотипами – возрастом, полом, местонахождением, семейным статусом и др.

Анализ результатов

Результаты анализа материалов исследования представлены ниже в виде рабочей схемы (табл. 1).

Таблица 1

Примеры проблематики инновационной деятельности в туризме

Факторы влияния	Новые категории потребителей	Инновационная деятельность
<i>Глобализация (англ. Globalization)</i>		
Единое информационное пространство мирового туризма (англ. Global tourism)	-	Техно-экосистема мирового туризма (англ. Global Tourism techno-ecosystem)
Рост спроса на путешествия	«Человек путешествующий»	Диверсификация туристических услуг (англ. Diversification)
<i>Демографические факторы (англ. Demography)</i>		
Рост туристического оборота (1,8 млрд туристов в год к 2040 г.)	-	Борьба с негативными последствиями массового туризма – овертуризмом (англ. Overtourism)
65+ (12 % к 2030 г.)	-	Возрастной туризм (англ. Senior Tourism)
Smart-поколение	Поколения Y (с 1984 г.р.), Z (с 2000 г. р.).	Молодежный туризм (англ. Young Markets, Youth Travel) Гибкость в организации туристических услуг (англ. Agility) Аренда проживания без посредников Airbnb (от англ. AirBed&Breakfast – «надувной матрас и завтрак») Аренда транспорта по модели каршеринга (от англ. Car-sharing)
<i>Развитие технологий (англ. Technology Development)</i>		
Цифровизация экономики (англ. Digitalization)	-	Автоматизация и цифровизация сервиса (англ. Digital Guest Experiences) Бесконтактная оплата (англ. Contactless Payments) Мобильная регистрация (англ. Mobile Check-in); Биометрия (англ. Biometrics) Голосовое управление (англ. Voice Control)
Искусственный интеллект (AI)	-	Роботизация отеля (англ. Smart-hotel, Robot Staff) Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR) Чат-бот сервис (англ. Chatbot)
Развитие мобильного интернета (англ. Mobile Internet)	-	Онлайн продажа туристических услуг (англ. Online Travel Agency, OTA)

Факторы влияния	Новые категории потребителей	Инновационная деятельность
Революционное развитие медицины	-	Медицинский туризм (англ. Medical Tourism)
Цифровой маркетинг (англ. Digital Marketing) и расширение роли социальных сетей (англ. Civil Media)	-	Всеканальность (англ. Omnichannel Marketing) Собственная система расчетов с пользователями с помощью кредитов за предоставленную информацию или криптовалюты (англ. Brand Coins)
Борьба с фейковыми новостями	Цифровые кочевники (англ. Digital Nomads).	Развитие персональных онлайн брендов (англ. Brand avatar, Online brand personality) Гибкий отпуск (англ. Flexcation) Коливинг (англ. Coliving) Сочетание работы и отдыха во время поездки (англ. Bleisure Travel)
<i>Изменение климата (Climate Change)</i>		
Ценность общения с природой	-	Эко-отели (англ. Eco-hotel) Сельский туризм (англ. Rural Travel)
Энергетическая революция (англ. Energy Revolution)	-	Борьба за чистый воздух (англ. Air Time)
Экологичное мышление осознанного потребления (англ. Sustainability)	«Зеленые» потребители (англ. Green Pressure, Eco Interventionists).	Осознанный туризм (англ. Sustainable Tourism); Политика экологичности и устойчивого развития (англ. Sustainable Hotel) Скоростные поезда (англ. Speed Train) Веган-путешествие (англ. Vegan Travel) Nakation (от англ. naked и vacation – «отдых в обнаженном виде»)
Гуманизм и толерантность (англ. Humanization & Tolerance)	-	Доступная среда (англ. Accessibility)
Экономика шеринга (англ. Sharing Economy)	-	Каршеринг (англ. Car-Sharing)
Экономика впечатлений (англ. Experience Economy)	-	Персонализация сервиса (англ. Metamorphic Design, Personalization) Туризм личных впечатлений (англ. Experience Tourism) Туземный туризм, или джайлоо-туризм (англ. Indigenous Travel) Подземный туризм (англ. Undertourism Tourism) – посещение подземных природных и инженерных сооружений Черный туризм (англ. Dark Tourism) – посещение необычных мест, связанных с произошедшей трагедией или катастрофой Арт-туризм (англ. Art Tourism) – поездка ради посещения какого-то исключительного яркого события – юбилейной выставки, фестиваля, дизайнерского показа и др. Приключенческий иммерсивный туризм (англ. Adventure Travel, Experiential Travel) Поддержка стремления потребителей быть самими собой (англ. Self-creations)

Факторы влияния	Новые категории потребителей	Инновационная деятельность
<i>Кризис, вызванный пандемией нового коронавируса COVID-19 (COVID-19 pandemic-related crisis)</i>		
-	-	Вакцинный туризм (англ. Vaccine Tourism)
Ограничения в передвижении	-	Staycation (англ. Staycation)
Обеспечение безопасности	-	Меры безопасности COVID-19 (англ. COVID-19 free) Вакцинный паспорт (Vaccination Passport) Микроотпуск (Microcation, Tiny Travel)
<i>Мир VUCA – нестабильность, неопределенность, сложность и неоднозначность (VUCA-world)</i>		
-	-	Поездка в последнюю минуту (Last-Minute Trip)
-	-	Комбинированный тур (Multi-Location Travel).
Проблема выгорания (англ. The Burnout)	-	Лечебно-оздоровительный туризм (англ. Wellness Tourism) Поездка за тишиной (англ. Quiet Getaway) Семейное путешествие (англ. Family Travel) Активный отдых (англ. Motion Based Travel) Иммерсивный приключенческий туризм (англ. Experiential Travel, Immersion Travel) Трансформативный сельский туризм (англ. Transformative Rural Travel, Indigenous Travel) Подземный туризм (англ. Underground Tourism) Черный туризм (англ. Dark Tourism) Медленное путешествие по воде или железной дороге (англ. Slow Travel) Релаксационный туризм (англ. Relaxation Retreat) Медитативный туризм (англ. Meditation Retreat) Побег за границу (англ. International Escapes)
-	Одиночные путешественники (англ. Solo Travellers)	Индивидуальные путешествия (англ. Single Serve, Solo Travel)

Источник [6]

Выводы

Для мониторинга нарастающих изменений при обилии разнородных факторов влияния и большом накопленном международном опыте в сфере туризма целесообразно применять гибкий матричный agile-подход и аристотелевский принцип дробления сложного целого на простейшие компоненты (англ. first principles thinking), каждый из которых требует детального рассмотрения и оценки возможностей, что соответствует принципам актуального agile-подхода в менеджменте. Представленная в исследовании рабочая схема в ближайшей перспективе планируется к детализации в соответствии со спецификой отрасли и переводению в интерактивный цифровой формат для формирования интерактивной базы данных для проектного обучения.

Библиографический список

1. Ефимова, Г.Н. Инновации в туризме: Учебное пособие. – М.: МИИТ, 2012. – 86 с.
2. Прокопюк, О.В. Лексический концепт как единица обучения студентов профессионально ориентированной лексики // Вестник МГЛУ. Сер. 2. Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. – 2019. – № 1 (35). – С. 63–70.
3. Прокопюк, О.В. Принципы отбора прецедентных текстов для обучения студентов профессионально ориентированной лексики // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета 18–19 апреля 2019 г.: в 5 ч. – Минск: МГЛУ, 2019. – Ч. 1. – С. 45–47.
4. Чудновский, А.Д. Менеджмент туризма: Учебник / Коллектив авторов по ред. проф. А.Д. Чудновского. – М.: Федеральное Агентство по Туризму, 2014. – 576 с.
5. Bleisure travelers are hungry for sunshine, sightseeing, and cuisine // Expedia Group Media Solutions. – 2018. – 16 May [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://advertising.expedia.com/about/press-releases/bleisure-travelers-are-hungry-for-sunshine-sightseeing-and-cuisine/> (дата обращения: 25.07.2021).
6. Dictionary.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/business> (дата обращения: 25.07.2021).
7. Global Trends 2040: Navigating a more contested world // National Intelligence Council (U.S.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home> (дата обращения: 25.07.2021).
8. Hammond, R. The world in 2040: The future of healthcare, mobility, travel and the home. – 2019. – June // Allianz Partners [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.allianz-partners.com/content/dam/onemarketing/awp/azpartnerscom/reports/futorology/Allianz-Partners-Megatrends-of-the-21st-Century-ENG.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).
9. Henderson, R.M., Clark, K.B. Architectural innovation: The reconfiguration of existing product technologies and the failure of established firms // Administrative Science Quarterly. – 1990. – V. 35, No. 1, Special Issue: Technology, Organizations, and Innovation. – Pp. 12. – Sage Publications. Inc. <https://doi.org/10.2307/2393549>
10. Kogabayev, T., Maziliauskas, A. The definition and classification of innovation // HOLISTICA – Journal of Business and Public Administration. – 2017. – V. 1, Issue 1. – Pp. 59–72. <https://doi.org/10.1515/hjbpa-2017-0005>
11. Rothaermel, F.T. Strategic management. – 2nd ed. – New-York: McGraw-Hill, 2015. – 468 p.
12. Tidd, J., Bessant, J.R. Managing innovation: integrating technological, market and organizational change. – 7th edition. – Hoboken: Wiley, 2021. – 608 p.
13. There's nothing new about the 'new normal' – and here's why // World Economic Forum. – 2020. – September 26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/theres-nothing-new-about-this-new-normal-heres-why/> (дата обращения: 25.07.2021).
14. VUCA World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vuca-world.org> (дата обращения: 25.07.2021).

References

1. Efimova G.N. *Innovations in tourism: Training manual*, Moscow, Russian University of Transport (MIIT), 2012, 86 p. (In Russian).
2. Prokopyuk O.V. Lexical concept as a profession-oriented lexis student teaching unit, *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 2. Pedagogy, Psychology, Methods of Foreign Languages Teaching*, 2019, no. 1 (35), pp. 63–70. (In Russian).
3. Prokopyuk O.V. Precedent texts selection principles for teaching profession-oriented lexis teaching, *Proceedings of the Annual Scientific Conference of Professors and Postgraduate Students of the University*, April 18-19, 2019, in 5 parts, Minsk, Minsk State Linguistic University, 2019, pp. 45–47. (In Russian).
4. Chudnovskiy A.D. *Tourism management: Textbook*, Team of authors, edited by Chudnovskiy A.D., Moscow, Federal Agency for Tourism, 2014, 576 p. (In Russian).
5. Bleisure travelers are hungry for sunshine, sightseeing, and cuisine, *Expedia Group Media Solutions*, 2018, May 16. Available at: <https://advertising.expedia.com/about/press-releases/bleisure-travelers-are-hungry-for-sunshine-sightseeing-and-cuisine/> (accessed 25.07.2021).
6. *Dictionary.com*. Available at: <https://www.dictionary.com/browse/business> (accessed 25.07.2021).
7. Global Trends 2040: Navigating a more contested world, *National Intelligence Council (U.S.)*. Available at: <https://www.dni.gov/index.php/gt2040-home> (accessed 25.07.2021).
8. Hammond R. The world in 2040: The future of healthcare, mobility, travel and the home, *Allianz Partners*, 2019, June. Available at: <https://www.allianz-partners.com/content/dam/onemarketing/awp/azpartnerscom/reports/futorology/Allianz-Partners-Megatrends-of-the-21st-Century-ENG.pdf> (accessed 25.07.2021).

9. Henderson R.M., Clark K.B. Architectural innovation: The reconfiguration of existing product technologies and the failure of established firms, *Administrative Science Quarterly*, 1990, vol. 35, no. 1, *Special Issue: Technology, Organizations, and Innovation*, pp. 12, Sage Publications, Inc. <https://doi.org/10.2307/2393549>
10. Kogabayev T., Maziliauskas A. The definition and classification of innovation, *HOLISTICA – Journal of Business and Public Administration*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 59–72. <http://doi.org/10.1515/hjbpa-2017-0005>
11. Rothaermel F.T. *Strategic management*, 2nd ed., New-York, 2015, 468 p.
12. Tidd J., Bessant J.R. *Managing innovation: integrating technological, market and organizational change*, 7th edition, Hoboken, 2021, 608 p.
13. There's nothing new about the 'new normal' - and here's why, *World Economic Forum*, 2020, September 26. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/06/theres-nothing-new-about-this-new-normal-heres-why/> (accessed 25.07.2021).
14. *VUCA World*. Available at: <http://vuca-world.org> (accessed 25.07.2021).

УДК 330.332 JEL F21

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-122-129

Наговицына Элеонора Владимировна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6510-8923
e-mail: eleonora880@rambler.ru

Тусин Дмитрий Сергеевич

аспирант, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», экономист АО «Электромашиностроительный завод «ЛЕПСЕ», г. Киров, Россия
ORCID: 0000-0002-1455-0391
e-mail: tusin.87@mail.ru

Братухина Елена Александровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5163-6154
e-mail: ea_bratuhina@vyatsu.ru

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье акцентировано внимание на то, что всеобщая борьба за инвестиционные ресурсы, заставляет более глубоко и детально изучать сущность, содержание инвестиционного процесса, формы взаимодействия его участников, оценивать инвестиционный потенциал отдельных отраслей экономики и искать пути повышения его эффективности. При исследовании инвестиционной привлекательности отраслей экономики использована методика, включающая в себя три этапа: 1) оценку социально-экономического положения региона и определение его рейтинга в России; 2) анализ динамики и структуры инвестиций в основной капитал; 3) выявление выгод, обеспечивающих инвестиционные стимулы для внешних инвесторов в региональной системе и сдерживающих условия развития инвестиционной деятельности. Выявлено, что в экономике России наблюдается существенный разрыв между регионами по показателю инвестиционной активности, что противоречит принципу единого экономического пространства страны. Проанализировано положение Кировской области относительно других регионов страны по рассматриваемым показателям. Выявлены наиболее привлекательные отрасли экономики региона для инвесторов. Отмечено, что на сегодняшний день усилия региональных властей по привлечению инвесторов недостаточны или неэффективны. В статье показано, насколько важно оценить инвестиционную привлекательность отдельных отраслей экономики Кировской области, чтобы в дальнейшем предложить наиболее выгодные инвестиционные проекты.

Ключевые слова: внешние рынки, инвестиционная активность, региональное развитие, региональные власти, иностранные инвестиции, инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат, инвестиционная политика, социально-экономический потенциал регионов, региональная рыночная инфраструктура, региональное производство

Для цитирования: Наговицына Э.В., Тусин Д.С., Братухина Е.А. Оценка инвестиционной привлекательности отраслей экономики региона на примере Кировской области//Вестник университета. 2021. № 9. С. 122–129.

ASSESSMENT OF THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGIONAL ECONOMIC SECTORS ON THE EXAMPLE OF THE KIROV REGION

Abstract. The article focuses on the fact that the general struggle for investment resources, both at the state level and at the regional level, forces us to study the essence, content of the investment process, the forms of interaction between its participants in more depth and in detail, assess the investment potential of individual sectors of the economy and look for ways to improve its efficiency. When studying the investment attractiveness of economic sectors, such a methodology was used, which includes three stages: 1) assessment of the socio-economic situation of the region and determination of its rating in Russia; 2) analysis of the dynamics and structure of investments in fixed assets; 3) identification of benefits that provide investment incentives for external investors in the regional system and deter conditions for the development of investment activity. It has been revealed that there is a significant gap between regions in terms of investment activity in the Russian economy, which contradicts the principle of a single economic space of the country. The Kirov region is analysed in relation to other regions of the country in terms of the indicators under consideration. The most attractive sectors of the region's economy for investors have been identified. The article shows how important it is to assess the investment attractiveness of individual sectors of the economy of the Kirov region in order to offer the most profitable investment projects in the future.

Keywords: foreign markets, investment activity, regional development, regional authorities, foreign investment, investment attractiveness, investment climate, investment policy, socio-economic potential of regions, regional market infrastructure, regional production

For citation: Nagovitsyna E.V., Tusin D.S., Bratukhina E.A. (2021) Assessment of the investment attractiveness of the regional economic sectors on the example of the Kirov region. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 122–129. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-122-129

Eleonora V. Nagovitsyna
Cand. Sci. (Econ.), Vyatka State University, Kirov, Russia
ORCID: 0000-0002-6510-8923
e-mail: eleonora880@rambler.ru

Dmitriy S. Tusin
Postgraduate Student, Vyatka State University, Economist, JSC “Electric Machine Building Plant “LEPSE”, Kirov, Russia
ORCID: 0000-0002-1455-0391
e-mail: tusin.87@mail.ru

Elena A. Bratukhina
Cand. Sci. (Econ.), Vyatka State University, Kirov, Russia
ORCID: 0000-0001-5163-6154
e-mail: ea_bratuhina@vyatsu.ru

© Наговицына Э.В., Тусин Д.С., Братухина Е.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Nagovitsyna E.V., Tusin D.S., Bratukhina E.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Для устойчивого развития страны приоритетной проблемой является развитие и функционирование отдельных регионов страны, как в комплексе, так и каждого отдельно. Одной из форм реализации государственной политики в области повышения уровня и качества жизни населения является активизация инвестиционного процесса как наиболее эффективного механизма социально-экономических преобразований [4].

Инвестиционная активность способствует выполнению основной задачи правительства для социально-экономического развития региона. Улучшается экономическое благосостояние за счет более высоких реальных доходов и других показателей благосостояния, таких как повышение грамотности, улучшение инфраструктуры, сокращение бедности и улучшение здравоохранения [17]. Рациональное распределение инвестиций и повышение их эффективности ускоряет экономический рост [4].

Инвестор – это любое физическое или юридическое лицо (например, фирма или паевой инвестиционный фонд), вкладывающее капитал в ожидании получения финансовой прибыли. Инвесторы полагаются на различные финансовые инструменты для получения определенной нормы прибыли и достижения важных финансовых целей [19]. Инвестор должен решить задачу в выборе объекта инвестирования, оценить потенциал региона под конкретные бизнес-проекты [12]. В регионе должны присутствовать все необходимые условия, а именно качественная инфраструктура, наличие профессиональных кадров, активное содействие и поддержка властей, отсутствие социальной напряженности, а также уникальное инвестиционное предложение, которое позволит принести потенциальную отдачу инвестору от проекта [11].

Инвестиционный климат территорий за последние десять лет стал определяющим фактором их развития. Инвестиции – это в первую очередь налоговая база и рабочие места. В связи с этим грамотные региональные и муниципальные управленцы понимают это и ставят инвестиционную политику во главу угла в списке своих задач [1].

Целью настоящего исследования является изучение и оценка инвестиционной привлекательности отдельных отраслей экономики Кировской области. Для достижения цели необходимо провести оценку современного состояния социально-экономического развития Кировской области, выявить наиболее перспективные отрасли для потенциальных инвесторов, оценить слабые места в экономике региона.

Материалы и методы

При оценке инвестиционной привлекательности отдельных отраслей экономики Кировской области, важно опираться на лучшие научно-методологические разработки и передовую практику в этой области. Инвестиционная привлекательность региона формируется за счет сочетания объективных социальных, экономических и природных ресурсов, возможностей и ограничений [18]. Инвестиционная привлекательность региона определяется с учетом совокупности всех этих факторов, которые влияют на целесообразность, эффективность и уровень инвестиционных рисков на данной территории. Оценка этих факторов осуществляется анализом инвестиционных рисков и инвестиционного потенциала предприятия, отрасли или региона в целом. Каждый из принимаемых в расчет факторов может быть оценен с помощью специальных наборов методов оценки и их показателей [8]. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные и специальные методы научного познания: теоретическое обобщение (для определения теоретических основ и направлений исследования), анализ, синтез, абстракция и формальная логика, системный подход, логическое моделирование – для выявления факторов и классификации статистических показателей инвестиционной привлекательности региона, сравнение, группировка (для статистической обработки данных), таблично-графические (для иллюстрации изучаемых явлений, процессов и закономерностей), экономико-статистические методы, а именно: многомерные средние, аналитическая группировка, индекс, кластерный анализ, ранжирование, анализ распределительных рядов, аппарат нечеткой логики.

Обсуждение результатов

Устойчивое экономическое развитие региона основано на привлечении дополнительных инвестиционных ресурсов с целью модернизации производства, технического перевооружения основных производственных фондов и внедрения новых технологий. Инвестиции позволяют стимулировать развитие существующих

и новых секторов экономики. Инвестиционный климат, как известно, влияет на выбор объектов инвестирования, что способствует минимизации инвестиционных рисков и повышению инвестиционной привлекательности отдельных предприятий в масштабах региона [20]. При выборе отрасли, объекта инвестирования потенциальному инвестору приходится учитывать большое количество факторов, таких как выигрышность географического положения, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами региона, развитость инфраструктуры и другие [8].

Экономику Кировской области можно отнести к несырьевой, но она в значительной степени пересекается с отраслями и видами деятельности, которые используют естественные природные ресурсы. К этим отраслям относятся агропромышленный и лесопромышленный комплексы. Доминирующее положение в структуре экономики региона занимают отрасли обрабатывающих производств. Стоит отметить, что 25 % валового регионального продукта (далее – ВРП) формирует обрабатывающая промышленность, в которой ведущие отрасли занимают: машиностроение, химическое производство, металлургия и производство изделий из металла [14].

С точки зрения основных экономических показателей, регион можно охарактеризовать умеренно низкими размерными характеристиками. Так, по оценкам специалистов объем ВРП в 2020 г. составил 346,4 млрд руб., что ниже уровня 2019 г. в сопоставимых ценах на 2,4 %. В регионе наблюдается незначительный рост промышленного производства, так, по данным Кировстата индекс промышленного производства в 2020 г. составил 100,1 % к 2019 г. [9]. В Кировской области наблюдается отрицательная динамика численности населения. Это происходит вследствие миграционной убыли молодого населения. Еще одним негативным фактором снижения населения региона являются коэффициенты рождаемости и смертности. Так, несмотря на государственную поддержку, коэффициент рождаемости показывает отрицательную динамику. Коэффициент смертности в регионе также показывает плохие результаты. В области заметна высокая демографическая нагрузка, так, коэффициент демографической нагрузки существенно выше среднероссийского показателя и на 1 января 2021 г. и составляет 0,904. Из-за пандемии COVID-19 по итогам 2020 г. вырос среднегодовой уровень безработицы. Наибольший рост безработицы отмечен в сферах гостиничных услуг и предприятий общественного питания, оптовой и розничной торговли, культуры, спорта, организации досуга и развлечений. В Кировской области наблюдаются низкие показатели по уровню ВРП на душу населения. Уровень инвестиций в основной капитал к ВРП показывает отрицательную динамику. Все это негативно отражается на рейтинговой оценке региона. Снижение связано с завершением реализации на территории региона крупного инвестиционного проекта ОАО «РЖД» (общей стоимостью более 8 млрд руб.) и частичным перераспределением финансовых средств предприятий на обеспечение социальных обязательств и поддержание жизнеспособности организаций на фоне неблагоприятной эпидемиологической ситуации. За последние три года среднее отношение объема инвестиций в основной капитал к ВРП составило около 16,8 %. На сегодняшний день в целях повышения инвестиционной привлекательности на территории Кировской области были созданы и продолжают развиваться два территориальных участка опережающего социально-экономического развития: «Вятские Поляны» и «Белая Холуница», также активно развиваются индустриальные парки.

В 2020 г. в целях поддержки экономики и борьбу с коронавирусной инфекцией и ее последствиями была увеличена финансовая помощь из федерального бюджета, что негативно повлияло на налоговые и неналоговые доходы бюджета области, они продемонстрировали снижение на 0,6 %. Но, несмотря на указанное выше, доходы бюджета региона, по состоянию на 1 января 2021 г., выросли на 17,6 % по сравнению с прошлым годом. Почти все бюджетобразующие налоги в структуре налоговых доходов показали рост исключением стал налог на прибыль организаций. Сокращение на 29,1 % произошло в результате получения внереализационных доходов от курсовых разниц и перечислением в апреле 2019 г. большой суммы налога одним из крупнейших налогоплательщиков. Стоит также отметить, что снижение произошло в связи с простым из-за коронавирусной пандемии многих предприятий и сокращения соответственно их прибыли. В 2021 г. регион прогнозирует по данному налогу рост на 12,6 % по сравнению с 2020 г., но уровень 2019 г. и 2018 г. не будет достигнут и поступления по налогу составят всего 79,9 % и 92,2 % от поступлений в 2019 г. и 2018 г. соответственно, что связано с влиянием последствий пандемии коронавируса, а значительная разница с результатами 2019 г. также обусловлена его «высокой» базой. Наибольший рост в структуре безвозмездных поступлений наблюдается по субсидиям (в 1,5 раза) и субвенциям (в 1,5 раза). Это также связано с увеличением поступлений из федерального бюджета на поддержку экономики и устранение последствий пандемии. Налоговая база региона

оценивается положительно, вследствие высокой диверсификации, так, 12,3 % в налоговых доходах формирует 10 крупнейших налогоплательщиков.

В 2020 г. расходы региона выросли на 20,6 % по сравнению с 2019 г. Социальная направленность является ключевой, наибольшую долю занимают расходы на образование и социальную политику. В общих расходах областного бюджета удельный вес расходов социального блока показал рост, который составил 2,0 п. п. В 2020 г. было направлено 45,7 млрд руб. на финансовое обеспечение социальной политики, культуры, здравоохранения, образования, физкультуры и спорта, что выше 2019 г. на 24,3 %. По итогам 2020 г. в структуре расходов произошли некоторые изменения как следствия с пандемии. Наблюдается серьезное снижение доли расходов на образование, так, удельный вес сократился на 4,4 п. п. в общем объеме всех расходов. В 2020 г. произошло уменьшение капитальных расходов почти в два раза по сравнению с 2019 г., что обусловлено снижением поступлений целевых средств из федерального бюджета на строительство образовательных организаций, а также в результате уменьшения средств, предусмотренных на строительство объектов дорожного хозяйства. Региональный бюджет последние четыре года исполнялся с профицитом. На 1 января 2021 г. долговая нагрузка региона оценивается как умеренно высокая.

По итогам 2020 г., объем доходов регионального бюджета составил 70,0 млрд руб., а объем расходов составил 69,7 млрд руб. [13].

Стоит обратить внимание на инвестиционную деятельность региона. На сегодняшний день в Кировской области реализуется 220 инвестиционных проектов на общую сумму 186 млрд руб. (рис. 1).

Общая информация по проектам в регионе

220

активных проектов

186 млрд

общий объем инвестиций в проектах

Стадии проектов

<p>✓ 2,73 % Планирование Количество проектов: 6</p>	<p>✓ 6,36 % Предпроектные проработки Количество проектов: 14</p>	<p>✓ 8,18 % Проектирование Количество проектов: 18</p>
<p>✓ 7,73 % Подготовка к строительству Количество проектов: 17</p>	<p>✓ 33,18 % Строительство Количество проектов: 73</p>	<p>✓ 1,82 % Модернизация Количество проектов: 4</p>
<p>✓ 14,55 % Приостановлено Количество проектов: 32</p>	<p>✓ 43,64 % Введен в эксплуатацию Количество проектов: 96</p>	<p>✓ 14,55 % Отменен Количество проектов: 32</p>

Инвестиции в проекте

<p>✓ 19,86 % от 100 до 200 млн руб. Количество проектов: 58</p>	<p>✓ 26,71 % от 201 до 500 млн руб. Количество проектов: 78</p>	<p>✓ 9,25 % от 501 млн до 1 млрд руб. Количество проектов: 27</p>
<p>✓ 8,56 % от 1 до 3 млрд руб. Количество проектов: 25</p>	<p>✓ 5,14 % свыше 3 млрд руб. Количество проектов: 15</p>	<p>✓ 5,82 % нет данных Количество проектов: 17</p>

Источник: [5]

Рис. 1. Информация по инвестиционным проектам в Кировской области

Как видно на рисунке 1, основная доля инвестиций приходится на проекты стоимостью от 201 млн руб. до 500 млн руб. (26,71 %) и от 100 млн руб. до 200 млн руб. (19,86 %). Наименьшая доля приходится на дорогостоящие проекты свыше 3 млрд руб. (5,14 %).

Исследование инвестиционной привлекательности отраслей экономики, на фоне замедления мирового экономического роста представляет интерес с позиции оценки вероятного риска и возможного потенциала инвестиций в фондовые активы. Отрасли народного хозяйства Кировской области можно соотнести с динамикой общих экономических трендов и охарактеризовать ациклическостью, контрциклическостью и проциклическостью [2].

С целью выявления наиболее популярных отраслей инвестиционных проектов Кировской области было проведено исследование и составлен рейтинг их привлекательности. В таблице 1 представлены основные инвестиционные проекты Кировской области по отраслям.

Наиболее активной отраслью в строительстве промышленных объектов занял агропромышленный комплекс. Это в первую очередь связано с субсидированием инвестиционных проектов в отрасли государством. В пищевой промышленности инвестиционным проектам способствовали: действующее продовольственное эмбарго, рост сырьевой базы, а также в результате ослабления курса национальной валюты цена отечественной продукции на внешних рынках стала более конкурентной. Стоит обратить внимание, что розничный товарооборот внутри страны тоже показывает положительную динамику.

В регионе развиваются отрасль химического производства, машиностроительная отрасль, фармацевтическая промышленность. В металлургии наблюдается наличие избыточных производственных мощностей. Мусороперерабатывающая отрасль также является одной из быстро развивающихся отраслей. В этой среде активно разрабатываются меры государственной поддержки и направляются федеральные субсидии [15].

Таблица 1

Инвестиционные проекты Кировской области по отраслям

Отрасль	Проекты, шт.	Проекты, %	Общие инвестиции, млн руб.	Средние инвестиции в проект, млн руб.
Жилые объекты	36	16,36	10 700	297
Агропромышленный комплекс	30	13,64	22 000	734
Деревообработка	27	12,27	32 900	1 220
Инфраструктура	25	11,36	15 400	618
Фармацевтическая промышленность	14	6,36	39 300	2 800
Коммерческие объекты	11	5	11 200	1 020
Машиностроение	8	3,64	4 800	600
Пищевая промышленность	8	3,64	3 470	433
Химическая промышленность	6	2,73	4 020	670
Энергетика	6	2,73	16 100	2 680
Спортивные объекты и сооружения	6	2,73	1 770	296
Инженерные сети	6	2,73	868	145
Переработка отходов	5	2,27	5 550	1 110
Металлоконструкции	4	1,82	9 070	2 270
Медицинские объекты	3	1,36	248	82,7
Строительные материалы	2	0,91	124	62
Легкая промышленность	2	0,91	750	375
Добыча и переработка	1	0,45	130	130
Итого:	220	100	186 000	845

Источник [2]

Современные тенденции стремительного развития экономики, ускорения изменений и усиления неопределенности определяют потребность обеспечения устойчивого развития экономических систем, прежде всего регионов и предприятий как первичного звена региональной экономики. Активизация инвестиционной деятельности является драйвером к устойчивому развитию региона. Привлечения инвестиций способствуют

ресурсному обеспечению для модернизации предприятий области. Они являются мощным толчком в развитии промышленного производства, а также действуют основным условием для обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона и России в целом. Потенциальный инвестор является центральным участником инвестиционного процесса. При выборе объекта вложения средств и принятии решения о начале инвестирования он рассматривает инвестиционную привлекательность как мотивационный повод [10]. Создание благоприятной деловой и инвестиционной среды, разработка стратегии для повышения эффективности экспортной деятельности, является предпосылкой для увеличения притока иностранных инвестиций в экономику региона и страны в целом [7; 16].

Авторы «Стратегии социально-экономического развития Кирова до 2035 г.» уверены, что низкая инвестиционная активность в Кировской области связана с несколькими факторами. Это высокие ставки по кредитам, низкая платежеспособность населения и некачественное сопровождение инвесторов со стороны властей. Согласно данным, которые приводят разработчики стратегии, Кировская область отстает по суммарному объему инвестиций в основной капитал на душу населения за последние десять лет более чем в два раза от среднего показателя по стране. Отставание роста объема инвестиций составляет 5 %. Снижение платежеспособности населения, дорогие кредиты, а также слабое и неэффективное сопровождение инвесторов со стороны региональных властей являются основными негативными факторами, влияющими на инвестклимат в регионе.

Выводы

Исследование показывает, насколько важно проводить оценку инвестиционной привлекательности отдельных отраслей Кировской области. Оценив наиболее перспективные отрасли, можно разработать стратегию, которая не только заинтересует инвесторов, но создаст такие условия, которые приведут к созданию новых рабочих мест, улучшению качества жизни жителей, а также дадут возможность для развития экономики и социальной сферы в регионе. На сегодняшний день, одним из основных приоритетов, определяющих развитие региона на долгосрочную перспективу следует считать инвестиционную стратегию. Деревообрабатывающий, агропромышленный, инфраструктурный комплексы, легкая и пищевая промышленность должны стать объектами региональной инвестиционной стратегии [3]. Их поддержка позволит не только стимулировать спрос на продукцию машиностроения, деревообрабатывающего и химического комплексов, но и будет способствовать стимулированию внешнеэкономической деятельности региона. Это станет эффективным инструментом современного социально ориентированного управления процессами освоения природных ресурсов, развития науки и образования, создания региональной структуры поддержки экспортно ориентированного и импортозамещающего бизнеса, позволит получить социальные эффекты, выражающиеся в повышении занятости, росте доходов и покупательной способности населения [6].

Библиографический список

1. Визгалов, Д. В. Маркетинг города. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2008. – 114 с.
2. Горохова, В. А. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – под ред. В.А. Гороховой. – М.: Финансы и кредит, 2013. – № 25/36. – 793 с.
3. Гусарова, Л. В., Гусаров, Д. Н. Анализ проблем инновационно-инвестиционного развития малых городов России (на примере Бугульминского муниципального района республики Татарстан) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 40 (133). – С. 21–28.
4. Наговицына, Э. В., Тусин, Д. С. Влияние внешнеэкономической деятельности на инвестиционную привлекательность региона // Вестник университета. – 2021. – № 3. – С. 123–131. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-123-131>
5. Наговицына, Э. В., Тусин, Д. С. Российский и зарубежный опыт в повышении эффективности экспортной деятельности // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 9 (112). – С. 112–125.
6. Фельдшаров, В. Ю., Ольховикова, С. В. Инвестиционная привлекательность региона как фактор его устойчивого развития // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы IV Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апреля 2018 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Т. 2. – С. 72–77.
7. Чигарёва, Д. В. Водный туризм как фактор развития г. Боровичи (на примере ООО «Горная Мста») // Вестник Национальной академии туризма. – 2018. – № 1 (45). – С. 54–56.

8. Чурилова, Е. Е., Овчинникова, О. П. Методы оценки инвестиционного климата региона // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 9 (28). – С. 94–97.
9. Выбираем наиболее привлекательные отрасли для инвестиций // БКС Экспресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/vybiraem-naibolee-privlekatelnye-otrasli-dlia-investitsii> (дата обращения: 09.07.2021).
10. Инвестиционные проекты России в регионе Кировская область // Инвестиционные Проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://investprojects.info/regions/29> (дата обращения: 09.07.2021).
11. Национальное рейтинговое агентство // Инвестиционный портал регионов России. Пространство возможностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investinregions.ru/ratings/ra-national/> (дата обращения: 08.07.2021).
12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kirovstat.gks.ru/> (дата обращения: 14.07.2021).
13. «Эксперт РА» подтвердило рейтинг Кировской области на уровне ruBBB+ и изменил прогноз на стабильный // Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.raexpert.ru/releases/2021/feb11f/> (дата обращения: 08.07.2021).
14. «Эксперт РА» подтвердило рейтинг кредитоспособности Кировской области // АК&М Информационное Агентство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akm.ru/news/ekspert_ra_podtverdilo_reyting_kreditosposobnosti_kirovskoy_oblasti/ (дата обращения: 14.07.2021).
15. 470 крупнейших инвестиционных проектов в промышленном строительстве РФ. Проекты 2019-2023 годов. Расширенная версия // Портал машиностроения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mashportal.ru/research-1258.aspx> (дата обращения: 10.07.2021).
16. Business environment and investment attractiveness in South Caucasus: modern situation and development tendency // The Free Library [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreelibrary.com/Business+Environment+and+Investment+Attractiveness+in+South+Caucasus%3A...-a0542966697> (дата обращения: 10.07.2021).
17. Factors affecting economic development // Economics Help [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economicshelp.org/blog/147654/economics/factors-affecting-economic-development/> (дата обращения: 11.07.2021).
18. Investment attractiveness of the regions. Factors of investment attractiveness of the region Factors of investment attractiveness of the territory // Elmin.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elmin.ru/en/finishing-and-interior/investicionnaya-privlekatelnost-regionov-factory-investicionnoi.html> (дата обращения: 12.07.2021).
19. Investor Definition // Investopedia.Com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/i/investor.asp> (дата обращения: 07.07.2021).
20. Ways of region investment attractiveness facilitation in developing countries // Education and Science Publishing House [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/CCN/Economics/13_mizik%20jui.doc.htm (дата обращения: 14.07.2021).

References

1. Vizgalov D. V. *Marketing of the city*, Moscow, “The Institute for Urban Economics” Foundation, 2008, 144 p. (In Russian).
2. Gorokhova V. A. *National interests: priorities and security*, ed. by V. A. Gorokhova, Moscow, Finance and Credit, 2013, no 25/36, 793 p. (In Russian).
3. Gusarova L. V., Gusarov D. N. Analysis of the problems of innovative and investment development of small cities in Russia (on the example of the Bugulminsky municipal district of the Republic of Tatarstan), *National Interests: Priorities and Security*, 2011, no. 40 (133), pp. 21–28. (In Russian).
4. Nagovitsyna E. V., Tusin D. S. The impact of foreign economic activity on the investment attractiveness of the region, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 3, pp. 123–131. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-123-131>
5. Nagovitsyna E. V., Tusin D. S. Russian and foreign experience in improving the efficiency of export activities, *Bulletin NGIEI*, 2020, no. 9 (112), pp. 112–125. (In Russian).
6. Feldsharov V. Yu., Olkhovikova S. V. Investment attractiveness of the region as a factor of its sustainable development, *Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*, Yekaterinburg, April 23-24, 2018, in 2 volumes, Yekaterinburg, Publishing House of the Ural Federal University, 2018, vol. 2, pp. 72–77. (In Russian).
7. Chigaryova D. V. Water tourism as a development factor of Borovichi (based on the example of “Gornaya Msta” LLC), *Vestnik of National Tourism Academy*, 2018, no. 1 (45), pp. 54–56. (In Russian).

8. Churilova E. E., Ovchinnikova O. P. Methods of evaluation of investment climate of the region, *International Research Journal*, 2014, no. 9 (28), pp. 94–97. (In Russian).
9. Choosing the most attractive industries for investment, *BCS Express*. Available at: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/vybiraem-naibolee-privlekatel-nye-otrasli-dlia-investitsii> (accessed 09.07.2021). (In Russian).
10. Investment projects of Russia in the Kirov region, *Investment Projects*. Available at: <https://investprojects.info/regions/29> (accessed 09.07.2021). (In Russian).
11. National Rating Agency, *Investment Platform of Russian Regions. Promoting Opportunities*. Available at: <https://www.investin-regions.ru/ratings/ra-national/> (accessed 08.07.2021). (In Russian).
12. *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Kirov Region*. Available at: <https://kirovstat.gks.ru/> (accessed 14.07.2021). (In Russian).
13. “Expert RA” confirmed the rating of the Kirov region at the level of ruBBB+ and changed the forecast to stable, “*Expert RA*” *Rating Agency*. Available at: <https://www.raexpert.ru/releases/2021/feb11f/> (accessed 08.07.2021). (In Russian).
14. “Expert RA” confirmed the credit rating of the Kirov region, *AK&M Information Agency*. Available at: https://www.akm.ru/news/ekspert_ra_podtverdilo_reyting_kreditosposobnosti_kirovskoy_oblasti/ (accessed 14.07.2021). (In Russian).
15. 470 largest investment projects in industrial construction of the Russian Federation. Projects of 2019–2023. Extended version, *Portal mashinostroeniya*. Available at: <http://www.mashportal.ru/research-1258.aspx> (accessed 10.07.2021). (In Russian).
16. Business environment and investment attractiveness in South Caucasus: modern situation and development tendency, *The Free Library*. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/Business+Environment+and+Investment+Attractiveness+in+South+Caucasus%3A...-a0542966697> (accessed 10.07.2021).
17. Factors affecting economic development, *Economics Help*. Available at: <https://www.economicshelp.org/blog/147654/economics/factors-affecting-economic-development/> (accessed 11.07.2021).
18. Investment attractiveness of the regions. Factors of investment attractiveness of the region Factors of investment attractiveness of the territory, *Elmin.Ru*. Available at: <https://elmin.ru/en/finishing-and-interior/investicionnaya-privlekatelnost-regionov-factory-investicionnoi.html> (accessed 12.07.2021).
19. Investor Definition, *Investopedia.Com*. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/i/investor.asp> (accessed 07.07.2021).
20. Ways of region investment attractiveness facilitation in developing countries, *Education and Science Publishing House*. Available at: http://www.rusnauka.com/CCN/Economics/13_mizik%20jui.doc.htm (accessed 14.07.2021).

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 368.013:297.17

JEL G22

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-130-135

Жилкина Анна Николаевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9031-2259

SPIN: 4669-0870

e-mail: fa_2008_o@mail.ru

**Орусбиев Махмуд-Хусейн
Романович**

аспирант, ФГБОУ ВО «Государст-
венный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4477-7546

SPIN: 4669-0870

e-mail: orusbiev@list.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ИСЛАМСКОГО СТРАХОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы исламского страхования в Великобритании. Установлено, что страхование является значимой составляющей финансовой системы государства. В это же время в последние годы наблюдается активное развитие исламских финансов. Общая численность мусульманского населения в Великобритании в 2020 г. составила 4 130 тыс. чел. Несмотря на невысокую численность мусульман, Великобритания придерживается активной позиции в развитии исламских финансов. В стране установлены соответствующие принципы развития такафул, осуществляется регулирование этого рынка. Кроме того, поставлена амбициозная цель по получению Лондоном статуса центра исламских финансов. В настоящее время сформированы положительные тенденции развития рынка такафул. Несмотря на такое положение, требуется заниматься дальнейшим развитием в этой сфере.

Ключевые слова: страхование, исламское страхование, такафул, финансы, Великобритания, финансовые услуги, страховщики, страхователи.

Для цитирования: Жилкина А.Н., Орусбиев М.-Х. Р. Предпосылки, проблемы, решения внедрения исламского страхования в Великобритании//Вестник университета. 2021. № 9. С. 130–135.

Anna N. Zhilkina

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9031-2259

SPIN: 4669-0870

e-mail: fa_2008_o@mail.ru

Makhmud-Hussein R. Orusbiev

Postgraduate student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4477-7546

SPIN: 4669-0870

e-mail: orusbiev@list.ru

BACKGROUND, PROBLEMS AND SOLUTIONS FOR INTRODUCING ISLAMIC INSURANCE IN THE UNITED KINGDOM

Abstract. The article is devoted to the study of Islamic insurance in the United Kingdom. It has been established that insurance is a major component of the state's financial system. At the same time, there has been a rapid development of Islamic finance in recent years. The total Muslim population in the UK in 2020 is 4,130,000. Despite its low Muslim population, Great Britain is taking a proactive stance in developing Islamic finance. Despite the low number of Muslims, Great Britain is taking an active position in the development of Islamic finance. The country has established principles for the development of takafuls, and the market is being regulated. In addition, an ambitious target has been set for London to become an Islamic finance centre. There are currently positive trends in the takaful market. Despite this situation, further development in this area is required.

Keywords: insurance, Islamic insurance, takaful, finance, UK, financial services, insurers, policyholders

For citation: Zhilkina A.N., Orusbiev M.-H. R. (2021) Background, problems and solutions for introducing Islamic insurance in the United Kingdom. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 130–135. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-130-135

Введение

Вопросы, связанные с развитием исламского страхования, как в отдельных странах, так и в мировом масштабе приобретают все большую актуальность. Возможность использования такафул обусловлена не только наличием внутреннего спроса на представленную услугу, но и влиянием общемировых тенденций, характеризующихся ростом такафул в среднем на 35 % в сравнении с традиционным страхованием [2].

© Жилкина А.Н., Орусбиев М.-Х. Р., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zhilkina A.N., Orusbiev M.-H. R., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Необходимо отметить, что в соответствии с классической европейской теорией страхования рассмотрение такафул не осуществляется в разрезе развития страховых отношений, а является ограниченным анализом исторических аспектов развития страхования в двух формах – взаимной и коммерческой [1; 3]. При этом требуется выделить разницу, которая существует между традиционным страхованием и взаимным страхованием. Так, под традиционным страхованием понимается комплекс отношений, связанных с процессами организации и использования фонда страхования со стороны страховщиков с применением взносов страховщиков [4]. В то же время отличительной особенностью взаимного страхования, с которым в большинстве случаев отождествляется такафул, является то, что страхователи одновременно признаются страховщиками, а создание страхового фонда происходит на паевых началах [5; 6].

Страхование является одним из компонентов финансовой системы любой страны. Для более полного раскрытия вопросов исламского страхования в Европе необходимо рассмотреть практические аспекты развития на примере отдельной страны. Великобритания в течение более чем 30 лет занимает лидирующие позиции в развитии исламских финансов. На территории страны прилагаются усилия по развитию исламского страхования. При этом среди Европейских стран Великобритания занимает 3-е место по численности мусульманского населения (рис. 1).

Источник: [9]

Рис. 1. Численность мусульман в странах Европы в 2020 г.

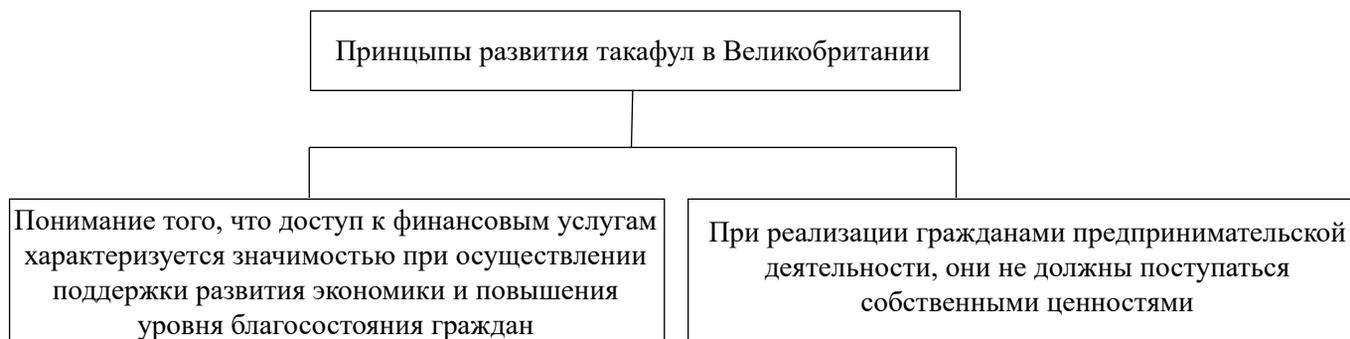
В соответствии с данными, представленными на рисунке 1, можно увидеть, что среди стран Европы наибольшая численность мусульманского населения отмечается во Франции – 5 720 тыс. чел., в Германии – 4 950 тыс. чел., в Великобритании – 4 130 тыс. чел. При этом в таких странах Европы, как Австрия, Швеция, Бельгия, Франция, Германия, Греция, Лихтенштейн, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Норвегия и Дания удельный вес мусульманского населения составляет 5–10 %.

Практический опыт

Несмотря на то, что численность мусульманского населения в Великобритании не превышает 10 % от общей численности страны проявляет заинтересованность в развитии такафул [7]. Причинами такой заинтересованности признается влияние отдельных принципов такафул-страхования (рис. 2).

Реализация первого принципа, представленного на рисунке 2, предполагает, что под доступом к финансовым услугам понимается предоставление банковского счета и базовых услуг для граждан, характеризующееся масштабностью. В то же время наличие доступа к финансовым услугам предполагает, что инвесторы получают возможность хранения финансовых средств с получением наибольшей выгоды. Кроме того,

благодаря реализации и развитию исламских финансов в настоящее время у большинства людей появляется возможность реализовывать более безопасную торговую деятельность, заниматься инвестированием в рост, а также получить доступ к финансовым ресурсам.

Источник: [11]

Рис. 2. Принципы развития такафул в Великобритании

На территории Великобритании специалистами реализуется активная деятельность по формированию продуктов, соответствующих нормам шариата. Существенными компонентами в этом случае признаются не только отражение глубоких знаний шариата, а также соблюдение традиционных принципов финансирования. Кроме того, обеспечивается развитие продуктов, благодаря которым обеспечивается доходность, необходимый уровень конкурентоспособности в сравнении с традиционными финансовыми продуктами.

В настоящее время Великобритания является одним из ключевых западных центров исламских финансов. Такое же положение относится к сфере исламского страхования. Так, в 2004 г. на территории страны начал деятельность Британский исламский банк. В 2008 г. в Великобритании открылась первая страховая компания Salaam. Функционирование компании осуществляется с соблюдением норм шариата, при этом полисы компании рассчитаны на 1,6 млн мусульман, проживающих в Великобритании [10].

Поддержка и развитие

На современном этапе со стороны правительства Великобритании оказывается существенная поддержка развитию исламских финансовых рынков. Подтверждением этого факта выступает получение статуса первой юрисдикции, принявшей автономное исламское финансовое учреждение в рамках Европейского союза. Помимо этого, в 2013 г. была сформирована первая британская целевая группа, нацеленная на исламское финансирование. Причинами создания такой группы выступает получение Лондоном статуса центра исламских финансов.

Особое внимание на территории Великобритании акцентируется на нормативно-правовом регулировании исламских финансов. В частности, правительство страны придерживается подхода, в соответствии с которым реализуются действия по обеспечению максимально равных условий для предоставления исламских финансовых продуктов и традиционных инструментов. При этом со стороны британских регуляторов уделяется внимание мониторингу любых случаев несправедливого обращения и внедрения нормативных актов по корректировке. Основанием регулирования исламской банковской сферы, рынков капитала и страхового рынка выступают общие законы о финансах. В качестве такого нормативно-правового акта может рассматриваться Закон о финансовых услугах и рынках 2000 г. (Financial Services and Markets Act, FSMA).

Кроме того, в Великобритании функционирует отдельный орган, деятельность которого направлена на регулирование банковского сектора, рынка капиталов и страховых продуктов. Соответственно, такими органами являются Управление по финансовому регулированию и контролю Великобритании (Financial Conduct Authority, FCA) и Управление пруденциального регулирования (Prudential Regulation Authority, PRA). Однако в стране

отсутствует отдельный департамент, на который была бы возложена обязанность и ответственность за совершение транзакций или реализации продуктов в соответствии с нормами шариата. Отсутствует обязательное юридическое требование о необходимости функционирования шариатского наблюдательного совета [8].

В отношении такафул нормами законодательства Великобритании установлено, что допуск иностранных операторов такафул может осуществляться только в случае предложения продуктов, которые соответствуют нормам действующего законодательства, в том числе FSMA. При этом в нормативно-правовых актах, регулирующих такафул, отсутствуют особые требования относительно раскрытия информации или отчетности, отличающейся в сравнении с традиционными финансовыми продуктами.

С целью более полного раскрытия страхования такафул рассмотрим результаты опроса, проведенного Постоянным комитетом по экономическому и торговому сотрудничеству Организации исламского сотрудничества (Standing Committee for Economic and Commercial Cooperation of the Organization of the Islamic Cooperation, COMCEC).

Среди игроков индустрии такафул, органов регулирования, исследователей и академического сообщества был проведен опрос с использованием анкеты. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что отрицательное влияние на спрос по такафулу оказывают такие факторы, как плохая макроэкономическая ситуация, политическая неопределенность и низкий уровень доверия рынка. В то же время наличие высокого уровня валового национального продукта, существенной величины сбережений способствуют развитию такафул.

Помимо этого, перспективы роста рынка такафул являются положительными под влиянием определенных нормативных инициатив, введенных с целью стимулирования сектора и повышения уровня его привлекательности. Соответственно, могут быть выделены отдельные рекомендации по дальнейшему стабильному развитию такафул (рис. 3).

Источник: [12]

Рис. 3. Рекомендации по дальнейшему развитию рынка такафул

Помимо реализации рекомендаций по развитию такафул, представленных на рисунке 3, требуется акцентировать внимание следующих моментах: обеспечение прозрачности деятельности; раскрытие информации; соблюдение норм налогового законодательства; обеспечение требуемого уровня платежеспособности; достаточность капитала; формирование доверительного отношения к активам.

Заключение

Великобритания занимается активной деятельностью как по развитию исламских финансов, так и развитием рынка такафул. При этом еще в начале 2000-х гг. в стране появился первый продукт по исламскому

страхованию, что свидетельствует о заинтересованности страны в развитии этого вида страхования. Кроме того, Великобритания пытается присвоить Лондону статус центра исламских финансов. Положительными тенденциями развития такафул в стране является наличие нормативной базы предоставления услуги, наличие органа регулирования, активной позиции страны в развитии и стимулировании спроса на страховой продукт. Соответственно, в Великобритании необходимо заниматься дальнейшим развитием рынка такафул.

Библиографический список

1. Громова, С. В., Миляева, М. Б. Мировой рынок исламского страхования // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 9. – С. 64–77.
2. Кожевникова, Е. И. Современные тенденции в такафуле // Страховое дело. – 2019. – № 8 (317). – С. 52–55.
3. Матиязова, С. Р. Особенности организации исламского страхования // Научный лидер. – 2021. – № 8 (10). – С. 29–34.
4. Скубрий Е. В., Мельничук, И. И., Шатаева, О. В., Савинов, А. В. Основы теории страхования. – Москва-Берлин: ООО «Директмедиа Пабблишинг», 2020. – 501 с.
5. Умаров Х. С. К вопросу об исламском страховании «такафул» // Страховое дело. – 2014. – № 4 (253). – С. 47–53.
6. Фукина, С. П. Особенности организации исламского страхования и перспективы его внедрения на страховой рынок России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2014. – № 1. – С. 108–116.
7. В Великобритании развивается такафул страхование // ЭкоИсламикБанк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eib.kg/islamic-economics/v_velikobritanii_razvivaetsya_takaful_strahovanie.html (дата обращения: 10.07.2021).
8. Исламские финансовые рынки в Великобритании // IQ Decision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iqdecision.com/islamskie-finansovye-rynki-v-velikobritanii/> (дата обращения: 10.07.2021).
9. Количество мусульман в Европе: процент населения, отношение, проблемы // Zagrinfo.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zagrinfo.com/musulmane-v-evrope.html> (дата обращения: 10.07.2021).
10. Первая исламская страховая компания открылась в Великобритании // Islam News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://islamnews.ru/news-pervaya-islamskaya-strahovaya-kompaniya-otkry-las-v-velikobritanii> (дата обращения: 10.07.2021).
11. Развитие Исламский принципов финансирования в Великобритании / Посольство Великобритании Бишкек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/503492/2015047_Is_Fin_A5_AW_RUS_WEB.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
12. Improving the Takaful Sector in Islamic Countries // Comcec Coordination Office, October 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2019/10/Improving-the-Takaful-Sector-In-Islamic-Countries_2019_October.pdf (дата обращения: 04.07.2021).

References

1. Gromova S. V. World market of Islamic insurance, *Russian foreign Economic Bulletin*, 2015, no. 9, pp. 64–77. (In Russian).
2. Kozhevnikova E. I. Modern trends in takaful, *Insurance Business*, 2019, no. 8 (317), pp. 52–55. (In Russian).
3. Matiyazova S. R. Features of the organization of Islamic insurance, *Scientific Leader*, 2021, no. 8 (10), pp. 29–34. (In Russian).
4. Skubriy E. V., Melnichuk I. I., Shataeva O. V., Savinov A. V. Fundamentals of the theory of insurance. Moscow-Berlin, Publ. House LLC “Directmedia Publishing”, 2020, 501 p. (In Russian).
5. Umarov Kh. S. On the issue of Islamic insurance “takaful”, *Insurance Business*, 2014, no. 4 (253), pp. 47–53. (In Russian).
6. Fukina S. P. Features of the organization of Islamic insurance and the prospects for its implementation on the insurance market of Russia, *Bulletin of the Astrakhan State Technical University*, 2014, no. 1, pp. 108–116. (In Russian).
7. Takaful insurance is developing in the UK, *EcoIslamicBank*. Available at: https://eib.kg/islamic-economics/v_velikobritanii_razvivaetsya_takaful_strahovanie.html (accessed 10.07.2021).
8. Islamic financial markets in the UK, *IQ Decision*. Available at: <https://iqdecision.com/islamskie-finansovye-rynki-v-velikobritanii/> (accessed 10.07.2021).
9. The number of Muslims in Europe: percentage of the population, attitude, problems, *Zagrinfo.com*. Available at: <https://zagrinfo.com/musulmane-v-evrope.html> (accessed 10.07.2021).

10. The first Islamic insurance company opened in the UK, *Islam News*. Available at: <https://islamnews.ru/news-pervaya-islamskaya-strahovaya-kompaniya-otkry-las-v-velikobritanii> (accessed 10.07.2021).
11. Development of Islamic principles of financing in the UK, *British Embassy Bishkek*, Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/503492/2015047_Is_Fin_A5_AW_RUS_WEB.pdf (accessed 10.07.2021).
12. Improving the Takaful Sector in Islamic Countries, *Comcec Coordination Office, October 2019*. Available at: https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2019/10/Improving-the-Takaful-Sector-In-Islamic-Countries_2019_October.pdf (accessed 04.07.2021).

Степанова Марина Николаевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9776-1129**e-mail:** StepanovaMN@bgu.ru**ПОНЯТИЕ «СПРОС» И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СТРАХОВОМ ДИСКУРСЕ**

Аннотация. В научной литературе достаточно часто используются такие понятия, как «спрос на страхование», «спрос на страховые услуги», «страховой спрос», «спрос на страховые продукты» и т. п. Являясь простыми в интуитивном прочтении, они на самом деле они не столь однозначны, как может показаться на первый взгляд. Поскольку имеется бытие семантическая обусловленность значения производного слова значениями его составляющих, а они тоже не всегда однозначны, возникает терминологическая неопределенность, отрицательный эффект которой усиливается допускаяемыми смешиванием соответствующих понятий между собой или созданием схоластической многовариативности. Достаточно часто за определение спроса как категории выдается характеристика уровня спроса, причем вне учета его размерности и вида. Кроме того, существуют дефекты выбора дефиниентов и построения дефиниций, за счет рекурсивных определений, не имеющих ценности для полного раскрытия смысла и содержания определяемого. Автор приходит к выводу о недопустимости вольности в толковании значимых понятий и терминов, необходимости осторожного конструирования новых оборотов с их участием. Ставится проблема употребления понятий без придания значения их научному содержанию.

Ключевые слова: спрос на страхование, страховой спрос, страховой рынок, страховая услуга, получатель страховой услуги, страхование, уровень спроса, страховой маркетинг

Для цитирования: Степанова М.Н. Понятие «спрос» и его производные в современном научном страховом дискурсе // Вестник университета. 2021. № 9. С. 136–144.

Marina N. Stepanova

Cand. Sci. (Econ.), Baikal State University, Irkutsk, Russia

ORCID: 0000-0001-9776-1129**e-mail:** StepanovaMN@bgu.ru**THE CONCEPT OF “DEMAND” AND ITS DERIVATIVES IN THE MODERN SCIENTIFIC INSURANCE DISCOURSE**

Abstract. In the scientific literature concepts such concepts as “demand for insurance”, “demand for insurance services”, “insurance demand”, “demand for insurance products”, etc. are often used. While being simple in their intuitive reading, they are in fact not as unambiguous as they may seem at first glance. Since there is a semantic conditionality of the meaning of a derived word by the values of its components and they are also not always well-established, then terminological uncertainty arises. The negative effect is enhanced by the permissible mixing of concepts with each other or the creation of scholastic multivariability. Quite often, the definition of demand as a category is given a characteristic of the level of demand, and without taking into account its dimension and type. Moreover, there are defects in the choice of definitions and the construction of definitions, the dominance of recursive definitions that have no value for the full disclosure of the meaning and content of the defined. The author concludes about the inadmissibility of taking liberties in the interpretation of significant concepts and terms, careful construction of new turns with their participation. The problem of using concepts without giving meaning to their scientific content is posed.

Keywords: demand for insurance, insurance demand, insurance market, insurance service, insurance recipient, insurance, demand level, insurance marketing

For citation: Stepanova M.N. (2021) The concept of “demand” and its derivatives in the modern scientific insurance discourse. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 136–144. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-136-144

© Степанова М.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Stepanova M.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В настоящее время интерес исследователей, занятых изучением особенностей обеспечения населения страховой защитой, сместился в область таких категорий и явлений, как страховая культура, страховое поведение, финансовая компетентность. Учеными отмечается, что «изучение культурных и личностных детерминант стратегии принятия субъектом экономических решений относится к числу важнейших направлений исследований современной психологии и экономической теории» [26, с. 18]. Действительно, есть множество работ, авторов которых интересуют поведенческие аспекты формирования страховых отношений: мотивы к заключению сделок по страхованию; причины отказа от них; факторы и ограничения, способствующие проявлению страхового нигилизма. В основном поле дискурса представлено разработками в области социологии, социальной психологии, основанными на выявлении влияния гендерных, поколенческих, социальных, психологических и иных составляющих, определяющих особенности поведения потенциальных и реальных получателей страховых услуг, в том числе на стадии формирования потребительского спроса. На этом фоне затмевается вопрос о качестве понятийного аппарата, составляющего основу теоретической базы, необходимости выработки единых подходов к пониманию базовых терминов и категорий. Вместе с тем, его смещение на второй план недопустимо, поскольку создание порядка в системе терминов и дефинитивных значений не менее значимо, чем решение сугубо практических задач: единообразие в толковании и понимании ключевых понятий способствует упорядочиванию подходов к изучению отдельных явлений и процессов, а в дальнейшем и повышению эффективности решения соответствующих прикладных задач. Многовариативность интерпретаций в некоторых случаях способна привести к хаосу и сделать бесполезными часть изысканий.

Особого внимания в этой связи заслуживают понятия, используемые для характеристики спроса в сфере страхования. Они с одной стороны, являются связующим элементом «входящих» поведенческих характеристик получателя страховых услуг, о которых шла речь выше – и страховой культуры, и страхового поведения, и востребованности страхования, фактически выступая квинтэссенцией их положительного начала и тем самым предопределяя значимость исследовательского интереса к себе. С другой стороны – несут высокую практическую нагрузку, являясь ключевыми в арсенале страховщиков: спрос определяет стратегию и тактику поведения субъектов страхового дела на рынке, задает параметры результативности, макроэкономических показателей его дальнейшего развития и вклад страховой отрасли в экономику страны.

Будучи простыми в интуитивном прочтении, рассматриваемые понятия не являются однозначными в применении. Во-первых, до сих пор в профессиональном сообществе и научной среде в качестве равнозначных используются такие дефиденты, как «спрос на страхование», «спрос на страховые услуги», «страховой спрос», «спрос на услуги страхования» [4; 10; 18; 21; 22] и некоторые другие приближенные к ним конструкции, самыми неожиданными и спорными из которых являются «спрос на услуги страхового поведения» и «спрос на «классические» наборы страхового портфеля» [17; 7]. Между тем, их синонимичность может быть поставлена под сомнение, а в некоторых случаях и вовсе возникает вопрос относительно корректности используемых формулировок [1]. Во-вторых, обращают на себя внимание и сами предлагаемые дефиниции, поскольку они базируются на принципиально отличных друг от друга базовых смыслах, что и приводит в конечном счете к схоластической многовариативности и требует немедленного устранения имеющихся дефектов [5; 11; 25].

Актуальность исследования связывается с непреходящей значимостью задачи формирования теоретических и методологических основ прогнозирования и мониторинга развития рынка страховых услуг, для которого спрос является одной из важнейших его составляющих.

Методология

Формирование целей статьи. Цель работы – выявить пробелы в формировании основного понятийного аппарата, используемого при исследовании и характеристике спроса в сфере страхования.

Постановка задачи. Необходимо выявить основные понятия, используемые в современной научной литературе, для характеристики спроса в сфере страхования и проанализировать подходы к определению их содержания; критически оценить используемые дефиденты и предлагаемые дефиниции, используемые учеными для трансляции понимания того, что есть спрос в страховании, как основы для реализации практических задач по прогнозированию и мониторингу развития рынка страховых услуг.

Используемые методы, методики и технологии. На первом этапе исследования проводился дискурс-анализ научного материала, посвященного страхованию и рынку страховых услуг и при этом содержащего употребление термина «спрос» и производных от него оборотов, представление понятий «спрос на страхование», «спрос на страховые услуги», «страховой спрос». На втором этапе исследования выполнялось сравнение и сопоставление имеющихся взглядов на сущность, содержание и особенности проявления спроса в страховании, позволившее выявить многообразие подходов к его пониманию и определению. На третьем этапе осуществлялся критический анализ понятийного аппарата на предмет допускаемых при его формировании дефектов и пороков, некорректности дальнейшего употребления понятий безотносительно к содержанию науки.

Результаты

Проведенное исследование показало, что понятийный аппарат страхования в той его части, которая формируется терминами, характеризующими спрос, в настоящее время имеет существенные недостатки, приводящие к так называемому «понятийному диссонансу», способному привести к полному терминологическому хаосу. Представим, в чем конкретно видится его проявление. Прежде всего – в допущении того, что понятия «спрос на страхование» и «спрос на страховые услуги» взаимозаменяемы без потери смыслового содержания, хотя именно они чаще всего и используются в качестве таковых [4; 10; 21]. С научной точки зрения страхование – категория более широкая и фундаментальная. Не ставя целью в рамках данной работы представлять все имеющиеся подходы к раскрытию ее содержания, сделаем акцент на главном: быть приравненным к страховой услуге страхованию не позволяет его институциональность. С практической точки зрения оснований для отождествления тоже нет: так, с позиций намеревающегося обеспечить страховую защиту определенных интересов, страховая услуга более конкретна в своем проявлении и направлена непосредственно на удовлетворение потребностей ее получателя, то есть прежде всего на сам субъект отношений, страхование же как процесс в большей мере связывается с объектом защиты и рисками, на случай реализации которых оно осуществляется.

Страхование и страховая услуга соотносятся между собой как общее и частное (если только не воспринимать то и другое исключительно как транзакцию), в связи с чем нет никаких оснований отождествлять и производные от них компоненты. Когда исследуется спрос на страхование, то принимается допущение о некоторой степени абстракции от частных потребительских свойств страховой защиты: и в данном контексте прежде всего изучаем спрос на страхование как на инструмент управления рисками, спрос на защиту интересов, предоставляемую страховщиками, как таковую. Причем, необходимо учитывать факт того, что страхование осуществляется не только страховыми организациями, но и обществами взаимного страхования, что обязывает в данном контексте принимать во внимание и взаимное страхование тоже. Таким образом, фактически спрос на страхование определяется границами реализации внутренней и финансовой готовности носителя риска быть застрахованным, готовности вступить в соответствующие отношения (и это будет первичным в его поведенческой характеристике), а вопрос о том, каким образом он будет это делать – обращаясь к услугам страховой организации или посредством взаимного страхования – становится вторичным.

Если в качестве объекта исследования выбирается спрос на страховые услуги, то в таком случае он должен связываться:

- а) с формированием и реализацией взаимоотношений со страховой организацией (стандарты совершения операций на финансовом рынке, закрепляющие понятие страховой услуги, не предполагают ее связи с взаимным страхованием и дают четкое понимание того, кто может выступать в качестве поставщика страховой услуги);
- б) с формированием получателем заказа на услугу, отвечающую целям, свойствам, потребительским качествам финансовой услуги, а также предполагающую обслуживание клиента, наличие сервисной составляющей и полезного эффекта [8];
- в) с необходимостью четкого разграничения страховых и связанных со страхованием услуг.

Данные основания приводят к заключению о том, что спрос на страхование и спрос на страховые услуги являются самостоятельными категориями, имеющими содержательные различия, определяемые природой базовых элементов, заложенных в их основу. Спрос на страхование – это прежде всего макроэкономический

агрегат, именно поэтому в исследовательских работах, посвященных изучению закономерностей, явлений и процессов, происходящих на страховом рынке страны, более корректным представляется использование термина «совокупный спрос на страхование». И если данное понятие отражает объем общественных потребностей в страховой защите, обеспечиваемой специализированными институциональными субъектами, то спрос на страховые услуги – в большей мере их структуру (не зря антимонопольное законодательство к страховым услугам относит именно услуги по конкретным видам страхования).

При этом стоит отметить, что в научной литературе встречается еще одно, достаточно близкое к отмеченным ранее понятие – «спрос на страховые продукты» [1; 3; 15]. Определить его место в системе терминов крайне непросто. Несмотря на принятие большинством исследователей факта того, что «страховая услуга» и «страховой продукт» есть представление разного, и даже есть возможность выделить их существенные свойства, это не ставит точку в рассуждениях о соотношении соответствующих понятий. Результаты проведенных ранее исследований дают основания утверждать, что выработать исчерпывающего определения страховой услуги и страхового продукта ученым не удалось [16; 27]. Вместе с тем, поскольку предмет исследования спроса должен быть четко определен, в некоторых случаях будет допустимо исходить из возможности использования тех значений базовых элементов, которые были заложены в стандарт совершения страховыми организациями операций на финансовом рынке: именно в нем представлены соответствующие толкования в том практико-ориентированном значении, которое видится страховому сообществу и признается регулятором. В таком случае содержательные границы понятия «спрос на страховые продукты» задаются принятием того, что страховой продукт есть ничто иное, как типовые условия страхования, разработанные конкретным страховщиком и предназначенные для определенных категорий страхователей со схожими входными данными, унифицирующими андеррайтинговые решения. В связи с этим спрос на страховые продукты принимает форму индивидуализированной характеристики весьма ограниченной совокупности, детальное изучение которой становится интересным и доступным в большей мере на уровне отдельной страховой организации (или нескольких организаций при допущении того, что разработанные ими продукты абсолютно идентичны) в соответствии с сформированной продуктовой линейкой и только при условии ведения соответствующего аналитического учета, позволяющего осуществить его измерение.

В макроэкономических исследованиях использование термина «спрос на страховые продукты» оправдано только в тех случаях, когда делается акцент на потребность страхователей в более сложных по своему содержанию решениях (постольку, поскольку страховые продукты могут сочетать в себе условия сразу нескольких видов страхования), с большей вероятностью не ограниченных исключительно услугой по страхованию и включающих в себя дополнительные опции, ориентированные на обслуживание клиента. Однако в этом случае он фактически принимает форму абстракции: присутствует теоретическое обобщение с ограниченным прикладным применением, обусловленным отсутствием возможности получить количественную оценку. Российская система статистических показателей, используемых для характеристики объема и структуры страхового рынка, ориентирована на виды страхования и не предполагает их объект-рисковой детализации. Более того, учитывая возможность межвидовых трансформаций, для отражения в отчетности страховщиков была заложена основа разделения договоров страхования, предусматривающих сочетание объектов и рисков личного и имущественного страхования, на отдельные договоры. Вместе с тем, именно такое сочетание чаще всего и составляет основу страховых продуктов. Поскольку в силу объективных причин, в большей мере связанных с невозможностью учесть все многообразие продуктов как уже представленных на страховом рынке, так и гипотетически возможных, их обязательный учет не осуществляется, то на макроуровне измерить спрос на страховые продукты с той степенью полноты и точности, которая требуется для отражения объективной ситуации, не представляется возможным. Таким образом, приходим к выводу о том, что «спрос на страховые продукты» может быть признан самостоятельной единицей понятийного аппарата, но не может рассматриваться в качестве экономического показателя. Между тем, термин «спрос на страховые услуги» лишается такого ограничения, если страховые услуги воспринимать в том значении, которое закреплено стандартами деятельности страховых организаций, а именно как финансовые услуги по заключению, изменению, расторжению и исполнению договоров страхования. Такая интерпретация, безусловно, облегчает задачу оценки уровня спроса, но несколько противоречит «классической» экспликации понятия «услуга» с позиций деятельного подхода [14; 27].

Использование соответствующих понятий, а тем более конструирование новых, всегда должно быть продуманным и соответствовать цели проводимого исследования. В связи с этим, по мнению автора, следует обратить внимание на следующие имеющие различного рода дефекты конструкции, достаточно часто встречаемые в научной и учебной литературе, с тем чтобы ограничить их дальнейшее употребление в первоначальной форме, как нежелательных:

- сочетание «страховой спрос» [2; 31] – видится лишенным содержательных границ, поскольку не представляет возможным достаточно точно идентифицировать объект исследования, в качестве которого могут выступать и страхование в целом, и страховые услуги, и страховые продукты;

- сочетание «спрос на услуги страхования» [12, с. 14; 22] – представляется требующим корректировки дефиниента, поскольку в данной конструкции слово «страхование» наделяется активным действием, совершаемым субъектом, что неправильно; правильно – «спрос на услуги страховых организаций», «спрос на страховые услуги», «спрос на услуги по страхованию»;

- сочетание «спрос на услуги страхового поведения» [17] – в принципе лишено смысла и не может являться понятием, поскольку страховое поведение есть форма экономической активности, фактически признаваемая поведенческой характеристикой получателя страховых услуг (постольку, поскольку априори в большинстве случаев связывается именно с носителем риска или его бенефициаром, но не со страховщиком; в отношении страховщика более корректным представляется употребление оборота «экономическое поведение субъекта страхового дела на рынке страховых услуг»). Страховое поведение не может являться услугой, иначе это противоречит как экономическим и социальным законам, так и самой природе поведения как процесса;

- оборот «спрос на «классические» наборы страхового портфеля» [7] – в данном изложении, используемом его авторами, видится полное отсутствие возможности раскрыть его сущность, поскольку классический страховой портфель (если только авторы имели ввиду именно это), связываемый с «набором традиционных услуг», за годы интенсивного развития рынка и усложнения его ассортимента утрачивает свое постоянство и уже не имеет той универсальности в идентификации, которая была возможна в годы активного использования данных терминов, когда особых различий в предлагаемом страховщиками ассортименте не отмечалось. Действительно, возникают вопросы, что понимать под традиционным или классическим применительно к услугам по страхованию в настоящее время и осталось ли оно; каковы методологические основы для выделения сопоставимых между собой «наборов». К сожалению, сами авторы данные вопросы оставили без внимания.

Обращает на себя внимание не только допускаемая неопределенность среди терминов, применяемых для обозначения различных видов спроса в сфере страхования, но и разнообразие смысловых нагрузок, вкладываемых в них. Анализ соответствующих дефиниций дает возможность увидеть, насколько небезобиден терминологический хаос, существующий в среде базовых понятий, невольно переносимый на производные от них конструкции. Поскольку термины «страхование», «страховая услуга», «страховой продукт» в пределах собственных сфер применения вопреки существующих правил отдельными авторами смешиваются между собой, то неоднозначными в интерпретациях оказываются и определения спроса.

Например, в работе «Страховой рынок России: анализ общего реального спроса» вводится понятие спроса на страховые продукты, дается его классификация, но при продолжающем ее описании видов автор уже пользуется термином «спрос на страховую защиту», а позже и вовсе ассоциирует спрос на страховые продукты со спросом на «отдельные виды страхования» [6]. Причем, ключевое понятие «спрос на страховые продукты» представлено в качестве оценочного показателя, в большей мере характеризующего уровень спроса, чем экономическую категорию, а виды спроса – и как оценочные показатели, но уже не в стоимостном, а натуральном выражении, и как индуктивно определяемые явления в конструкции «...спрос – это спрос...».

В работе «К вопросу о стимулировании спроса на страховые услуги», несмотря на ее название, делается попытка раскрыть понятие «спрос на страховые продукты», хотя после этого автор вновь возвращается к обороту «спрос на страховые услуги», словно это равнозначные понятия [23]. Сама интересующая нас в рамках настоящего исследования дефиниция как таковая отсутствует, но предложенный материал может быть полезен при изучении подходов к оценке уровня спроса – в этом случае автор последовательно демонстрирует достаточно четкую позицию относительно меры его измерения.

В работе «Спрос на страховые услуги и факторы, влияющие на спрос – региональный анализ» автор не просто фактически отождествляет между собой неравнозначные по смыслу категории «сложившийся

на страховом рынке спрос» и «спрос на страховые услуги», но и сводит их далее к «платежеспособной потребности в страховании у населения» [11, с. 4]. В этом случае стоит заметить следующее:

- на страховом рынке существует спрос не только на страховые услуги, но и, например, на услуги страхового посредничества или другие аффилированные со страхованием услуги, поэтому вышеуказанное отождествление абсолютно не корректно, равно как и уравнивание страховой услуги и страхования, о чем уже говорилось выше;

- потребность в страховании могут проявлять не только физические, но и юридические лица;

- по мнению профессора А. В. Короткова, процитировавшего в своей работе, посвященной теории спроса, известного ученого профессора И. К. Беляевского, «спрос всегда платежеспособен» [9, с. 73].

Несмотря на очевидные дефекты, допущенные М. М. Магомадовой в представленной дефиниции, она одна из немногих, кто в работах последних лет сделал попытку определить спрос на страховые услуги не с позиций возможной оценки его уровня, а раскрывая сущность внутреннего содержания категории. Более лаконичным и выдержанным на этом фоне, но вместе с тем и лишенным недостатков в сопоставимости базовых терминов, представляется определение, данное А. В. Ермолаевой, которой спрос на страховые услуги связывается с общественной потребностью в страховых услугах [5, с. 48]. Стоит заметить, что в отличие от западных коллег [28; 29], отечественными учеными спрос в сфере страхования в большинстве случаев анализируется вне привязки к определенной теории, описывающей поведение человека при принятии решений в условиях риска (исключение – [25]), в связи с чем предлагаемые ими дефиниции более универсальны – они не содержат элементов, указывающих на детерминанты спроса.

Обращает на себя внимание тот факт, что достаточно широкое распространение в научной литературе получили рекурсивные определения, в которых термин раскрывается через самого себя:

- «под первичным спросом подразумевается суммарный спрос...» [23, с. 28];

- «общий реальный спрос – это спрос...» [1, с. 80];

- под активированным спросом «подразумевается спрос...» [6, с. 56].

Поскольку подобные определения имеют существенный недостаток, выраженный в нарушении основных правил дефиниции, и не раскрывают внутреннего содержания дефиниента, они теряют ценность для формирующегося в науке понятийного аппарата и поэтому требуют от авторов дальнейшей работы над ними.

В большинстве других работ, посвященных страхованию и развитию страхового рынка, понятие спроса либо не раскрывается вовсе, хотя сам термин используется достаточно активно [3; 4; 10; 12; 19; 22; 24; 29], либо фактически представляется с позиций оценочного статистического показателя. В последнем случае спрос в сфере страхования (в этом контексте позволим себе обобщить подходы к понятиям «спрос на страхование», «спрос на страховые услуги», «спрос на страхование») исследователи выражают как «объем премий, который можно получить на определенной географической территории в определенный период времени» [6, с. 56], «объем продаж» [23] и даже как «сумму денег, которую готовы потратить покупатели...» [2] или «часть клиентов...» [6, с. 56; 1, с. 80], что не может не обращать на себя внимание разнообразием представленных формулировок, а в некоторых случаях и их лексической некорректностью. К сожалению, не представляется возможным ни подтвердить, ни отрицать их состоятельность и допустимость использования в научном обороте, а далее и на практике, так как в подавляющем большинстве случаев присутствует лишь авторская точка зрения без обоснования излагаемых утверждений.

Результаты проведенного исследования подтверждают несколько важных общих наблюдений, сделанных видными отечественными учеными: «понимание спроса и процесса его формирования сейчас не лучше, чем при плановой экономике» (проф. А. В. Коротков [9, с. 72]); «произвол в употреблении (понятий) в зависимости от ситуации или своего понимания, безотносительно к содержанию самой науки», «мы отвыкли думать над исходной точкой анализа – теоретической и методологической базой», пишем «не задаваясь вопросом о смысле и субординации употребляемых суждений и умозаключений» (проф. Ж. Т. Тощенко [20, с. 5]), между тем «отсутствие четкости и ясности в формулировках не так безвредно, как кажется на первый взгляд» (проф. Е. Р. Метелева [13, с. 90]) – «такая провозглашаемая безбрежность различных подходов и интерпретаций ставит под сомнение саму возможность понимать друг друга» (проф. Ж. Т. Тощенко [20, с. 4]).

Выводы

В ходе проведенного исследования выявлены следующие пробелы в формировании основного понятийного аппарата, используемого при исследовании и характеристике спроса в сфере страхования:

- введение в оборот выражений, имеющих серьезные смысловые дефекты («спрос на услуги страхового поведения», «спрос на услуги страхования» и т. п.);
- использование понятий «спрос на страховые продукты», «спрос на страховые услуги», «спрос на страхование» вне оценки содержания базовых элементов, составляющих их основу; вне учета размерности уровня спроса [9, с.74];
- вольная, бесосновательная подмена одних понятий другими;
- использование разных по содержанию понятий в качестве синонимичных;
- засилье рекурсивных определений, нарушающих правила дефиниции («спрос – это спрос...»).

Анализ достаточно большого числа публикаций последних лет показал, что основными проблемами изложения теоретических основ прогнозирования и мониторинга спроса на рынке страховых услуг является бесосновательность и ситуативность, допускаемые в употреблении понятий и использовании терминов, достаточно частая подмена знания точкой зрения.

Перспективы дальнейших изысканий связываются нами с методологическим обоснованием иерархии связей в той части терминосистемы, которая задействована в прогнозировании и мониторинге спроса на рынке страховых услуг.

Библиографический список

1. Бирюкова, М. Е. Страховой рынок России: анализ общего реального спроса // Сборник научных статей 9-й международной научно-практической конференции «Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты», в 2 томах, Курск, 21–22 ноября, 2019 г. – 2019. – С. 80–84.
2. Гомелля, В. Б. Специфика страхового спроса и предложения в РФ на современном этапе // Финансы. – 2011. – № 8. – С. 50–52.
3. Гончаров, М. М. Факторы и ограничения развития российского страхового рынка в условиях действия санкций // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 6 (109). – С. 11–14.
4. Елькина, Е. В. Проблемы и перспективы развития страхового рынка в Российской Федерации // Яндаровские чтения. Сборник научных материалов Всероссийского научно-практического семинара, посвященного 100-летию ГГНТУ, Грозный. – 2020. – С. 49–52.
5. Ермолаева, А. В. Теоретические основы статистического исследования российского страхового рынка // Материалы 15-й международной научно-практической конференции «Проблемы развития предприятий: теория и практика», посвященной 85-летию Самарского государственного экономического университета, Самара, 27–28 октября, 2016 г. – 2016. – С. 47–49.
6. Жигас, М. Г. Страховой рынок России: анализ общего реального спроса // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2002. – № 1. – С. 56–58.
7. Кирюшкина, А. Н., Курилова, А. А. Страхование физических лиц // Карельский научный журнал. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 193–196.
8. Кондрацкая, Т. А., Хоавило, Д. С. Клиентский сервис в страховых компаниях // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 28–28. [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).28](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).28)
9. Коротков, А. В., Вершинина, А. А. О содержании экономической категории и измерении рыночного спроса // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2014. – № 1. – С. 72–77.
10. Кузнецова, Н. В. Благополучие населения как фактор развития страхового рынка // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 6. [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(6\).3](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(6).3)
11. Магомадова, М. М. Спрос на страховые услуги и факторы, влияющие на спрос – региональный анализ // International Scientific Review. – 2015. – № 8 (9). – С. 39–40.
12. Макарова, Г. Ю., Макаров, М. С. Российский рынок страхования и перестрахования: основные характеристики и проблемы развития // Социальная политика и социология. – 2019. – Т. 18, № 2 (131). – С. 7–16. <https://www.doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-7-16>
13. Метелева, Е. Р. Определение ключевых терминов в социальной сфере // Известия Байкальского государственного университета. – 2016. – Т. 26, № 1. – С. 90–98. [https://www.doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(1\).90-98](https://www.doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(1).90-98)

14. Орланюк-Малицкая, Л. А., Илиев, Б. О формировании страховой услуги // *Финансы и кредит*. – 2000. – № 8 (68). – С. 35–39.
15. Подольская, Н. И. Факторы страхового поведения индивидов // *Научный вектор*. Сб. науч. трудов магистрантов. Под науч. ред. А. У. Альбекова, Ростов-на-Дону. – 2018. – С. 103–108.
16. Садькова, Л. М., Коробейникова, Е. В. Критерии классификации страховых продуктов // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2014. – № 8 (169). – С. 169–174.
17. Синявская, Т. Г., Трегубова, А. А. Кто выбирает разные типы страхования: эконометрический анализ // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2019. – № 8. – С. 58–68. <https://www.doi.org/10.25198/2077-7175-2019-8-58>
18. Синявская, Т. Г., Трегубова, А. А., Федотова, Э. А. Эконометрическое моделирование спроса на услуги добровольного страхования // *Учет и статистика*. – 2018. – № 1 (49). – С. 53–62.
19. Сударикова, И. А. Страхование жизни: факторы спроса в новых условиях // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. – 2019. – № 4 (78). – С. 123–128.
20. Тощенко, Ж. Т. О понятийном аппарате социологии // *Социологические исследования*. 2002. – № 9. – С. 3–16.
21. Феоктистова, Н. А. Региональные страховые рынки: факторы, влияющие на их формирование и развитие // *Вклад страховой теории и практики в повышение финансовой грамотности населения в координатах меняющейся экономики*. Сборник трудов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Псков. – 2020. – С. 113–117.
22. Филина, М. А. Востребованность страхования населением региона и факторы, ее определяющие // *Вестник Дагестанского государственного университета*. Серия 3: Общественные науки. – 2017. – Т. 32, № 1. – С. 20–24. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-1-20-24>
23. Хитрова, Е. М. К вопросу о стимулировании спроса на страховые услуги // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2012. – № 6 (86). – С. 27–30.
24. Хитрова, Е. М. Концентрация на рынке страховых услуг: объективный процесс или угроза развития конкуренции // *Актуальные тенденции развития мировой экономики. материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях*. – 2016. – С. 248–253.
25. Челухина, Н. Ф. Теоретические предпосылки формирования спроса на медицинское страхование // *Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова*. – 2014. – № 8 (74). – С. 44–52.
26. Шавкунова, И. С. Культурные и личностные детерминанты стратегии принятия экономических решений // *Психология в экономике и управлении*. – 2017. – Т. 9, № 2. – С. 18–25. [https://www.doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).18-25](https://www.doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).18-25)
27. Щербакова, В. И. От страхового продукта к страховой услуге: определение объекта страхового рынка // *Экономический вестник Донбасса*. – 2012. – № 1 (27). – С. 96–103.
28. Hwang, In Do, Prospect Theory and Insurance Demand // *Electronic Journal*, July 15, 2016 <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2586360> (дата обращения: 20.06.2021).
29. Schmidt, U., Insurance demand under prospect theory: A graphical analysis (March 2016), *Journal of Risk and Insurance*. – 2016. – V. 83, Is. 1. – Pp. 77–89.

References

1. Biryukova M. E. Insurance market of Russia: analysis of the general real demand, *Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference "Strategy of Socio-Economic Development of the Society: Managerial, Legal, Economic Aspects"*, in 2 vol., Kursk, 21–22 November, 2019, pp. 80–84. (In Russian).
2. Gomellya V. B. Specifics of insurance demand and supply in the Russian Federation at the present stage. *Finance*, 2011, no. 8, pp. 50–52. (In Russian).
3. Goncharov M. M. Factors and limitations of the development of the Russian insurance market in the conditions of sanctions, *Science and Education: Economy and Economics, Entrepreneurship, Law and Management*, 2019, vol. 109, no. 6, pp. 11–14. (In Russian).
4. El'kina E. V. Problems and prospects of the insurance market development in the Russian Federation, *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Seminar "Yandarovsky Readings" dedicated to the 100th Anniversary of GGNTU*, Grozny, 2020, pp. 49–52. (In Russian).
5. Ermolaeva A.V. Theoretical basis of statistical research of Russian insurance market, *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice, Proceedings of the 15th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th Anniversary of the Samara State University of Economics*, Samara State University of Economics, October 27–28 октября, 2016, pp. 47–49. (In Russian).

6. Zhigas M. G. Russian insurance market: the analysis of general existing demand, *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2002, no. 1 (30), pp. 56–58. (In Russian).
7. Kiryushkina A. N., Kurilova A. A. Insurance of physical persons, *Karelian Scientific Journal*, 2017, vol. 6, no. 4 (21), pp. 193–196. (In Russian).
8. Kondratska, T. A., Havila D. S. (2017) Customer service in insurance companies, *Baikal Research Journal*, vol. 8, no. 2 (In Russian). [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).28](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).28)
9. Korotkov V. A., Vershinina A. A. The content of an economic category and the measurement of the market demand, *Statistics and Economics*, 2014, no. 1, pp. 72–77. (In Russian).
10. Kuznetsova N. V. Welfare of the population as a factor in the development of the insurance market, *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 6 (In Russian). [https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7\(6\).3](https://www.doi.org/10.17150/2411-6262.2016.7(6).3)
11. Magomadova M. M. Demand for insurance services and factors influencing demand-regional analysis, *International Scientific Review*, 2015, no. 8 (9), pp. 39–40. (In Russian).
12. Makarova G. Yu., Makarov M. S. Russian insurance and reinsurance market: main characteristics and problems of development, *Social Policy and Sociology*, 2019, vol. 18, no. 2 (131), pp. 7–16. (In Russian). <https://www.doi.org/10.17922/2071-3665-2019-18-2-7-16>
13. Meteleva E. R. Definition of key terms in the social sphere, *Bulletin of Baikal State University*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 90–98. (In Russian). [https://www.doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(1\).90-98](https://www.doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(1).90-98)
14. Orlyanyuk-Malitskaya L. A., Iliev B. On the formation of insurance services, *Finance and Credit*, 2000, no. 8 (68), pp. 35–39. (In Russian).
15. Podolskaya N. I. Factors of insurance behavior of individuals, *Nauchnyi vektor. Collection of Scientific Works of Undergraduates*, Under the scientific editorship of A. U. Albekov, Rostov-on-Don, 2018, pp. 103–108. (In Russian).
16. Sadykova L. M., Korobeynikova E. V. Criteria for classification of insurance products, *Vestnik Orenburg State University*, 2014, no. 8 (169), pp. 169–174. (In Russian).
17. Sinyavskaya T. G., Tregubova A. A. Who chooses different types of insurance: econometric analysis, *Intellect. Innovation. Investments*, 2019, no. 8, pp. 58–68. (In Russian). <https://www.doi.org/10.25198/2077-7175-2019-8-58>
18. Sinyavskaya T. G., Tregubova A. A., Fedotova E. A. Econometric modeling of demand for voluntary insurance, *Accounting and Statistics*, 2018, no. 1 (49), pp. 53–62. (In Russian).
19. Sudarikova I. A. Life insurance: demand factors in new conditions, *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo gouniversiteta*, 2019, no. 4 (78), pp. 123–128. (In Russian).
20. Toshchenko Zh. T. On the conceptual apparatus of sociology, *Sociological Studies*, 2002, no. 9, pp. 3–16. (In Russian).
21. Feoktistova N. A. Regional insurance markets: factors influencing their formation and development, *Contribution of Insurance Theory and Practice to Improving Financial Literacy of the Population in the Coordinates of a Changing Economy, Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference*, Pskov, 2020, pp. 113–117. (In Russian).
22. Filina M. A. The factors determining the demand for insurance by the people of the region, *Herald of the Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*, 2017, vol. 32, no. 1, pp. 20–24. (In Russian). <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2017-32-1-20-24>
23. Khitrova E. M. On stimulating insurance services demand, *Bulletin of Baikal State University*, 2012, no. 6 (86), pp. 27–30. (In Russian).
24. Khitrova E. M. Concentration on the insurance services market: an objective process or the threat of competition development, *Current trends in the Development of the World Economy. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference: in 2 parts*, 2016, pp. 248–253. (In Russian)..
25. Chelukhina N. F. Theoretical pre-conditions of forming the demand for medical insurance, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2014, no. 8 (74), pp. 44–52. (In Russian).
26. Shavkunova I. S. Cultural and personal determinants of economic decisions-making strategy, *Psychology in Economics and Management*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 18–25. (In Russian). [https://www.doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9\(2\).18-25](https://www.doi.org/10.17150/2225-7845.2017.9(2).18-25)
27. Shcherbakova V. I. From an insurance product to an insurance service: determining the object of the insurance market, *Economic Herald of the Donbass*, 2012, no. 1 (27), pp. 96–103. (In Russian)..
28. Hwang, In Do, Prospect theory and insurance demand, *SSRN Electronic Journal*, July 15, 2016. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2586360> (accessed 20.06.2021)
29. Schmidt, U. Insurance demand under prospect theory: A graphical analysis, March, *Journal of Risk and Insurance*, 2016, vol. 83, issue 1, pp. 77–89.

Траченко Марина Борисовна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2923-4316

e-mail: mb_trachenko@guu.ru

Кудашов Владислав Владимирович

магистр, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2923-4316

e-mail: v.kudaschov@yandex.ru

МОДЕЛЬ ФИНАНСИРОВАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы финансирования агропромышленного комплекса региона. Дана критическая оценка действующей модели государственной поддержки организаций сельского хозяйства. Выявлено, что при принятии решения о выделении субсидии регион руководствуется исключительно производственными показателями и не оценивает влияние субсидирования на финансовое состояние сельхозпроизводителей в будущем. Предложено дополнить оценку результативности предоставления субсидий в региональных государственных программах развития сельского хозяйства сопоставлением объемов выданных кредитов и создаваемой добавленной стоимости за определенный период. Разработана универсальная модель финансирования агропромышленного комплекса региона России, позволяющая выбрать наиболее эффективный вариант распределения бюджетного финансирования сельскохозяйственных организаций конкретного региона.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, регион, модель финансирования, сельское хозяйство, государственная поддержка, субсидия, эффективность субсидирования, источники финансирования, продовольственная безопасность

Для цитирования: Траченко М.Б., Кудашов В.В. Модель финансирования агропромышленного комплекса региона // Вестник университета. 2021. № 9. С. 145-150.

Marina B. Trachenko

Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2923-4316

e-mail: mb_trachenko@guu.ru

Vladislav V. Kudashov

Master of Degree, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2923-4316

e-mail: v.kudaschov@yandex.ru

MODEL FOR FINANCING THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REGION

Abstract. The article deals with the problems of financing the agro-industrial complex of the region. A critical assessment of the current model of state support for agricultural organisations is given. It was revealed that when deciding on the allocation of subsidies, the region is guided exclusively by production indicators and does not assess the impact of subsidies on the financial condition of agricultural producers in the future. It is proposed that the assessment of the effectiveness of the provision of subsidies be supplemented in regional state programs for the development of agriculture by comparing the volumes of loans issued and the added value created for a certain period. A universal model of financing the agro-industrial complex of the Russian region has been developed, which makes it possible to choose the most effective option for the distribution of budgetary financing of agricultural organizations in a particular region.

Keywords: agro-industrial complex, region, financing model, agriculture, state support, subsidy, subsidies efficiency, funding sources, food security

For citation: Trachenko M.B., Kudashov V.V. (2021) Model for financing the agro-industrial complex of the region // Vestnik universiteta, no. 9, pp. 145-150. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-145-150

Введение

Устойчивое социально-экономическое развитие любого государства характеризуется минимальными показателями уровня бедности населения, уровня смертности, высокими показателями продовольственной безопасности и постоянным увеличением валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения. Решение задач, связанных с достижением устойчивого социально-экономического развития России, в значительной степени зависит от уровня и динамики показателей агропромышленного комплекса (далее – АПК)

© Траченко М.Б., Кудашов В.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Фамилия О.В., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

страны. Сельское хозяйство и предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья относятся к традиционным для Российской Федерации (далее – РФ) видам деятельности, являются достаточно материалоемкими, с низкой экономической эффективностью и достаточно значительными сроками окупаемости различных инвестиционных проектов, что отстраняет потенциальных инвесторов от возможного вложения своего капитала в АПК. Несмотря на то, что агропромышленный комплекс демонстрирует в последние годы умеренные темпы роста по сравнению с предыдущими отчетными периодами, таких темпов недостаточно для обеспечения интенсивного и прорывного развития отраслей сельского хозяйства, так как доля валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в структуре валового продукта России стабильна и не увеличивается. Агропромышленный комплекс занимает седьмую позицию в структуре формирования ВВП и четвертое место по количеству занятых в отрасли.

Особо остро поднимаются вопросы развития АПК в регионах РФ, в которых наблюдается стагнация развития производства или, вообще, деградация структуры производства отраслей сельского хозяйства. Для таких субъектов РФ, к числу которых относится и Московская область, характерен низкий уровень инвестиционной привлекательности секторов АПК, снижение эффективности использования имеющихся ресурсов и их выбытие, недостаточное развитие рыночной кооперации, неудовлетворительное финансовое состояние большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей, значительная доля морально устаревшей техники и оборудования, а также высокая степень износа основных средств, отсутствие собственных ресурсов, наличие высокой степени закредитованности сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Постановка проблемы

Со стороны государства осуществляются попытки обеспечения условий экономического развития АПК через предоставление субсидий, а также льготных инвестиционных кредитов на ряд необходимых затрат, таких как финансирование сезонных работ, выплата заработной платы и др. Однако, этих мероприятий недостаточно для трансформации АПК и формирования концептуально нового вектора развития отраслей сельского хозяйства, который позволит увеличить значимость АПК не только с точки зрения его доли в формировании ВВП, но и улучшения качества жизни населения. Нерешенной задачей субсидирования АПК является определение таких минимальных сумм субсидий, которые позволят не только достичь целевых производственных результатов, но и обеспечат нормальное финансовое состояние сельскохозяйственных организаций. В связи с этим актуально исследование, направленное на разработку универсальной модели финансирования АПК регионов России, позволяющей выбрать наиболее эффективный вариант распределения бюджетного финансирования организаций отрасли сельского хозяйства конкретного региона.

Литературный обзор

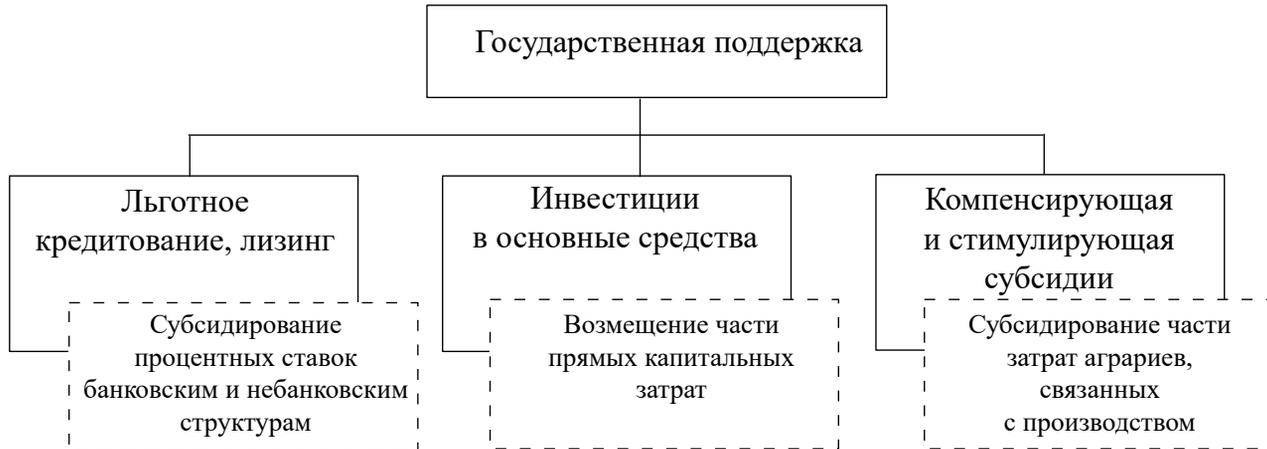
Источникам финансирования предприятий сельского хозяйства посвящено много научных работ, в которых отражены различные подходы авторов. Можно согласиться с мнением И. Ф. Пильниковой и М. А. Тизяковой, отмечающих, что основным источником осуществления деятельности компаний данного сектора реальной экономики являются именно внешние источники финансирования (кредиты и займы, лизинг, целевое финансирование государства и др.) [9]. По мнению В. А. Агибалова и О. С. Капцовой в сельскохозяйственной отрасли необходимо достаточно жесткое государственное регулирование, а также обеспечение экономического паритета с другими отраслями экономики и ее структурными элементами [3]. А. Ю. Аверин и Р. Р. Юнчева отмечают, что введение системы «единой субсидии» негативно сказывается на распределении мер государственной поддержки, формирует иждивенческие настроения [2]. О. А. Жданова с соавторами считают необходимым модернизировать способы оказания государственной поддержки посредством пропорционального выделения бюджетных средств с целью сохранения совокупного баланса производства продукции растениеводства и животноводства [5]. Многие исследователи обращают внимание, что одной из проблем в области сельского хозяйства является совокупный недостаток финансирования отрасли [7; 8; 9]. Финансовая самостоятельность предприятий имеет настолько низкие показатели, что вызывает значительную зависимость от внешних привлекаемых ресурсов, прежде всего, кредитных на финансирование оборотного капитала [6; 4].

Основными источниками финансирования сельского хозяйства региона традиционно выступают заемные ресурсы от банковского сектора (доля в совокупном капитале в среднем достигает 70 %) и государственная

поддержка (посредством предоставления субсидий, иных межбюджетных трансфертов в случаях с оказанием прямой поддержки конкретному предприятию). Собственные средства имеют наименьший удельный вес в структуре капитала; предприятиям сельского хозяйства свойственны значительные кассовые разрывы, обусловленные сезонностью и длительным производственным циклом. Проблемной зоной является оценка результативности предоставления субсидий. Например, в сфере предоставления субсидий по выданным краткосрочным и инвестиционным кредитам эффективность господдержки определяется исходя из объема кредитов на рубль субсидии. Расчет эффективности таким способом не учитывает возможное формирование девиантного поведения, которое проявляется в снижении результативности производственно-хозяйственной деятельности. Целесообразно дополнить в региональных государственных программах развития сельского хозяйства оценку эффективности субсидирования сопоставлением объемов выданных кредитов и создаваемой добавленной стоимости за определенный период.

Действующая модель оказания государственной поддержки субъектам АПК, изображенная на рисунке 1, представляет собой софинансирование расходов хозяйствующих субъектов по основным направлениям, определенным в государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [1]. Субъекты РФ предоставляют адресную помощь аграриям по следующим направлениям:

- поддержание производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства (компенсирующая субсидия);
- прирост производства по определенным для каждого региона России приоритетным подотраслям (стимулирующая субсидия);
- субсидирование процентных ставок по выданным аграриям краткосрочным и инвестиционным кредитам банковской структуре (90 % от ключевой ставки Центрального Банка РФ);
- возмещение части капитальных затрат;
- субсидирование мелиоративных мероприятий, связанных с введением в оборот земель сельскохозяйственного назначения.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Действующая модель государственной поддержки организаций сельского хозяйства

Необходимо отметить, что все расходы федерального бюджета на развитие АПК носят характер софинансирования бюджетных расходов регионов, то есть если регион в своем бюджете не предусмотрел расходы по определенному направлению и не заключил соответствующее соглашение с Министерством сельского хозяйства России, аграрию государственную поддержку получить не удастся либо она будет предоставлена не в полном объеме. При принятии решения о выделении субсидии регион руководствуется исключительно производственными показателями и не оценивает влияние субсидирования на финансовое состояние сельхозпроизводителей в будущем. Действующая модель оказания региональной государственной поддержки исчерпала себя и не позволяет обеспечить переход к качественно новому уровню развития сельского хозяйства.

Теория и методы

Предлагается в универсальную модель финансирования АПК региона помимо показателей, связанных с объемами производства сельскохозяйственной продукции, включить ряд макроэкономических факторов, а также отдельные показатели, характеризующие социальный блок и финансово-экономическое состояние предприятий АПК. Полный перечень показателей, которые рассматривались для включения в модель финансирования АПК региона, представлен в таблице 1.

Таблица 1

Показатели, влияющие на агропромышленный комплекс региона и характеризующие уровень его развития

Блок показателей	Показатели
Макроэкономический блок	Индекс отпускных цен производителей сельскохозяйственной продукции Доля АПК в структуре валового регионального продукта Размер ключевой ставки Объем произведенной добавленной стоимости в АПК региона
Блок показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние предприятий АПК	Доля убыточных предприятий сельского хозяйства, в том числе характеризующихся признаками банкротства Совокупный оборот предприятий сельского хозяйства Размер просроченных кредитов и займов предприятий сельского хозяйства Индекс физического объема инвестиций в основной капитал предприятий АПК региона Динамика степени износа основных фондов предприятий сельского хозяйства региона Себестоимость предприятий сельского хозяйства
Социальный блок	Уровень безработицы в регионе Реальные располагаемые доходы населения региона Численность и доля занятых в сельском хозяйстве региона Отношение среднемесячной начисленной заработной платы работников АПК к среднему уровню в регионе

Составлено авторами по материалам исследования

При разработке модели был взят период с 2005 г. по 2019 г., что позволило учесть тенденции развития отрасли, убрать имеющиеся флуктуации, в том числе разовые и неперiodические. Показатели, отраженные в таблице 1, проверены на наличие корреляционных зависимостей, в результате чего исключены факторы, вызывающие сильную автокорреляцию (при коэффициенте корреляции зависимости между факторами выше 0,5). Еще три переменные (индекс физического объема инвестиций в основной капитал, доля убыточных предприятий сельского хозяйства, а также динамика степени износа основных фондов предприятий сельского хозяйства региона) признаны несущественными ввиду незначительного влияния на результат расчета по модели. Коэффициент детерминации составил 0,92, что говорит о сильном влиянии выбранных четырех факторных показателей на результирующий.

Разработанная модель предоставления мер государственной поддержки из регионального бюджета для конкретной организации отрасли сельского хозяйства субъекта РФ устанавливает зависимость субсидии от обоснованных выше показателей. Объем господдержки конкретной организации субъекта РФ определяется по формуле:

$$V \Pi_{pi} / \Pi_p + 0,017 \cdot (174\,191 + 366\,316 \cdot x_{1i} / x_1 + 0,11 \cdot x_{2i} / x_2 + 639\,541 \cdot x_{3i} / x_3 + 0,11 x_{4i} / x_4), \quad (1)$$

где V – бюджетные ассигнования, заложенные в бюджете субъекта РФ; Π_{pi} – производственный показатель i -й организации по виду продукции, подлежащей субсидированию из регионального бюджета; Π_p – совокупный объем производства субсидируемой продукции всеми организациями региона; X_{1i} – индекс отпускной цены i -й

организации; X_{2i} – оборот i -й организации; X_{3i} – количество выбывших сотрудников в i -й организации за отчетный период; X_{4i} – себестоимость i -й организации.

Зависимость объема субсидирования конкретной организации региона России установлена на основе статистического анализа данных Московской области, и коэффициенты при факторных переменных могут быть уточнены для условий другого субъекта РФ.

Для производственных показателей малых предприятий целесообразно установить повышающий коэффициент 1,1, что связано с нивелированием рисков масштаба бизнеса.

Разработанная модель апробирована на данных сельскохозяйственных предприятий Московской области ООО «Нока Агро», ФГУП «Пойма» и ООО «Родина». Сравнительный анализ действующего распределения субсидий и предоставления субсидий на основе разработанной универсальной модели финансирования АПК региона представлен в таблице 2.

Таблица 2

Объемы государственной поддержки при действующей и предлагаемой моделях финансирования организаций агропромышленного комплекса Московской области

Организация	2019 г.	2020 г.	2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Версия модели субсидирования							
	Действующая	Действующая	Предлагаемая	Действующая	Предлагаемая	Действующая	Предлагаемая	
ООО «Нока Агро», тыс. руб.	193 628	385 650	391 151	400 273	391 428	400 508	381 123	390 198
ФГУП «Пойма», тыс. руб.	-	105 259	186 439	195 816	186 601	195 868	180 613	189 808
ООО «Родина», тыс. руб.	51 153	65 793	91 456	100 123	91 535	100 993	88 598	97 619
Изменение объема поддержки, %	-		9,5		10,4		10,2	

Составлено авторами по материалам исследования

Основные результаты

Предоставление государственной поддержки сельскохозяйственным предприятиям Московской области на основе разработанной модели финансирования АПК региона приведет к увеличению субсидирования по подпрограмме «Развитие отраслей сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Московской области» примерно на 10%. Дополнительное субсидирование составит в 2022 г. 506,6 млн руб., а в 2023 г. – 483,1 млн руб. Увеличение бюджетных расходов региона является оправданным, так как позволит не только достичь целевых производственных показателей, но и поддержать финансово-экономическую стабильность организаций регионального АПК, предотвратить их банкротство. Дополнительные бюджетные ассигнования из регионального бюджета предлагается профинансировать за счет внутреннего перераспределения финансовых ресурсов, например из подраздела «Другие вопросы в области национальной экономики».

Заключение

Таким образом, разработанная универсальная модель финансирования агропромышленного комплекса региона России, позволяющая повысить результативность распределения бюджетного финансирования сельскохозяйственных организаций региона, апробирована на данных организаций агропромышленного комплекса Московской области и показала практическую применимость. Дальнейшее развитие этой модели связано с ее адаптацией для использования в других регионах России.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 06.04.2021) «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2021).
2. Аверин, А. Ю., Юняева, Р. Р. Проблемы и перспективы развития системы государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации в рамках концепции единого субсидирования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4-44. – С. 181–190.
3. Агibalов, В. А., Капцова, О. С. Состояние финансового обеспечения государственной поддержки АПК // Финансовый вестник. – 2016. – № 1 (32). – С. 72–80.
4. Дудникова, Е. Б., Ткачев, С. И., Волощук, Л. А. Тенденция показателей устойчивого развития сельскохозяйственного производства // Вестник академии знаний. – 2019. – № 2 (31). – С. 101–106.
5. Жданова, О. А., Бондаренко, Н. Е., Бондаренко, Т. Г., Горяйнова, Л. В., Максимова, Т. П. Совершенствование системы финансирования российского агропромышленного комплекса // Плехановский Научный Бюллетень. – 2018. – № 2 (14). – С. 21–35.
6. Куницкая, Д. Н. Проблемы финансирования агропромышленного комплекса РФ // Наука через призму времени. – 2019. – № 3 (24). – С. 20–22.
7. Ларинина, Т. И., Бармина, Е. А. Направления и перспективы государственной поддержки АПК в Кировской области // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019). – Киров: Вятский государственный университет, 2019. – С. 290–294.
8. Мамаева, Е.А. Государственная поддержка сельского хозяйства в Республике Марий Эл. – 2018.
9. Пильникова, И. Ф., Тизякова, М. А. Источники финансирования сельскохозяйственных предприятий // Молодежь и наука. – 2018. – № 4. – С. 107.

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 717 dated on July 14, 2012 (as amended, dated on April 6, 2021) “On the State Program of Agricultural Development and Regulation of Markets of Agricultural Products, Raw Materials and Food”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (accessed 13.06.2021).
2. Averin A. Yu., Yunyaeva R. R. Problems and prospects of development of the state support system for the agro-industrial sector in the Russian Federation in the framework of the unified subsidy concept, *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*, 2017, no. 4-44, pp. 181–190. (In Russian).
3. Agibalov A. V., Kaptsova O. S. The state of financing maintenance of state support for agriculture, *Finansovyi vestnik*, 2016, pp. 72–80. (In Russian).
4. Dudnikova E. B., Tkachev S. I., Voloshchuk L. A. The trend indicators of sustainable development of agricultural production, *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, no. 2 (31), pp. 101–106. (In Russian).
5. Zhdanova O. A., Bondarenko N. E., Bondarenko T. G., Goryainova L. V., Maksimova T. P. Improvement of the system of financing of the Russian agro-industrial complex, *Plekhanovskii Nauchnyi Byulleten*, 2018, no. 2 (14), pp. 21–35. (In Russian).
6. Kunitskaya D. N. Problems of financing the agro-industrial complex of the Russian Federation, *Nauka cherez prizmu vremeni*, 2019, no. 3 (24), pp. 20–22. (In Russian).
7. Larinina T. I., Barmina E. A. Directions and prospects of state support of the agroindustrial complex in the Kirov region, *Society. Science. Innovations (NPK-2019)*, Kirov, Vyatka State University, 2019, pp. 290–294. (In Russian).
8. Mamaeva E.A. *State support for agriculture in the Republic of Mari El*, 2018. (In Russian).
9. Pil’nikova I.F., Tizyakova M.A. Sources of financing of agricultural enterprises, *Molodezh’ i nauka*, 2018, no. 4, pp. 107. (In Russian).

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 32.019.5, 81

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-151-155

Горячева Ольга Николаевна

канд. филол. наук, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский институт Казанского федерального университета», г. Набережные Челны, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1156-9679

e-mail: olganikgor@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ С УЧЕТОМ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Аннотация. В мире виртуальной реальности реципиенту информации становится достаточно сложно разобраться в том, насколько потребляемый им образ, созданный в медиареальности, соответствует феномену социальной действительности, чьим отражением он является. Конструирование медиареальности в средствах массовой информации, представляет особый интерес для исследований в сфере социологии, культурологии, психологии, лингвистики, рекламы, PR. Изучение генезиса медиареальности в парадигме массмедиа представляет собой базис для выявления основных тенденций развития коммуникативистики. Интерес вызывает взаимообусловленность повестки дня и средств воздействия на потребителей информации, используемых в средствах массовой информации. Актуальность работы связана с пониманием того, что конструирование медиареальности превращается в медиaproцесс. Проблематичным становится выделение в медиапотоке приоритетной информации: сознание реципиента значительно перегружено, индивид не успевает провести анализ полученной информации, а лишь дает ему поверхностную эмоциональную оценку. В статье анализируются материалы массмедиа, отражающие повестку дня и влияющие на конструирование медиареальности. Практическая значимость исследования потенциала массмедиа в конструировании медиареальности заключается в выявлении приоритетных для повестки дня тем публикаций, воздействующих на потребителя информационного контента.

Ключевые слова: массмедиа, повестка дня, медиареальность, социум, коммуникация, медиаобраз, манипуляция, информация, журналистика, психология восприятия

Для цитирования: Горячева О.Н. Конструирование медиареальности с учетом повестки дня//Вестник университета. 2021. № 9. С. 151-155.

Olga N. Goryacheva

Cand. Sci. (Philol.), Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

ORCID: 0000-0002-1156-9679

e-mail: olganikgor@mail.ru

CONSTRUCTING MEDIA REALITY WITH AN AGENDA IN MIND

Abstract. In the world of virtual reality, it becomes quite difficult for the recipient of information to understand how much the image he uses, created in media reality, corresponds to the phenomenon of social reality, of which it is a reflection. The construction of media reality in the media is of particular interest for research in the field of sociology, cultural studies, psychology, linguistics, advertising, PR. The study of the genesis of media reality in the paradigm of mass media is the basis for identifying the main trends in the development of communication science. Of interest is the interdependence of the agenda and the means of influencing consumers of information used in the media. The relevance of the work is associated with the understanding that the construction of media reality turns into a media process. The allocation of priority information in the media stream becomes problematic: the consciousness of the recipient is significantly overloaded the individual does not have time to analyze the information received, but only gives him a superficial emotional assessment. The article analyses mass media materials that reflect the agenda and affect the construction of media reality. The practical significance of the study of the potential of mass media in the construction of media reality is to identify priority topics for the agenda of publications that affect the consumer of information content.

Keywords: mass media, agenda, media reality, society, communication, media image, manipulation, information, journalism, psychology of perception

For citation: Goryacheva O.N. (2021) Constructing media reality with an agenda in mind. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 151– 155. DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-151-155

© Горячева О.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Goryacheva O.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Медиареальность в контексте медиатизации коммуникативных процессов понимается как социальная парадигма, воздействующая на сознание граждан. Цифровая эпоха, эпоха медиа – явление неоднозначное, породившее ряд как позитивных, так и негативных феноменов. Современная структура медиапространства, активная цифровизация, интернетизация общества создала условия для эффективной обратной связи между населением и государством.

Актуальность работы связана с пониманием того, что конструирование медиареальности превращается в медиапроцесс. Проблематичным становится выделение в медиапотоке приоритетной информации: сознание реципиента значительно перегружено, индивид не успевает провести анализ полученной информации, а лишь дает ему поверхностную эмоциональную оценку. Медиа стимулируют соответствующие изменения в пространстве коммуникаций, «вливают на изменения внутри тематического контента» [6, с. 102]. Политическая реальность сегодня представляет собой множественную медиареальность.

Цель статьи: изучить потенциал медиаресурсов в конструировании медиареальности с учетом развития возможностей информационной среды в определении повестки дня. Уже сегодня можно говорить о наличии у некоторых стран опыта так называемой «электронной демократии», а также о возникновении предпосылок формирования «виртуального государства». Актуальность нашего исследования обусловлена интересом к конструированию медиареальности и манипулятивным техникам в массмедийном пространстве, который прослеживается в работах не только зарубежных исследователей [1; 2; 5; 10; 13; 17; 18].

Методы

В массмедийном пространстве реальность трансформируется в виртуальную и, оказываясь в символическое поле, воздействует на аудиторию. Анализ одной из ключевых функций средств массовой информации (далее – СМИ) – идеологической, позволяет установить формирование определенной картины мира и повестки дня. Метод сравнения используется для соотнесения медиареальности с действительностью. Метод анализа эмпирических данных социальной деятельности способствует установлению истины в оформлении медиаматериалов.

Обсуждение результатов

В масс-медиа не только создаются, но и распространяются символы и мифы, оказывающие манипулятивное воздействие на сознание потребителей контента. Заимствованные из сферы рекламы и связей с общественностью технологии имиджмейкинга, брендинга, режиссуры и мифотворчества базируются на соединении магического и технического мировосприятия. Развитие электронной инфраструктуры, виртуальной реальности привело к целенаправленному созданию текстов, формирующих пространство с учетом повестки дня. С помощью СМИ мифотехнологи передают огромным массам людей «авторитетное мнение», в процессе «псевдомышления» трансформируемое индивидами в «собственное мнение» [7, с. 58].

Отличительная особенность медиареальности заключается в том, что зачастую проверить подлинность ее символов и образов не представляется возможным. Для конструирования медиареальности могут применяться различные техники манипулирования сознанием аудитории, например, намеренное искажение информации, тенденциозная ее подача, что привело к появлению термина «медийный фейк-дискурс». К часто используемым в медиапространстве средствам искажения реальности можно отнести фотомонтаж, видеоподмену, лукавую медиастатистику и видеострашилку: все перечисленные выше способы включены в арсенал информационной войны, подобные вбросы осуществляются даже ведущими международными СМИ.

Медиареальность для обывателя заменяет реальность социальную, образ события в его сознании вытесняет само событие. В регионах еще сохраняется интерес к печатным СМИ, формирующим повестку дня с учетом тем федеральных медиацентров. Указанный процесс можно проследить на примере публикаций муниципальной электронной газеты «Челнинские известия» [9].

В период с 5 июля 2021 г. по 5 августа 2021 г. были опубликованы 1 104 статьи, распределенные по 16 рубрикам. Самые многочисленные по составу рубрики «Город и горожане» (165), «События и факты» (255), «Топ 5 горячих новостей» (260) дублируют информацию из других разделов газеты и не всегда посвящены городским событиям. В рубрике «Топ 5 горячих новостей» сложно проследить логику ранжирования

материала: статьи бытового характера «Как приготовить аппетитные кабачковые блинчики с петрушкой?» (10 июля 2021 г., 9 ч. 14 мин.) соседствуют с остро политическими – «В конце июля в Татарстане состоится KazanSummit» (15 июля 2021 г., 13 ч. 42 мин.) и фантастическими – «В России появились вакансии волшебников» (25 июля 2021 г., 11 ч. 6 мин.). В разные дни в «Топ 5» включают от 4 новостей (1 августа 2021 г.) до 12 (3 августа 2021 г.), что не соотносится с названием раздела. Акцентирование внимания на негативной информации прослеживается в совокупном количестве статей (140) размещенных в тематически похожих рубриках «Криминал» (75) и «Происшествие» (65). Вторая по заполняемости колонка газеты – «Здоровье» (45). Подавляющее большинство статей этой рубрики посвящены коронавирусной проблематике (31/14). Наименьшее количество публикаций в рубриках «ЖКХ» (18), «Образование» (18), «Бизнес» (19), «Спорт» (22), «Культура» (23), «Общество» (25). Раздел «Справочная» (0) не пополнялся с 23 февраля 2021 г., что позволяет предположить, что тематическое консультирование и общественное просвещение не входит в сферу интересов издательства. В результате аналитического сравнения опубликованных материалов с действительной жизнью горожан можно сделать вывод о конструируемой медиареальности, в которой повестку дня определяет навязанная обывателям криминальная тематика и сообщения о коронавирусной инфекции.

Медиареальность конструируется психологическими и языковыми средствами, создается целенаправленно и сознательно различными способами. В работах В. Кестера сообщается о том, что «система медиа конструирует мир как совокупность медийно сообщаемых знаков, которые стали репрезентациями, не отождествляемыми с реальностью» [14, с. 471]. Для усиления медийного воздействия, по замечанию Л. И. Гришаевой, используется «повтор – содержательный и лексический, – имеющий место в разных изданиях, разных медиаресурсах, разных типах текста, разных лингвокультурах, реализуемый на протяжении довольно длительного временного промежутка» [3, с. 314]. Реципиенты считают конструируемую в медиасреде реальность даже более действительной, чем та, что есть на самом деле. Так, по результатам опроса Исследовательского центра портала SuperJob подавляющее большинство россиян (16 %) назвали «коронавирус» главным словом 2021 г., в то время как слова «жизнь», «семья», «работа» посчитали важными лишь 2 % участников опросы [8]. Коронавирусная тема в повестке дня медиакommunikации создала в сознании респондентов особое отношение к медиареальности, заместившей традиционные ценности семьи и перенастроившей фокус внимания потребителей информации. Использование разных номинативных средств при обозначении одного и того же феномена обуславливает и разное отношение к нему и в дальнейшем разные действия и поведение реципиентов в контексте этого феномена.

Выводы

При определении манипулятивного потенциала Д. Перрин полагает, что «следует учитывать, насколько медийная повестка дня соответствует публичной» [16, с. 322]. Немаловажным для формирования «повестки дня» фактором в контексте воздействия на мнение и поведение аудитории является информационная избыточность медиaprостранства. При этом важно понимать, что мифологизаторство далеко не всегда целенаправленно: например, политический актер, представитель профессионального сообщества или корреспондент какого-либо издания могут определенным способом подавать информацию не из злонамеренного желания манипулировать сознанием аудитории, а в силу искреннего убеждения, что эта информация истинна и действительно важна. Засилье подобного множества акторов – каждого со своими убеждениями и видением ситуации – также способствует усилению информационного шума и негативно сказывается на сознании реципиентов. А. Н. Ильин обращает внимание на то, что «трудно отличить ложь от правды <...> вчерашняя ложь уже никому не нужна, она забывается и забывается желание ее разоблачить» [4, с. 49]. Подобное «состояние общественной амнезии» создает благодатную почву для использования манипулятивных технологий в пространстве медиа-коммуникации, а также подвергает дополнительному риску психологическое и нравственное состояние реципиентов информации, их сознание.

Следует признать «усложнение коммуникативных потоков, увеличение количества информации» [11, с. 261]. Проблематичным становится выделение в огромном потоке информации наиболее приоритетной и значимой: сознание реципиента значительно перегружено, индивид не успевает провести анализ полученной информации, а лишь дает ему поверхностную эмоциональную оценку прежде, чем очередная новость часа сменится другой. Даже если новость идентична действительности (а медиареальность в силу

особенностей функционирования в лучшем случае передаст максимально близкую к действительности новость), индивид зачастую все равно не может критически ее осмыслить по причине недостатка времени.

Медиареальность может не только противоречить объективной действительности: множество потоков и феноменов внутри нее может противоречить друг другу, что подвергает сознание реципиентов еще большей нагрузке и еще сильнее осложняет процессы восприятия и осмысления. В коммуникативном пространстве средств массовой информации значительная роль, по мнению Т. А. ван Дейка, отводится визуализации, которая обладает запоминаемостью и суггестивным влиянием, а значит властью над реципиентом [12]. Стремясь осмыслить происходящее, сохранив целостность восприятия, человек минимизирует усилия по критическому анализу полученной информации. В условиях чрезмерного потока новостей, возможно формирование тотального скептицизма или выборочности сведений, соотносимых с усвоенной системой ценностей, что находит подтверждение в публичных текстах «с одной стороны, отражающих агрессивный настрой общества, с другой – использующих оценочную лексику в качестве инструмента для формирования установок на противопоставление» [15, с. 72]. В мире медиареальности реципиенту становится достаточно сложно разобраться, насколько потребляемая им информация соответствует действительности, чьим отражением она является.

Заключение

Таким образом, медиатизированное поле коммуникаций представляется местом борьбы медиадискурсов, главной задачей в этом противостоянии является продвижение субъективно понимаемой повестки дня на доминирующие позиции, а также негативизация медиаобразов конкурентов. Медиа, в частности средства массовой информации, становятся одним из важнейших инструментов формирования реальности, а в условиях медиатизации – трансформируемой во множественную медиареальность.

Библиографический список

1. Вартанова, Е. Л. Медиасистема России. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 384 с.
2. Дзялошинский, И. Современное медиапространство России. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 309 с.
3. Гришаева, Л. И., Меркурьева, Н. А., Овсянников, А. В. Механизмы манипулирования и способы организации текста // Дискурсы власти: коллективная монография. – Орел, 2015. – С. 290–316.
4. Ильин, А.Н. От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // Информационное общество. – 2014. – № 5-6. – С. 42–49.
5. Козловский, Б. Максимальный репост. Как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 198 с.
6. Пастухов, А. Г. Темы и социальные топиксы в медиадискурсе // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Международная научно-практическая конференция: сборник научных работ. – Белгород, 2014. – С. 93–106.
7. Яковлева, Е. Л., Григорьева, Н. С., Григорьева, О. В. Манипулирование информацией как одно из проявлений оппортунистического поведения // Карельский научный журнал. – 2016. – Т. 5, № 1 (14). – С. 56–60.
8. Главные слова 2021 года – коронавирус, вакцина и здоровье // Сайт портала Superjob. Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/112961/glavnye-slova-2021-goda> (дата обращения: 10.07.2021).
9. Сайт газеты «Челнинские известия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chelny-izvest.ru/> (дата обращения: 12.07.2021).
10. Bignell, J. Media semiotics. An introduction. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – 253p.
11. Goryacheva, O. N. PR technologies in multicultural society // Life Science Journal. – 2014. – V. 11, No. 8s. – Pp. 261–264.
12. Teun A. van Dijk. Discourse and power. –New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 344 p.
13. Jakubowicz, K. Rude awakening. Social and media change in Central and Eastern Europe. – Cresskill: Hampton Press, 2007. – 451 p.
14. Köster, W. Simulation (Моделирование) // Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945 (Лексикон Метцлера. Современная культура. Темы и теории, формы и институты с 1945 года) / Hrsg. von Ralf Schnell. – Stuttgart, Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2000. – Pp. 471–472.
15. Khismatullina, R. B., Goryacheva, O. N., Gunko, O. G. Formation of communication facilities in the media // Journal of History Culture and Art Research. – 2018. – No. 7 (4). – Pp. 69–74. <https://doi.org/10.7596/taksad/v.7i4.1807>

16. Perrin, D. Textproduktion (Набор текста) // Leon R. Tsvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Medien und Kommunikation (Das große Lexikon. Медиа и коммуникация). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. – Pp. 322–323.
17. Thiedeke, U. Virtuelle Gemeinschaften (Виртуальные сообщества) // Leon R. Tsvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Medien und Kommunikation (Das große Lexikon. Медиа и коммуникация). – Würzburg: Ergon-Verlag, 2006. – Pp. 328–333.
18. Thussu, D. K. (ed.) *Internationalizing media studies*. – London: Routledge, 2009. 336 p.

References

1. Vartanova E. L. *Media system of Russia*, Moscow, Aspekt Press, 2017, 384 p. (In Russian).
2. Dzyaloshinskii I. *Modern media space of Russia*, Moscow, Aspekt Press, 2015, 309 p. (In Russian).
3. Grishaeva L.I. Manipulating mechanisms and means of text organization, *Discourses of Power: Collective Monograph*, Orel, 2015, pp. 290–316. (In Russian).
4. Il'in A. N. From information disorientation to superficial consumption of information, *Information Society*, 2014, no. 5-6, pp. 42–49. (In Russian).
5. Kozlovskii B. *Maximum repost. How social media makes us believe fake news*, Moscow, Al'pina Publisher, 2018, 198 p. (In Russian).
6. Pastukhov A. G. Topics and social topics in media discourse, *Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference "The Discourse of Modern Mass Media in the Perspective of Theory, Social Practice and Education"*, Belgorod, 2014, pp. 93–106. (In Russian).
7. Yakovleva E. L., Grigor'eva N. S., Grigor'eva O. V. The manipulation of information as one of the manifestations of opportunistic behavior, *Karelian Scientific Journal*, 2016, vol. 5, no. 1 (14), pp. 56–60. (In Russian).
8. The main words of 2021 – coronavirus, vaccine and health, *Website of the Portal Superjob. Ru*. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/112961/glavnye-slova-2021-goda> (accessed 10.07.2021). (In Russian).
9. *Website of the Newspaper "Chelninskie Izvestiya"*. Available at: <https://chelny-izvest.ru/> (accessed 12.07.2021). (In Russian).
10. Bignell J. *Media semiotics. An introduction*, Manchester, Manchester University Press, 1997, 253 p.
11. Goryacheva O.N. PR technologies in multicultural society, *Life Science Journal*, 2014, vol. 11, no. 8s, pp. 261–264.
12. Teun A. van Dijk. *Discourse and power*, New York, Palgrave Macmillan, 2008, 344 p.
13. Jakubowicz K. *Rude awakening. Social and media change in Central and Eastern Europe*, Cresskill, Hampton Press, 2007, 451 p.
14. Köster W. Simulation (Simulation), *Metzler Lexikon. Contemporary culture. Topics and theories, forms and institutions since 1945 (Metzler Lexikon. Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945)*, Hrsg. von Ralf Schnell, Stuttgart, Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2000, pp. 471–472. (In German).
15. Khismatullina R. B., Goryacheva O. N., Gunko O. G. Formation of communication facilities in the media, *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, no. 7 (4), pp. 69–74. <https://doi.org/10.7596/taksad/v.7i4.1807>
16. Perrin Daniel Text production (Textproduktion), *Leon R. Tsvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Media and communication (Das große Lexikon. Medien und Kommunikation)*, Würzburg, Ergon-Verlag, 2006, pp. 322–323. (In German).
17. Thiedeke U. Virtual communities (Virtuelle Gemeinschaften), *Leon R. Tsvasman (Hrsg.) Das große Lexikon. Media and communication (Das große Lexikon. Medien und Kommunikation)*, Würzburg, Ergon-Verlag, 2006, pp. 328–333. (In German).
18. Thussu D. K. (ed.) *Internationalizing media studies*, London, Routledge, 2009, 336 p.

УДК: 37.04.02

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-156-159

Гришина Лилия Маратовна
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Российский государственный
социальный университет», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1062-0433
e-mail: li.sharipova@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассмотрены конфликты внутри семьи между представителями разных поколений в период самоизоляции во время пандемии COVID-19. Раскрыта тема изоляции малых групп в профессиональной сфере: моряки, космонавты, полярники, участники длительных исследовательских экспедиций. Тема изоляции не новая для психологии, так как ученые еще в середине прошлого века столкнулись с этой проблемой, когда стали отправлять экспедиции на полюса, космонавтов в космос и т. д. Выполнен анализ статей на тему изоляции в период пандемии и раскрыт неоднозначный взгляд на поведение семей в этот непростой для общества период.

Ключевые слова: : изоляция, конфликт, малая группа, семья, конфликтная ситуация, межпоколенческий конфликт, молодое поколение, старшее поколение, поколение, причины конфликтов, пандемия

Для цитирования: Гришина Л.М. Особенности межпоколенческих внутрисемейных конфликтов в период пандемии // Вестник университета. 2021. № 9. С. 156–159.

Liliya M. Grishina
Graduate student, Russian State Social
University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1062-0433
e-mail: li.sharipova@gmail.com

SPECIAL ASPECTS OF INTERGENERATIONAL INTRA-FAMILY CONFLICTS DURING THE PANDEMIC

Abstract. The article deals with intergenerational conflicts within the family during the COVID-19 pandemic. The author reveals the topic of small groups isolation in the professional sphere: sailors, cosmonauts, polar explorers, members of long research expeditions. The topic of isolation is not new to psychology, since scientists in the middle of the last century faced this problem when they began to send expeditions to the poles, astronauts into space, etc. It analyses articles on the subject of isolation during the pandemic and reveals a mixed view of how families behave during this difficult time for society.

Keywords: isolation, conflict, small group, family, conflict situation, intergenerational conflict, conflicts' causes, younger generation, older generation, generation, pandemic

For citation: Grishina L.M. (2021) Special aspects of intergenerational intra-family conflicts during the pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 156–159. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-156-159

Введение

В России, как и во всем мире, весной 2020 г. общество столкнулось с таким явлением как изоляция в период пандемии. Многие государства объявляли один за другим не только о закрытии городов, своих границ, а также об изоляции людей с целью минимизации распространения коронавирусной инфекции. Многие семьи оказались закрытыми в своих домах без возможности вести привычный для них образ жизни. Мировое сообщество и российское, в том числе, оказалось не готовым быть закрытым в своих же домах со своими родными и близкими людьми. В этот период увеличилось число обращений в полицию и социальные службы, связанных с домашним насилием.

Особенности изоляции малых групп

Рассмотрим, в чем состоит особенность изоляции малых групп, и кто к ним относится. Главная особенность состоит в том, что все члены малой группы находятся в тесном контакте друг с другом, полностью изолированы от внешнего мира, а также имеют свои нормы, правила, процессы, эмоциональные отношения,

© Гришина Л.М., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Grishina L.M., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

которые формируются в закрытой системе. К малым группам принято относить коллективы на работе, учебные классы, семьи, моряков дальнего плавания, космонавтов, полярников, исследовательские экспедиции, экипажи подводных лодок, заключенные в тюрьмах [3]. К ним же относятся и семьи. Любая семья подходит под определение малой группы. Изоляцию в семье добавила пандемия и вынужденное нахождение дома.

О том, что происходит с человеком в условиях изоляции от внешнего мира, начали размышлять еще в Советском Союзе, например, что переживали в автономном полете или плавании первые космонавты, подводники и полярники [7]. Еще в середине прошлого века перед учеными-психологами и медиками встал вопрос о поведении людей в малых изолированных группах в условиях замкнутого пространства: выстраивание отношений, адаптация, реакция на коллег, принятие решений, поведение в целом. Люди начали сталкиваться с тем, что после длительного совместно проведенного времени, по возвращении домой, коллеги переставали общаться друг с другом. Исследуя этот феномен, ученые выявили периоды эмоционального напряжения у людей, находящихся в изоляции. Это проявлялось в виде депрессии, апатии, потери аппетита, плохого исполнения своих рабочих обязанностей, а то и вообще отказа от их исполнения. С целью минимизации таких последствий учеными медиками были разработаны медикаментозные терапии, которые применяют в случае необходимости. Формированием групп для космических полетов занимаются психологи [1]. Экипаж формируют не только с точки зрения профессиональных навыков, а также с точки зрения психологической совместимости всех его членов. И если один космонавт по какой-то причине не может участвовать в полете, то меняют всю группу космонавтов. Психологи дают рекомендации по организации режима работы и досуга (можно взять в экспедицию настольные игры, современная техника позволяет обеспечить устойчивую связь, организовываются шахматные турниры с полярниками, космонавтами и ведущими шахматистами) [5].

Межпоколенческие конфликты в период пандемии

Семьи во всем мире создаются без участия профессиональных психологов, а также встречаются случаи, когда подбирают супруга и супругу родители, при этом семьи имеют в своей структуре сильную эмоциональную привязку. В большинстве случаев люди создают семьи исходя из симпатии и любви друг к другу. Но несмотря на любовь и симпатию общение родных и близких в обычной обстановке довольно лимитировано. У всех членов семьи есть свои цели и задачи не только внутри семьи, но и во внешнем мире. Так, обычно среднестатистическая работающая семья, у которой есть дети дошкольного и школьного возраста вживую общаются за завтраком и ужином. Совместные сборы на работу, учебу, приготовление пищи, домашние дела, обменяться новостями за прошедший день, ночной сон. Выходные, праздники, каникулы воспринимаются с радостью, в это время есть возможность побыть дома и пообщаться с близкими, так как занятость в рабочие будни не дает достаточно времени и сил на полноценное общение и времяпровождение с близкими.

В тот момент, когда наступил локдаун весной 2020 г., казалось бы, все дома, много времени для общения и совместных дел, но ситуация оказалась совершенно иной. В обществе резко возросло количество внутрисемейных конфликтов, социальные службы и полиция отметили, что стало больше поступать звонков, сообщающих о домашнем насилии. Как отмечают многие специалисты в области психологии, социологии, одной из основных причин является наличие невидимого врага, который может «напасть» неизвестно откуда и неизвестно какие могут быть последствия. Дополнительным источником напряжения в этих условиях стали: небольшая жилплощадь, не позволяющая всем членам семьи с комфортом находиться длительное время дома и отсутствие нужного количества компьютеров (другой техники), позволяющей всем членам семьи в полном объеме выполнять свои обязательства по работе и учебе. Больные родственники, маленькие дети, сокращение доходов семьи и финансовые обязательства перед кредитными организациями явились дополнительными факторами, провоцирующими конфликты внутри семей.

Сложность семейных конфликтов состоит в том, что они мало изучены. Семья, несмотря на то, что это один из самых важных институтов нашего общества, является довольно обособленным явлением. У ученых, специалистов в области психологии, социологии нет доступа в семьи для того, чтобы наблюдать за ходом зарождения и развития конфликтов. Как правило специалистам разных служб приходится иметь дело с уже возникшим конфликтом и помогать решать его или разбирать последствия конфликта. Даже те семьи, в жизнь которых вмешались государство, полиция, социальные службы, все равно не находятся под постоянным наблюдением специалистов, как в случае, например, с космонавтами.

Многогранность межпоколенческих конфликтов

В период пандемии конфликтная ситуация между поколениями внутри семей оказалась неоднозначной, многогранной. Несмотря на то, что в обществе бытует мнение о вреде длительного пребывания в виртуальной реальности, во время изоляции она резко возросла. Н. Д. Елисеевой было проведено исследование и выявлено, что те семьи, в которых есть семейные традиции, а также отношения между супругами хорошие, использование сети «Интернет» (далее – Интернет) положительно влияет на взаимоотношения внутри семьи. Респонденты отмечали, что в период изоляции чаще использовали Интернет для связи с близкими и знакомыми, с целью поддержки друг друга в этот непростой период, а также приобретения новых знаний и навыков. Как предполагают авторы исследования, Интернет в такой ситуации оказывает положительное влияние на семью [2].

В социологическом анализе Т. К. Ростовская, Д. П. Толмачев, Я. В. Шимановская отмечают другую сторону изоляции в период пандемии. Несмотря на то, что совместное проживание трех поколений имеют ряд положительных моментов, существует ряд сложностей, с которыми сталкиваются люди, проживая на одной территории. Это и распределение бытовых обязанностей, разные взгляды на жизнь, распределение социальных и семейных ролей. Часты истории, когда старшие и младшие не могут договориться, утрачивается значимость и авторитет старших. Гиперопека со стороны представителей третьего поколения влечет за собой невозможность привить навыки самостоятельности молодежи. Все это и многие другие проблемы обостряются в период вынужденной изоляции. Нередки случаи, когда бытовые недопонимания могут привести к серьезным конфликтам [6].

Другой взгляд на сложившуюся ситуацию весной 2020 г. предлагают авторы Е. В. Камышова и Л. И. Савинов. В кризисных условиях в семье включается поведение самосохранения, так как семья обладает природным инстинктом по сохранению своих членов. Именно семья находится в постоянном процессе воспроизводства рода человеческого и обеспечивает непрерывную связь поколений. Нападение невидимого врага (распространение коронавирусной инфекции) и вынужденного введения ограничительных мер государством явились для семьи кризисной ситуацией, которая выходит за рамки и опыт понимания нормального течения жизненного процесса. История русской семьи и не только, знает многие примеры других экстремальных условий, преодолеть которые возможно только лишь объединившись. Так, и в этот раз многие семьи выступили, объединившись на борьбу с вирусом. Приняли изоляцию как необходимую меру, стали носить средства индивидуальной защиты и по возможности не контактировать очно с другими людьми, имея ввиду негативные экономические последствия изоляции, приняли меры, по обеспечению своей семьи продовольствием: стали активнее обрабатывать дачные участки, заводить птицу, мелкий сельскохозяйственный скот. После снятия режима самоизоляции, некоторые семьи продолжают не водить детей в сады, минимизируют походы в секции, чтобы сократить контакт с людьми. Перечисленные выше примеры и многие другие подтверждают, по мнению авторов, поведение самосохранения семьи. Принимая на себя удары пандемии, семьи демонстрируют жизнеспособность, а также совершенствуют формы, технологии и способы поведения в каждодневной жизни [4].

Заключение

Как следует из обзора, семьи в столь непростой для жизни период проявляют себя с разных сторон: кто-то начинает проявлять агрессию в отношении родных, кто-то демонстрирует сплоченность, а кто-то включает режим самосохранения и адаптируется к новым условиям жизни. Вопрос, почему так происходит, по мнению автора, нужно адресовать всему обществу, включая государство. Социальная реклама, проведение профилактических мер по минимизации межпоколенческих конфликтов, проведение мастер-классов, обучающих семинаров на тему взаимодействия представителей разных поколений внутри семей – все это и многие другие действия, направленные на вскрытие существующей проблемы в обществе, позволит минимизировать межпоколенческие конфликты внутри семей, а это, в свою очередь, приведет к лучшему здоровью подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 511 с.
2. Елисеева, Н. Д. Семья как социальный капитал личности в эпоху пандемии // Человеческий капитал. – 2020. – № 10 (142). – С. 132–144.

3. Захарычева, М. А. Процесс восприятия в малой изолированной группе // Социальная психология и общество. – 2012. – Т. 3, № 1. – С. 88–99.
4. Камышова, Е. В. Савинов, Л. И. Самоохранительное поведение российской семьи в условиях пандемии коронавирусной инфекции (Covid-19). – Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19, № 3 (136). – С. 128–136.
5. Ростовская, Т.К., Толмачев, Д.П., Шимановская, Я.В. Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 394–398.
6. Кочеткова-Корелова, О. Лайфхаки от космонавтов: как Гагарин и Леонов справлялись с самоизоляцией // Psychologies.Ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologies.ru/articles/layfhaki-ot-kosmonavtov-kak-gagarin-i-leonov-spravlyalis-s-samoizolyatsiey/> (дата обращения: 03.08.2021).
7. Куколев, П. Как стать космонавтом. Требования. Подготовка. Перспективы // ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/spec/stat_kosmonavtom (дата обращения: 03.08.2021).

References

1. Bodrov V. A. *Psychology of professional fitness. Textbook for universities*, Moscow, 2001, 511 p. (In Russian).
2. Eliseeva N. D. The family as the social capital of the individual in the era of the pandemic, *Human Capital*, 2020, no. 10 (142), pp. 132–144. (In Russian).
3. Zakharycheva M. A. Perception processes in minor isolated groups, *Social Psychology and Society*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 88–99. (In Russian).
4. Kamyshova E. V., Savinov L. I. Self-preservation behavior of the Russian family in the context of the coronavirus pandemic (COVID-19), *Social Policy and Sociology*, 2020, vol. 19, no. 3 (136), pp. 128–136. (In Russian).
5. Rostovskaya T. K., Tolmachev D. P., Shimanovskaya Ya. V. The role of the multi-generational Moscow family in the context of the COVID-19 pandemic: the sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 20, no. 4. , pp. 394–398. (In Russian).
6. Kochetkova-Korelova O. Life hacks from cosmonauts: how Gagarin and Leonov coped with self-isolation, *Psychologies.Ru*. Available at: <https://www.psychologies.ru/articles/layfhaki-ot-kosmonavtov-kak-gagarin-i-leonov-spravlyalis-s-samoizolyatsiey/> (accessed 03.08.2021).
7. Kukolev P. How to become an astronaut. Requirements. Preparation. Perspectives, *TASS*. Available at: https://tass.ru/spec/stat_kosmonavtom (accessed 03.08.2021). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44569386> (accessed 03.08.2021). (In Russian).

Давлетшина Лейсан Анваровна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Российский экономический универси-
тет им. Г.В. Плеханова», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1497-1751

e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

Карманов Михаил Владимирович

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО
«Российский экономический универси-
тет им. Г.В. Плеханова», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2643-2146

e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

Leysan A. Davletshina

Cand. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian
University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1497-1751

e-mail: Davletshina.LA@rea.ru

Mikhail V. Karmanov

Dr. Sci. (Econ.), Plekhanov Russian
University of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2643-2146

e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАТИСТИКИ АНОРЕКСИИ

Аннотация. Новое для общества явление анорексии рассматривается с позитивной и негативной сторон, в статье приводятся аспекты, раскрывающие каждую из них. Приведены аргументы, подтверждающие позицию, что анорексия в XXI веке выступает в качестве социальной проблемы, болезни, негуманного отношения к себе. Представлена актуальность всестороннего изучения и профилактики анорексии в молодежной среде на основе имеющихся статистических данных. Обоснован подход к понятию анорексии как к объекту прикладного статистического исследования. Определены укрупненные группы факторов, влияющих на масштабы ее распространения и интенсивность развития. Предложена и обоснована оригинальная система показателей статистики анорексии, раскрывающая сущность исследуемого общественного явления по логике «распространение – структура – последствия».

Ключевые слова: анорексия, объект статистического исследования, факторы распространения, биологические факторы, психологические факторы, социальные факторы, система показателей анорексии, последствия распространения анорексии

Для цитирования: Давлетшина Л.А., Карманов М.В. Актуальные вопросы статистики анорексии// Вестник университета. 2021. № 9. С. 160–165.

CURRENT ISSUES OF ANOREXIA STATISTICS

Abstract. Anorexia as a new phenomenon for society is seen from both positive and negative sides. The article reveals the aspects each of them. Arguments are presented to support the position that anorexia in 20th century acts as a social problem, a disease, an inhumane attitude to oneself. The relevance of a comprehensive study and prevention of anorexia among young people is presented based on available statistical data. An approach to the concept of anorexia as an object of applied statistical research is justified. The enlarged groups of factors affecting the scale of its spread and the intensity of its development are determined. The authors proposed and justified an original system of indicators of anorexia statistics, revealing the essence of the studied social phenomenon according to the logic of “distribution – structure-consequences”.

Keywords: anorexia, statistical study object, distribution factors, biological factors, psychological factors, social factors, anorexia indicator system, anorexia spread consequences

For citation: Davletshina L.A., Karmanov M.V. (2021) Current issues of anorexia statistics. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 160–165. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-160-165

Введение

Двадцать первый век, как век научно-технического прорыва и цифровых технологий, привнес в жизнь современных людей не только множество новых возможностей, но и целый ряд явлений, к которым общество еще не смогло сформировать однозначного отношения. К ним, безусловно, относится и анорексия, чей феномен не осмыслен до конца и нередко трактуется в достаточно широком диапазоне от серьезной угрозы человечеству до позитивного фактора самоутверждения в социуме [7].

Среди «сторонников» и «приверженцев» анорексии находятся такие аспекты, как:

- ориентация на стройность, выдаваемую за абсолютный идеал телесной красоты человека;
- приверженность моде, особенно сильно почитаемой среди женской части общества и др. [4; 5].

© Давлетшина Л.А., Карманов М.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Davletshina L.A., Karmanov M.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Среди «противников» анорексии, обличающих ее пагубное воздействие на общество, присутствуют следующие аспекты, ориентированные на ее идентификацию, как:

- острая социальная проблема;
- особая болезнь XXI в.;
- негуманное отношение к самому себе и др. [1; 3; 9].

С нашей точки зрения, безусловная ориентация на стройность, худобу и т. п. человеческого тела вряд ли может быть истиной в последней инстанции, так как физическое и психическое здоровье человека не всегда и не в полной мере предопределяется только телесными параметрами людей. Примерно так же трактуется и мода, которая далеко не во всех ситуациях приносит пользу современному человеку, а в ряде случаев наносит и вред. Поэтому понимание анорексии как идеала или модного тренда, на наш взгляд, не может служить однозначным отражением истины.

Анорексия – объект прикладного статистического исследования

Попытки определения анорексии как социальной проблемы, болезни, негуманного отношения к себе и т. п. вызывают понимание даже при беглом взгляде на людей, вступивших на путь похудения любой ценой. Однако это обстоятельство не является абсолютным аргументом в установлении «истинного лица» анорексии. При этом не спасает и обращение к тому, что анорексия и ожирение представляются двумя краями одной и той же пропасти, которая таит наибольшую опасность именно для молодежи как самого креативного слоя любого общества [8].

Упор на актуальности всестороннего изучения и профилактике анорексии в молодежной среде легко обосновывается при помощи цифр, которые несут в себе серьезную тревогу и искреннюю озабоченность о будущем молодых поколений [6]. Они раскрывают следующий «портрет» современной анорексии:

- 90–95 % всех страдающих нервной анорексией – это девушки и женщины;
- сегодня в США ею больны от 0,5 до 1 % молодых американок;
- 5–10 % людей с анорексией умирают [13].

По нашему мнению, подобные параметры анорексии явно и ярко свидетельствуют о том, что это общественное явление не только не может, но и не должно оставаться вне поля зрения статистики, которая дает ключи для понимания сущности всего происходящего.

Правда, при этом стоит отдавать отчет в том, что в настоящее время многие количественные характеристики, касающиеся анорексии, получают не на основе систематического статистического учета, а по результатам социологических обследований. Чтобы исправить эту ситуацию требуется досконально разобраться в содержании и особенностях анорексии, как объекта прикладного исследования. Причем крайне важно остановиться на обосновании системы показателей, которая позволит получать всестороннее и комплексное представление о столь непростом и противоречивом общественном явлении.

Занимаясь идентификацией анорексии как объекта статистического учета важно помнить, что как общественное явление, она известна очень давно или имеет «исторические корни» своего происхождения. Например, в Древней Греции девушки должны были быть гибкими и стройными, чтобы соответствовать определенной норме. В противном случае они подвергались «лечению» вплоть до анорексии. В средние века анорексия основывалась на постах и голодовках во имя веры, а в Викторианскую эпоху настоящая леди вообще должна была питаться крайне скудно, чтобы быть воздушной и иметь талию не более 20 дюймов [10]. В итоге мировое сообщество дошло до того, что с 2005 г. 16 ноября было объявлено международным днем борьбы с анорексией, которая превратилась в серьезную угрозу.

За длительный исторический период сформировалось достаточно внятное понимание анорексии, содержание которой трактуется более или менее однообразно:

- анорексия (от греческих: а – отрицательная частица и *orexis* – аппетит), полное отсутствие аппетита при объективной потребности в питании [11];
- анорексия – заболевание, в основе которого лежит нервно-психическое расстройство, проявляющееся в навязчивом стремлении к похуданию, страхе ожирения [12];
- анорексия – это психическое расстройство, которое характеризуется осознанным отказом от приема пищи и значительным понижением веса [2].

В общем виде анорексия как общественное явление и объект наблюдения предстает в форме психического, нервно-психического заболевания, которое на поверхности проступает в умышленном ограничении приема пищи или даже в полном отказе от него с целью похудения и достижения определенных физических параметров человеческого тела (веса, соотношения роста и веса, размера талии и т. п.).

Факторы, характеризующие анорексию

Занимаясь статистической характеристикой анорексии особое внимание принято уделять тем факторам, которые оказывают влияние на масштабы ее распространения и интенсивность развития. Среди них наиболее часто выделяют три группы:

- биологические факторы – биологическая и генетическая предрасположенность отдельных людей;
- психологические факторы – воздействие семьи и различные внутренние конфликты;
- социальные факторы – влияние окружающей среды, мода [13].

С нашей точки зрения данный перечень вполне может быть дополнен структурно-демографическими факторами (половая, возрастная и т. п. принадлежность), которые как раз определяют современный облик анорексии, проиллюстрированный при помощи цифр чуть выше. Без них крайне сложно выделить группы населения, находящиеся в зоне повышенного риска, а поэтому требующие более тщательного и пристального статистического анализа.

Для получения ответа на вопрос о том, какие именно факторы определяют фактические параметры анорексии в обществе статистика должна успешно решать целый ряд практических задач, среди которых наиболее важными являются следующие:

- оценка масштабов и распространенности анорексии среди всего населения и его отдельных слоев;
- характеристика динамики развития анорексии в современном обществе;
- анализ последствий распространения анорексии и прогнозирование ее параметров на перспективу.

Правда, стоит заметить, что в настоящее время успешная реализация перечисленных задач сопряжена с некоторыми трудностями, которые определяются проблемами количественного измерения реальных масштабов анорексии.

Среди этих проблем на первом месте, несомненно, стоит особенность восприятия анорексии как своеобразного общественного явления. Она заключается в том, что фактически фиксируемая численность людей с анорексией и их реальное количество явно расходятся между собой. Причина несовпадения объясняется многими причинами, среди которых присутствуют:

- нежелание людей признавать, что анорексия – это не только их личное дело;
- нежелание людей воспринимать анорексию как достаточно серьезное заболевание;
- нежелание людей, страдающих анорексией, вставать на учет в медучреждении и начинать борьбу с заболеванием;
- нежелание людей с анорексией осознавать, что самолечение может привести к серьезным пагубным последствиям и др.

В результате складывается такая ситуация, когда истинная численность людей с анорексией представляет собой специфический «айсберг», большая часть которого скрыта от внимания статистики, а следовательно, и от органов здравоохранения и общества в целом. Это сильно искажает реальные масштабы распространения данного заболевания и необходимость организации серьезной пропагандисткой и профилактической работы по противодействию необдуманным желаниям населения, особенно молодежи, заниматься истязанием собственного тела. Кроме того, требуется проведение серьезной работы, направленной на разъяснение всех негативных последствий анорексии и важности своевременного обращения к врачу и постановки на медицинский учет.

Система показателей статистики анорексии

Другой не менее важной проблемой следует признать отсутствие системы показателей статистики анорексии, которая бы предоставляла возможность раскрыть все аспекты столь сложного заболевания, получающего все большее и большее распространение в обществе. К сожалению, приходится признать, что сегодня для количественной характеристики параметров анорексии привлекается весьма узкий круг статистических индикаторов:

- численность лиц, страдающих анорексией;
- распределение людей с анорексией по полу и возрасту;
- удельный вес лиц, страдающих анорексией, в общей численности населения или его отдельных групп;
- удельный вес людей, умерших с анорексией [13].

По существу, эти показатели позволяют измерить такие параметры анорексии, как масштабы, структура, распространение и летальные последствия. Конечно, это далеко не все аспекты столь сложного заболевания, а поэтому возникает насущная потребность разработки системы показателей, акцентирующей внимание не на отдельных гранях, а на ключевых определяющих сторонах анорексии, включая и динамику развития, и нелетальные последствия, и другие направления.

С нашей точки зрения, система показателей статистики анорексии может быть построена как трехзвенная конструкция, раскрывающая сущность исследуемого общественного явления по логике распространение – структура – последствия (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Система показателей статистики анорексии

Показатели распространения анорексии занимают в рассматриваемой схеме исходные позиции по той причине, что они призваны охарактеризовать абсолютные и относительные масштабы проникновения анорексии в современное общество. Без них все остальные индикаторы лишены смысла, так как если нет людей с анорексией, то и нет необходимости рассматривать иные статистические параметры рассматриваемой совокупности. Среди характеристик распространения анорексии, на наш взгляд, должны находиться:

- численность лиц с впервые установленным диагнозом «анорексия»;
- общая численность больных анорексией;
- численность больных анорексией в расчете на 100 000 человек населения;
- численность больных анорексией в расчете на 100 000 человек трудоспособного возраста;
- динамика перечисленных выше индикаторов распространения анорексии и др.

Показатели структуры анорексии предназначены для раскрытия особенностей состава изучаемой совокупности, а также происходящих в нем изменений. Их актуальность определяется тем обстоятельством, что различные составные группы населения имеют различную склонность к заболеванию анорексией. К характеристикам данной группы могут быть отнесены:

- распределение людей с анорексией по полу, возрасту, семейному положению, месту жительства, территории, образованию, профессии и другим признакам;
- удельный вес людей с анорексией среди различных социально-демографических групп населения;
- структурные сдвиги в распределении людей с анорексией по полу, возрасту, семейному положению, месту жительства, территории, образованию, профессиям и другим признакам;
- уровень энтропии в распределении людей с анорексией по полу, возрасту, семейному положению, месту жительства, территории, образованию, профессиям и другим признакам;

– динамика перечисленных выше индикаторов структуры анорексии и др.

Показатели последствий распространения анорексии ориентированы на то, чтобы подвести итоги всей предложенной логической конструкции и показать к каким результатам в обществе приводит данное заболевание. В их состав могут быть включены:

- численность и удельный вес больных анорексией, потерявших работу;
- численность и удельный вес больных анорексией, утративших трудоспособность;
- численность и удельный вес умерших людей с анорексией;
- затраты общества на лечение и профилактику анорексии;
- динамика перечисленных выше индикаторов последствий распространения анорексии и др.

Представляется, что только объединение и совместное использование индикаторов все трех предложенных разделов системы показателей статистики анорексии способны дать синергетический эффект, раскрывающий подлинное место и роль столь своеобразного заболевания в современном обществе.

Заключение

В целом, завершая рассмотрение важнейших вопросов статистического исследования анорексии необходимо еще раз подчеркнуть, что данное направление социальной статистики пока находится в стадии становления, содержит достаточное количество теоретических пробелов и нуждается в дальнейшем совершенствовании, без которого заболеваемость людей, связанная со чрезмерным похудением способна создать множество новых проблем, которые в состоянии заметно снизить эффективность общественного развития.

Библиографический список

1. Григорян, Т. В. Анорексия как результат негуманного отношения к своему образу «Я» // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 52–5. – С. 390–398.
2. Гусарова, М. Т. Анорексия как фактор деструктуризации семьи // Молодой ученый. – 2016. – № 5 (109). – С. 855–859.
3. Жукович, Е. С., Литуновская, Т. В., Размыслович, М. С. Анорексия – болезнь 21 века // Материалы докладов 47-й международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. Витебский государственный технологический университет. – Витебск, 2014. – С. 104–106.
4. Мусаева, А. А., Абдурзакова, М. А., Эскерханова, Л. Т. Тенденция моды: анорексия // Новые информационные технологии в науке: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Челябинск, 29 декабря 2017 г. – Челябинск, 2017. – С. 76–78.
5. Погонцева, Д. В. Худоба – как идеал телесной красоты современного общества // The Value System of Modern Society. Materials Digest of the XVII International Scientific and Practical Conference (London, January 19 – January 23, 2012). Chief editor Pavlov V. V. – 2012. – С. 105–107.
6. Рачковская, Н. Н., Юрасова, Н. Ю. Проблемы анорексии и булимии в молодежной среде. В сборнике: Местное самоуправление в системе публичной власти Сборник научных трудов. – Саратов, 2015. – С. 111–112.
7. Тарасова, Т. В. Анорексия – феномен, угроза или фактор самоутверждения в социуме // Гуманитарий. – 2009. – № 8. – С. 254–255.
8. Трушина, О. Ю., Лихацкая, Т. Г. Два края одной пропасти (проблемы ожирения и анорексии в молодежной среде) // Вестник Камчатского политехнического техникума. – 2016. – № 14–16. – С. 50–58.
9. Федорова, А. А. Анорексия как социальная проблема современного общества // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2015. – № 4 (7). – С. 87–92.
10. Анорексия — с какого веса начинается, причины, признаки, последствия // Похудей-ка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anukarohudei.ru/chto-takoe-anoreksiya#i-2> (дата обращения: 17.07.2021).
11. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3CfA4aq> (дата обращения: 17.07.2021).
12. Определение анорексии // Киберис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kiberis.ru/?p=32301> (дата обращения: 17.07.2021).
13. Выборочное наблюдение рациона питания населения 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/food18/index.html (дата обращения: 17.07.2021).

Reference

1. Grigoryan T. V. Anorexia as a result of inhumane attitude to the image “I”, *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2016, no. 52-5, pp. 390–398. (In Russian).
2. Gusarova M. T. Anorexia as a factor of family destructure, *Molodoi uchenyi*, 2016, no. 5, pp. 855–859. (In Russian).
3. Zhukovich E. S., Litunovskaya T. V., Razmyslovich M. S. Anorexia – a disease of the 21st century, *Proceedings of the 47th International Scientific and Technical Conference of Teachers and Students. Vitebsk State University of Technology*, Vitebsk, 2014, pp. 104–106. (In Russian).
4. Musaeva A. A., Abdurzakova M. A., Eskerkhanova L. T. Fashion trend: anorexia, *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Chelyabinsk, December 29, 2017*, Chelyabinsk, 2017, pp. 76–78. (In Russian).
5. Pogontseva D. V. Thinness – as an ideal of bodily beauty of modern society, *Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference (London, January 19-January 23, 2012)*, Chief editor-Pavlov V. V., 2012, pp. 105–107. (In Russian).
6. Rachkovskaya N. N., Yurasova N. Yu. Problems of anorexia and bulimia in the youth environment, *In the of Scientific Papers: Local Self-Government in the System of Public Power*, Saratov, 2015, pp. 111–112. (In Russian).
7. Tarasova T. V. Anorexia – a phenomenon, a threat or a factor of self-affirmation in society, *Russian Journal of the Humanities*, 2009, no. 8, pp. 254–255. (In Russian).
8. Trushina O. Yu., Likhatskaya T. G. Two edges of one abyss (problems of obesity and anorexia in the youth environment), *Vestnik Kamchatskogo Polytehnicheskogo Tekhnikuma*, 2016, no. 14–16, pp. 50–58. (In Russian).
9. Fedorova A. A. Anorexia as a social problem of modern society, *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy and perspektivy*, 2015, no. 4, pp. 87–92. (In Russian).
10. Anorexia-what weight does it start with, causes, signs, consequences, *Pokhudei-ka*. Available at: <http://anukapohudei.ru/ch-to-takoe-anoreksiya#i-2> (accessed 17.07.2021).
11. *Big Medical Encyclopedia*. Available at: <https://bit.ly/3CfA4aq> (accessed 17.07.2021).
12. Definition of Anorexia, *Kiberis*. Available at: <https://kiberis.ru/?p=32301> (accessed 17.07.2021).
13. *Selective observation of the diet of the population in 2018*. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/food18/index.html (accessed 17.07.2021).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

DOI 10.26425/1816-4277-2021-9-166-172

**Комлев Виталий
Александрович**

канд. психол. наук, ФГБОУ ВО
«Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина», Волго-
Вятский институт (филиал),
г. Киров, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8198-6331
e-mail: radon744@gmail.com

**Феоктистова Елена
Александровна**

психолог, индивидуальный
предприниматель, г. Обнинск,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3239-3262
e-mail: ekon2000@mail.ru

МОТИВАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, УВОЛЬНЯЕМЫХ В ЗАПАС

Аннотация. В статье рассмотрена проблема диагностики мотивации военнослужащих, увольняемых в запас, с целью оценки их психологического потенциала к предпринимательской деятельности. Проанализированы известные на сегодняшний день подходы к оценке психологического потенциала предпринимательской деятельности. Отмечена необходимость выделения диагностики мотивации как ключевого элемента для прогнозирования успешности военнослужащего, увольняемого в запас, в создании собственного бизнеса. На основании анализа результатов исследования, полученных в ходе реализации национального проекта «Курс малого бизнеса» для военнослужащих и членов их семей, выявлены наиболее значимые мотиваторы для двух видов предпринимателей: инноваторов (способных генерировать новые идеи и дорабатывать их до бизнес-плана) и имитаторов (предпочитающих распространять разработанные ранее технологии).

Ключевые слова: мотивация, психологический потенциал, коммуникации, генерация идей, имитаторы, инноваторы, демотивация, мотиватор, предпринимательская деятельность, военнослужащие

Для цитирования: Комлев В.А., Феоктистова Е.А. Мотивация как ключевой элемент психологического потенциала к предпринимательской деятельности среди военнослужащих, увольняемых в запас // Вестник университета. 2021. № 9. С. 166–172.

MOTIVATION AS A KEY ELEMENT OF PSYCHOLOGICAL POTENTIAL FOR ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES AMONG THE RETIRED MILITARY PERSONNEL

Abstract. The article considers with the problem of diagnosing the motivation of military personnel leaving the reserve, in order to assess their psychological potential for entrepreneurial activity. The currently known approaches to assessing the psychological potential of entrepreneurial activity are analysed. The necessity of identifying diagnostics of motivation as a key element for predicting the success of a serviceman who is transferred to the reserve in creating his own business is noted. Based on the analysis of the research results obtained during the implementation of the national project “Small Business Course” for military personnel and members of their families, the most significant motivators for two types of entrepreneurs were identified: innovators (capable of generating new ideas and modifying them from a business plan) and imitators (who prefer to distribute previously developed technologies).

Keywords: motivation, psychological potential, communications, idea generation, imitators, innovators, demotivation, motivator, entrepreneurial activity, military personnel

For citation: Komlev V.A., Feoktistova E.A. (2021) Motivation as a key element of psychological potential for entrepreneurial activities among the retired military personnel. *Vestnik universiteta*, no. 9, pp. 166–172. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-9-166-172

Vitaly A. Komlev

Cand. Sci. (Psych.), Volga-Vyatka
Institute (branch) of the Moscow
State Law University named after
O.E. Kutafin, Kirov, Russia
ORCID: 0000-0001-8198-6331
e-mail: radon744@gmail.com

Elena A. Feoktistova

Psychologist, self-employed
entrepreneur, Obninsk, Russia
ORCID: 0000-0002-3239-3262
e-mail: ekon2000@mail.ru

© Комлев В.А., Феоктистова Е.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Komlev V.A., Feoktistova E.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В последнее десятилетие идет активное реформирование российской армии, значительно повысилась социальная защищенность военнослужащих, вырос уровень заработной платы, улучшилось пенсионное обеспечение. Однако приходит время увольняться со службы и искать применение своих сил и способностей в гражданской сфере. Большая часть военнослужащих имеет право на пенсию. При этом, как правило, все они находятся в трудоспособном возрасте и еще могут реализовать себя в гражданской деятельности. Тем не менее, оказавшись за пределами армии, они сталкиваются со многими проблемами, в числе которых – социальная и профессиональная невостребованность, потеря рабочих мест, необходимость перемены места работы и учебы членов семей, отсутствие опыта и навыков работы в условиях рыночной экономики, невнимание местной администрации к их нуждам, острая жилищная проблема. Многие из военнослужащих и членов их семей не могут привыкнуть, адаптироваться к гражданским условиям [7].

Постановка проблемы

Среди основных факторов, негативно влияющих на психологическую адаптацию военнослужащих, и требующих рассмотрения, можно выделить следующие: потеря социального статуса, невостребованность на рынке труда, избыток свободного времени и др. Все это, как правило, приводит к негативным эмоциональным состояниям, конфликтам в семье и различным девиациям.

Необходимо также дифференцировать военнослужащих, увольняющихся в запас.

Одну группу составляют те военнослужащие, которые считают, что пик своей жизненной активности они уже прошли во время службы, и пришло время отдохнуть, пожить в свое удовольствие, пожить на пенсию и в лучшем случае устроиться работать охранником или в общественную организацию.

Вторая группа военнослужащих – это те, кто ощущает необходимость самореализации в гражданской сфере, у кого есть стремление сделать административную, профессиональную или предпринимательскую карьеру. Но в связи со значительной разницей в армейской и гражданской жизни не у всех получается адаптироваться к новым для них условиям, что в итоге приводит к разочарованию в жизни со всеми последующими за этим проблемами.

Вместе с тем, оказание помощи военнослужащим второго типа позволило бы решить не только социальные и психологические проблемы военнослужащих, но и улучшило бы социально-экономическую проблему государства через повышение занятости активных граждан, снижение безработицы, собираемость налогов.

Одним из вариантов решения проблемы является реализация различных мер по стимулированию предпринимательской деятельности среди военнослужащих, увольняемых в запас, и членов их семей. При этом повышается самозанятость военнослужащих, снижается нагрузка на социальные службы и безработица, увеличивается уплата дополнительных налогов.

Однако при таком подходе может возникнуть ряд проблем. Одна из них заключается в том, что гражданский человек в ходе своей трудовой деятельности сталкивается со спецификой ведения бизнеса, пробует себя в качестве предпринимателя и делает вывод, насколько ему подходит этот вид деятельности. В случае с военнослужащим ситуация сложнее: в рамках существующего законодательства военнослужащим, помимо службы, запрещено заниматься иными видами деятельности (кроме научной, преподавательской и иной творческой), в связи с чем военнослужащий, как правило, имеет очень приблизительное представление о специфике ведения бизнеса. Тем не менее, по окончании службы он предполагает деятельность предпринимателя как подходящую для него, без учета собственных психологических способностей. Дальнейшая возможная неудача в организации бизнеса может привести к усугублению негативных психологических состояний, возникающих после увольнения военнослужащего в запас.

Поэтому для повышения эффективности мер по стимулированию предпринимательской деятельности среди военнослужащих, увольняемых в запас, представляется важным, чтобы усилия и средства, направляемые на такое стимулирование, выделялись точно, то есть на поддержку тех военнослужащих, которые имеют соответствующий психологический потенциал к занятию предпринимательской деятельностью.

Литературный обзор

Психологический потенциал к предпринимательской деятельности включает в себя характеристики профессионально-личностного, адаптационного, инновационного, духовно-нравственного и других потенциалов, поскольку предпринимательская деятельность носит комплексный характер. Она предполагает адаптацию к разнообразным рискам и меняющимся обстоятельствам, требует сообразительности, предполагает способность к саморегуляции, наличие определенных мотивов, ценностных ориентиров, устойчивых свойств личности, которые вступают в определенные, обусловленные задачами предпринимательской деятельности взаимосвязи [5].

Таким образом, психологический потенциал к занятию предпринимательской деятельностью рассматривается как совокупность личностных качеств, которые повышают вероятность создания эффективного бизнеса и способствуют его развитию.

Выделяют следующие особенности личности предпринимателя:

- когнитивные (развитые память, воображение, внимание, мышление и др.);
- коммуникативные (коммуникативная компетентность предпринимателя, гибкость в ситуациях межличностного общения, развитые коммуникативно-организаторские и лидерские способности и др.);
- мотивационно-волевые (интернальность предпринимателя, потребность в признании, склонность к риску, преобладание мотивации достижения над мотивацией избегания неудач, доминирование мотивации свободы, самообладание, высокий уровень волевой саморегуляции, фрустрационная толерантность, самостоятельность и др.) [2].

С другой стороны, ряд исследователей критически относится к устоявшемуся перечню личностных качеств, необходимых для успешной деятельности предпринимателя. Так, З. Г. Ханова отмечает: «Наши совместные исследования в области психологии предпринимательства показали, что попытки создания специфического психологического портрета предпринимателя и, как следствие, поиск устойчивых комбинаций личностных черт и деловых качеств, позволяющих прогнозировать предпринимательский потенциал, не дали ожидаемых результатов...» [8].

Как указывает в своих исследованиях Н. В. Попова, реализация малого бизнеса в большей степени определяется мотивационными характеристиками человека, в то время как реализация и поддержание среднего и крупного бизнеса больше зависит от личностных качеств [5].

А. С. Ничуговская в своем исследовании, не отрицая значимости таких качеств, как активность, организованность, коммуникабельность, расчетливость, наблюдательность, выделяет мотивацию в качестве основополагающего фактора успешной предпринимательской деятельности [3]. В частности, автор выделяет ряд мотивов, побуждающих людей к предпринимательской деятельности:

- экономические мотивы, необходимые для обеспечения нормального существования себе и своей семье, а также повышение конкурентоспособности;
- социальные мотивы, способствующие развитию социальных коммуникаций, необходимых для успешной предпринимательской деятельности;
- психологические мотивы, способствующие развитию ряда личностных качеств, необходимых предпринимателю: напористость, уверенность в себе и др.;
- гуманистические мотивы, отображающие необходимость людей в интенсивном поведении, преобладании, развитии, обретении комфорта в этической, эстетической, идеологической областях.

Обобщая выводы различных авторов, можно отметить, что большинство из них считает наиболее значимыми мотивами к предпринимательской деятельности экономические, а также мотивы, связанные с саморазвитием и возможностью самореализации своих способностей.

По мнению авторов работ [3; 4], положительное значение в успешной предпринимательской деятельности имеют и такие мотивы, как социальные (публичное признание), гуманистические (влечение к этической, эстетической и идеологической самореализации) и независимость в работе.

Кроме того, для российских предпринимателей характерна высокая степень ориентации на собственные возможности, склонность к конкуренции и умеренному риску, низкая степень доверия к государственным органам и предпринимательским структурам.

С другой стороны, можно сделать и обратный вывод: вероятность того, что человек начнет успешно заниматься своим собственным бизнесом снижается, если он ориентируется на внешние обстоятельства, а не на собственные возможности; не готов к конкуренции и умеренному риску, то есть стремится к стабильной, спокойной и предсказуемой деятельности.

Изучение мотивации среди военнослужащих, увольняющихся в запас, необходимо для выстраивания эффективной системы поддержки потенциальных предпринимателей среди них, что решает часть социальных проблем. Это позволяет сосредоточить средства в отношении тех военнослужащих, которые с наибольшей степенью вероятности смогут организовать свой собственный бизнес.

Методы и результаты исследования

В 2020 г. в рамках национального проекта «Курс малого бизнеса» для военнослужащих и членов их семей проводилась оценка психологического потенциала к предпринимательской деятельности респондентов. Исследования проводились в онлайн-режиме с помощью авторской анкеты на основе ресурса profi-job.ru и пакета психологических методик.

Поскольку респонденты являлись кандидатами на прохождение курсов по организации собственного бизнеса, существовала высокая вероятность получения такой погрешности, как социально-одобряемые ответы, когда в ответ на прямые вопросы респонденты могли декларировать свою мотивированность заниматься бизнесом, что не соответствует действительности.

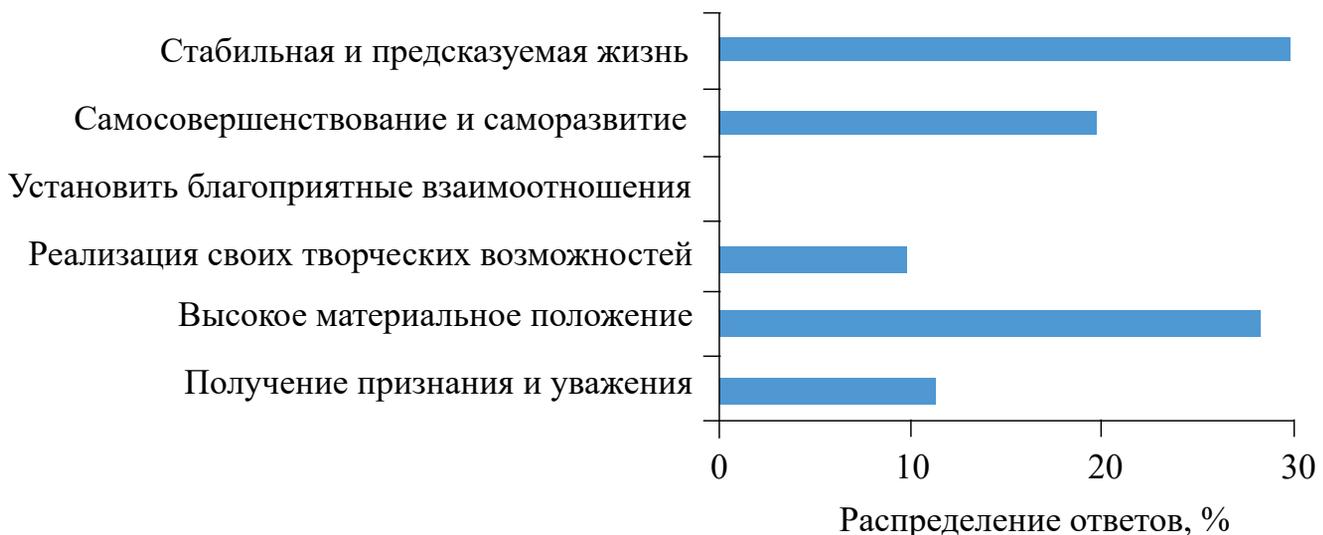
Для формулирования вопросов использовалась так называемая проективная форма вопросов [1].

1. «Как Вы думаете, большинство людей стремятся в жизни к...». Данный вопрос позволяет классифицировать большую часть респондентов по их выбору вариантов ответов.

2. Продолжите фразу «На мой взгляд, когда человек после 40 лет открывает свой бизнес, он делает это для того, чтобы...».

3. «Как Вы понимаете фразу «успешный человек»?»

Распределение долей ответов по первому вопросу представлено в рисунке 1.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Распределение мотивов к предпринимательской деятельности среди военнослужащих

Как видно на гистограмме, наибольший процент составляет ответ «стабильная и предсказуемая жизнь». Это объясняется следующим: к концу службы у большинства офицеров (за исключением особых условий несения службы) жизнь приобретает постоянный и предсказуемый характер, к которому они уже давно адаптировались. Впоследствии военнослужащий хотел бы, чтобы после выхода на пенсию будущая работа носила аналогичный характер. Большой процент занимает мотиватор «высокое материальное положение». Относительно

всей выборки одновременный выбор мотиваторов «стабильная и предсказуемая жизнь» и «высокое материальное положение» встречается у 10 % военнослужащих. Среди тех, кто выбрал мотив «высокое материальное положение», у 35 % встречается одновременно выбор «стабильная и предсказуемая жизнь».

При этом на открытое утверждение «На мой взгляд, когда человек после 40 лет открывает свой бизнес, он делает это для того чтобы...» данные военнослужащие давали следующие варианты ответов: «сменить род деятельности», «обеспечить себе беззаботную старость», «обеспечить семью», «не жить на пенсию». Открытые ответы у военнослужащих показывают, что они предполагают заниматься предпринимательством, в первую очередь, для минимизации собственных (и семейных) жизненных рисков, что не является характеристикой успешного предпринимателя.

В ходе исследования важно было выделить две группы предпринимателей, принадлежность к которым также определяется типом мотивации: «инноваторы», и «имитаторы», выделенные Е. В. Самаль [6].

Предприниматели первой группы «инноваторы», стремятся к созданию и реализации новых технологий, новых видов товаров и услуг; ко второй группе относятся «имитаторы», которые предпочитают распространять, переносить в новые области или сферы уже созданные ранее технологии [6].

Таким образом, можно отметить что инноваторы – предприниматели, которые способны генерировать новые идеи и доводить их до стадии заверченного бизнес-проекта. Можно предположить, что инноваторами в предпринимательской деятельности в первую очередь движет стремление к самореализации и развитию.

«Имитаторы» – предприниматели, предпочитающие распространять уже созданные ранее технологии, могут делать это несколькими способами:

- в результате активной коммуникации, умения вести переговоры, продажи, находить общий язык с другими людьми;
- в результате умения системного развития собственного бизнеса, то есть планирования, расчета рисков, выстраивания системы взаимоотношений.

4. «Что, на Ваш взгляд, является самым важным при организации собственного бизнеса?» – этот вопрос являлся дополнительным в настоящем исследовании, определяющий оптимальный для военнослужащего вариант в рамках бизнес-деятельности. Распределение ответов по этому вопросу представлено в рисунке 2.

Составлено автором по материалам исследования.

Рис. 2. Распределение доли значимых элементов бизнеса для военнослужащих

Приведенный вопрос (4) отражает видение респондентов о том, что является самым главным для успешного создания и развития бизнеса. Поскольку исследование проводилось среди слушателей курсов по созданию бизнеса, то есть среди респондентов, предполагающих, что это им удастся в том или ином виде, то ответы на этот вопрос отражают их сильные или слабые стороны. Например, вариант ответа «генерация идей»

респондент рассматривает, с одной стороны, как самое главное в организации бизнеса, с другой стороны – предполагает, что сможет создать свой бизнес, то есть подразумевает наличие у себя такого качества, как способность к генерации идей.

Анализ результатов

На основании полученных вариантов ответов респондентов можно условно разделить на группы:

- респондент опирается исключительно на свои личностные возможности: способность к генерации идей, умение находить общий язык с другими людьми (коммуникативные способности), способность выработать четкий план и последовательно его выполнять (предпочитающий системный подход в организации);
- респондент опирается на внешние обстоятельства: наличие первоначального капитала, наличие нужных связей (бизнес при этом может быть успешным, но это не заслуга самого организатора), отсутствие проблем в семье (зависимость от социальной группы).

Согласно В. П. Позднякову, наибольшая вероятность успеха человека как предпринимателя возможна у представителей первой группы, которые опираются в первую очередь на себя, свои личностные качества, рассматривают их как свои конкурентные преимущества и не стремятся опираться исключительно на внешние обстоятельства [4].

Таким образом, среди военнослужащих, изъявивших желание открыть свой бизнес, у 30 % отсутствует мотивация, способствующая ведению успешной предпринимательской деятельности, так как они стремятся к стабильной и предсказуемой жизни, чего нельзя сказать про предпринимательскую деятельность, особенно – на начальном этапе создания. Соответственно, у этой категории военнослужащих, открывших свой бизнес и столкнувшихся с реальными трудностями, появляется высокая вероятность демотивации, что в итоге можно привести к закрытию бизнеса. В то же время, как было отмечено ранее, военнослужащий может не осознавать, что его психологические качества не соответствуют предпринимательской деятельности; он будет пытаться проходить соответствующие курсы и открывать свой бизнес, зачастую – с возможными негативными последствиями.

Важным является выбор ключевого элемента бизнеса. Если военнослужащий в первую очередь ориентируется на собственные качества (способность генерировать идеи, осуществлять эффективную коммуникацию с другими людьми, умение системно подходить к организации бизнеса), то вероятность создания успешного бизнеса высока.

На основании выбранных ключевых элементов возможна дифференциация подхода в обучении военнослужащего.

Специфика работы военнослужащих достаточно разнообразна: в каких-то областях работы основным является анализ среды и разработка решений (генерация идей), в каких-то – активное управление подчиненными и взаимодействие с другими военнослужащими (коммуникативная составляющая), а в каких-то – системный подход, то есть последовательное выстраивание определенной системы (например, системы обучения личного состава). В ходе службы военнослужащий осознает, что у него получается лучше всего, в каком направлении он чувствует себя наиболее комфортно и, соответственно, хочет продолжить свою деятельность в аналогичной сфере.

Соответственно, и поддержку в ходе обучения необходимо оказывать тем, кто делает выбор в пользу генерации идей – развитие креативности, пути реализации идей и т. д. Развитие коммуникаций (например, технологии продаж) и системная организация бизнеса так же важны, но для данной категории являются вторичными.

Для выбравших вариант «уметь находить общий язык с новыми людьми» основным является развитие коммуникации, так как респондент в этой сфере ощущает себя наиболее комфортно.

При выборе варианта «способность выработать план и последовательно выполнять пункт за пунктом» основным является системный подход, то есть умение анализировать среду, определение направления развития, создание команды.

Заключение

Предложенный подход к оценке мотивации среди военнослужащих, увольняющихся в запас, позволит, в первую очередь, оказывать помощь тем военнослужащим, которые имеют наибольшую вероятность в создании успешного бизнеса из-за соответствующей мотивации. В зависимости от значимого мотиватора для конкретного военнослужащего следует применять дифференцированный подход при организации и проведении занятий по созданию собственного бизнеса.

Библиографический список

1. Литвинова, Н. П. Влияние мотивации персонала на успех организации/ Н.П. Литвинова//Russian studies in law and politics. – 2019. - № 1. – С. 15-20.
2. Магомедова, Х. Н. Психологические особенности личности, определяющие склонность к предпринимательской деятельности (на примере студентов вузов) // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 3. – С. 64–67.
3. Ничуговская, А. С. Психология предпринимательства – актуальное направление современной экономической психологии // Молодежная наука: тенденции развития. – 2018. – № 1. – С. 44–49.
4. Поздняков, В. П. Итоги и перспективы исследования российских предпринимателей с позиции концепции психологических отношений // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 267–275.
5. Попова, Н. В. Структура психологического потенциала личности в зависимости от масштаба деятельности (на примере предпринимательской деятельности) // Человек. Сообщество. Управление. – 2010. – № 4. – С. 113–123.
6. Самаль, Е. В., Алмазова Н. О. Особенности профессиональной самоактуализации и профессиональной деятельности современного предпринимателя // Актуальные проблемы экономики менеджмента – 2014. - № 2. – С. 96–102.
7. Стахи, Т. А., Ли Е.В. Социальная адаптация уволенных в запас военнослужащих // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2014. – № 5. – С. 95–98.
8. Ханова, З. Г. Психологические особенности личностного и профессионального самоопределения предпринимателей // Вестник Университета. Государственный университет управления. – М. – 2014. – № 17. – С. 342–346.

References

1. Litvinova N. P. The influence of personnel motivation on the success of the organization, *Russian Studies in Law and Politics*, 2019, no. 1, pp. 15–20.
2. Magomedova Kh. N. Psychological personality traits that determine the propensity for entrepreneurial activity (on the example of university students), *Higher Education Today*, 2019, no. 3, pp. 64–67.
3. Nichugovskaya A. S. The psychology of entrepreneurship is an urgent direction of modern economic psychology, *Molodezhnaya nauka: tendentsii razvitiya*, 2018, no. 1, pp. 44–49.
4. Pozdnyakov V. P. Results and perspectives of the study of Russian entrepreneurs from the standpoint of the concept of psychological relations, *Knowledge, Understanding, Skill*, 2014, no. 1, pp. 267–275.
5. Popova N. V. The structure of the psychological potential of a person depending on the scale of activity (on the example of entrepreneurial activity), *Human. Community. Management*, 2010, no. 4, P. 113–123.
6. Samal E. V., Almazova N. O. Key elements of professional self-actualization and professional activities of contemporary entrepreneurs, *Actual Problems of Economics and Management*, 2014, no. 2, pp. 96–102.
7. Stakhi T. A., Lee E. V. Social adaptation of the retired military personnel, *Economics, Statistics and Informatics. Vestnik UMO*, 2014, no. 5, pp. 95–98.
8. Khanova Z. G. Psychological features of personal and professional self-determination of entrepreneurs, *Vestnik universiteta*, 2014, no. 17, pp. 342–346.